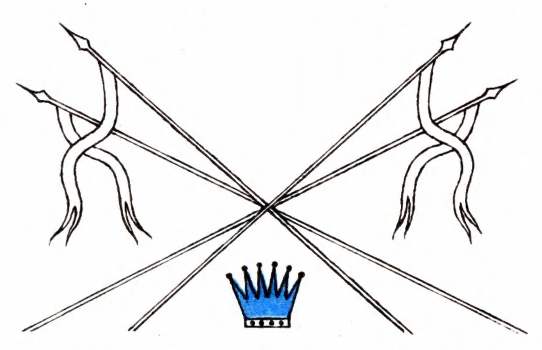
Алексей Самойлов

КАИССА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

FIDE
LONDON

SHIP
PERGA
PRES
86
&
SPE

Алексей Самойлов

КАИССА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Современная
шахматная история,
рассказанная с помощью
экс-чемпиона мира
МИХАИЛА ТАЛЯ

Ленинград «Детская литература»
Ленинградское отделение 1989

ББК 75.581
С 17

ХУДОЖНИК В. МИШИН

С $\frac{4803010201-176}{М101(03)-89}$ 35—89

ISBN 5—08—000159—3

Одно было совершенно ясно: **белый** котенок тут ни при чем, во всем виноват черный и никто другой.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Первое уведомление

(от автора)

Специальный корреспондент «Советского спорта» гроссмейстер Михаил Таль передал по телефону из югославского города Суботица репортаж об очередном туре межзонального шахматного турнира, напечатанный в газете 27 июня 1987 года.

«Таль против Ксу, — сообщил Таль, — довольно рискованно разыграл один из вариантов староиндийской защиты. Мой соперник, однако, действовал в дебюте довольно пассивно, и черным удалось получить минимальный позиционный перевес. Концовка партии протекала в обоюдном цейтноте, в котором на падающем флажке китайский шахматист допустил решающую ошибку...»

А теперь вспомним грамматику: Т а л ь разыграл, пишет автор о себе в третьем лице единственного числа и тут же без перехода меняет третье лицо на первое — «м о й соперник». Редактор, казалось бы, обязан был поправить: «его соперник», но не поправил и правильно поступил. Читателя, споткнувшегося об этот грамматический порожек, автор репортажа

вовсе не хочет запутать, как его герой запутал своего соперника на падающем флажке. Никакой мистификации, никакой литературной игры: просто герой и автор — одно лицо, но писать сразу от первого лица пристало дерзновенным лирическим поэтам, а не автору газетных репортажей о событиях, в которых автор участвует наряду с другими как действующее лицо.

Допустим. Но тогда почему репортаж идет не от третьего лица, ведь, как утверждал американский мыслитель Эмерсон, «интеллигентный человек может рассматривать себя как третье лицо»? Рассматривать себя как третье лицо со всеми его (своими) ошибками и иллюзиями, возможно, и интеллигентно, но писать о себе только в третьем лице — значит относиться к собственной особе как к садово-парковой скульптуре, с чувством повышенного личного достоинства.

Оба варианта, как видите, не подходят. И автор-герой избирает вариант с переменой лиц.

Грамматический казус ждет и читателей этой современной шахматной истории, где Михаил Таль выступает сразу в двух ролях — героя и соавтора-консультанта автора этой истории по шахматным вопросам. Поскольку в основной части повествования героями будут другие гроссмейстеры, я обязан представить читателям своего соавтора.

Как отмечаются юбилеи людей известных, заслуженных, выдающихся?

Статьями и интервью в журналах и газетах, торжественными вечерами в городе проживания юбиляра, в столице союзной республики и творческим вечером в Москве, адресами в роскошных папках, дружескими шаржами, эпиграммами-эпиталамами и другими различными по формам изъявлениями официального, полуофициального и совсем неофици-

ального восторга, восхищения, радости по поводу рождения столько-то лет назад талантливого ученого (писателя, архитектора, композитора, артиста и так далее и тому подобное)...

Все это было и в первую юбилейную осень Михаила Таля, пришедшуюся на 1986 год. Собственно, началась юбилейная осень (М. Таль родился 9 ноября 1936 года) еще весной, в мае, с творческого вечера шестикратного чемпиона СССР, восьмого в истории чемпиона мира, международного гроссмейстера в Центральном шахматном клубе, что на Гоголевском бульваре в Москве. Было все: и адреса, и эпиталамы, и статьи с подзаголовками: «Михаилу Талю — пятьдесят? Не может быть!», и шахматные задачи с жертвами в стиле молодого Таля, и даже... кроссворд.

Юбилейный кроссворд «Михаилу Талю — 50» опубликовал накануне торжественного дня шахматный бюллетень, издававшийся в Риге на финальном матче претендентов на звание чемпиона мира по шахматам А. Соколов — А. Юсупов. «Знаете ли вы Таля?» — спрашивалось на первой странице, а на последней задавались конкретные вопросы по вертикали и горизонтали. Вопросы были и простые, и каверзные, например: «Профессия Таля»; «Главный соперник Таля на шахматном Олимпе»; «Один из секундантов Таля»; «Гроссмейстер, у которого Таль выиграл головоломную партию в одном из межзональных турниров»; «Многолетний соратник Таля по различным сборным»; «Гроссмейстер, против которого Таль провел красивую атаку на одном из межзональных турниров».

Поприветствовать Таля, задав ему и его болельщикам несколько вопросов из его шахматной биографии, — мысль благая, остроумная, в духе самого

юбиляра, хотя, конечно, даже ему трудно было бы припомнить имена соперников, с которыми он сыграл головоломные партии и против которых провел красивые атаки... Сколько их было — головоломных и красивых за пятьдесят-то лет, точнее, за сорок, отданных шахматам!

Составитель кроссворда и издатели могли бы при желании помочь решающим кроссворд, опубликовав библиографию по Талю. Разумеется, без помощи Книжной палаты СССР, югославского шахматного «Информатора», специальных изданий Венгрии, Англии, США, ФРГ (см. длинный список стран — членов ФИДЕ — Международной шахматной федерации) в этом случае бы не обойтись. Библиографический поиск пришлось бы вести и в глубинах шахматного океана, и за его пределами. О Тале писали не только шахматные комментаторы, не только в шахматных и спортивных изданиях. В литературе, искусстве имя Таля упоминается чаще, чем имя любого другого шахматиста. В разных жанрах — от пословицы («В здоровом Тале — здоровый дух») до научно-популярного фильма о безграничных возможностях человеческого разума («Семь шагов за горизонт» — Таль играет в шахматы вслепую и комментирует ход своей мысли), разными авторами — и очень популярными и не очень.

Герой песни Владимира Высоцкого, собирающийся восстановить наш пошатнувшийся шахматный престиж и отобрать шахматную корону у американца Фишера, сыграл с самим Талем десять тренировочных партий — «в преферанс, очко и на бильярде», после чего «Таль сказал: «Такой не подведет». (Друживший с Высоцким и очень любивший его Таль как-то сказал, что попал в его песню случайно, исключительно из-за фамилии: мол, размер стихотворный

требовал односложной фамилии, вот и выбрали его. Позволю себе с соавтором-консультантом не согласиться: он попал в песню Высоцкого, действительно, исключительно из-за фамилии — из-за фамилии абсолютно всем известной, громкой и славной, а вовсе не из-за количества слогов в ней.)

Случай из биографии гроссмейстера положен в основу поэмы Давида Кугультинова «Шахматист». В ней рассказывается о том, как врач-психиатр попросил только что ставшего чемпионом мира Таля обыграть одного пациента их клиники, семнадцатилетнего юношу, вообразившего себя сверхчемпионом, «сразившим Алехина и Капабланку разом». Обыграть — и тем самым излечить его. Таль приехал в клинику, сел играть с больным юношей и был поражен его необычной, нестандартной, удивительно своеобразной игрой. Первую партию «сверхчемпиону» новый чемпион проиграл, вторую, призвав на помощь все свое искусство, выиграл. Врач был удовлетворен: психологический нокаут, каким стала для юноши проигранная им партия, помог тому исцелиться. К нему вернулся разум. Но талант, увы, не вернулся. Это обнаружилось через несколько месяцев после тех двух партий в клинике, когда в сеансе одновременной игры на тридцати пяти досках в рижском парке Таль снова встретился с этим юношей и снова был поражен — теперь уже заурядностью, стандартностью, бескрылостью, безликостью его игры.

Когда я читал поэму, эту современную трагедию, то вспомнил «Черного монаха» Чехова и героя этого поразительного по глубине и загадочности рассказа Коврина. «Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники и доктора не лечили их от экстаза и вдохновения! — сказал Коврин. —

Если бы Магомет принимал от нервов бромистый калий, работал только два часа в сутки и пил молоко, то после этого замечательного человека осталось бы так же мало, как после его собаки». По мнению биографа Чехова, доктора филологии А. Чудакова, альтернатива рассказа такова: или пить молоко, или сжигать жизнь в огне творчества. Сам Чехов, считает исследователь, выбрал второе. Замечу, что Таль тоже сделал вполне чеховский выбор. «Лечение и заботы о своем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению». Это — тоже Чехов. И тоже — Таль.

Из современной трагедии в стихах Таль перекочевывает в молодежную ироническую прозу. Герой повести Василия Аксенова «Рандеву» поднимает свои акции в глазах окружающих, бросая небрежно, мимоходом: «Вчера засиделись до третьих петухов у Миши... Какого? Таля, естественно. Блиц гоняли».

Таль фигурирует еще в одной литературной истории болезни. Написал ее Юрий Трифонов, замечательный прозаик, отменный знаток спорта. Имя Таля неоднократно встречается на страницах трифоновских произведений, а один из его очерков — «История болезни» — посвящен целиком единоборству Ботвинника и Таля и объясняет, почему в их первом матче автор болел за Ботвинника, но не против Таля.

У Таля настоящая, высокой пробы слава. Как это определяется? По-разному. В применении к живущим действует такой проверенный способ: если о человеке при его жизни слагаются легенды, значит, ему нечего беспокоиться о славе... Легенда о Тале живет независимо от него и, как ни удивительно, иногда соприкасается с его реальной биографией. Еще одна при-

мета подлинной славы: имя человека у всех на слуху, его знают даже те, кто понятия не имеет о деле, которым этот человек занимается. Таль — не только шахматы, хотя прежде всего это шахматы. Таль — знак времени, его родовая примета, вот почему летопись времени — литература, искусство — не может обойтись без присутствия Таля.

Легенда приписывает Талю сверхъестественные способности. Он — добрый волшебник, якшающийся, однако, с черными силами. Он всемогущ, как Мефистофель, но его дьявольские выходки обходятся без жертв и разрушений, зла он не творит. Он воздействует на своих шахматных соперников не то гипнотически, не то парапсихологически, не то биопсихоэнергетически; он внушает им слабые ходы; он заставляет их принимать жертвы, которые при свете дня оказываются некорректными и на следующий день, или через неделю, или через год опровергаются при точной игре, но какая может быть точная игра с дьяволом: он жертвует, заманивает, а они летят, как бабочки, на его огонь... Таинственный загадочный колдовской огонь. Все обжигаются, многие сгорают, только он невредим и расхаживает по жарким угольям босиком, как жители одной болгарской горной деревни, танцующие на полыхающих синими огоньками головешках...

В известном смысле легенда достовернее реальной биографии. В легенду, пусть в резко преувеличенном виде, попадает только поразившее современников, определяющее, обреченное на бессмертие — без примеси житейского сора, сгорающего в высокотемпературном режиме воображения, фантазии, без рассеивающих внимание, отвлекающих от главного ссылок на источники, свидетельства, документы, как будто тайна, чудо, загадка могут быть документированы?!

А Таль — тайна. Таль — чудо. И уж совершенно точно: Таль — загадка.

«Загадка Таля» давно уже написана известным шахматным литератором Виктором Васильевым, но загадка Таля и по сей день не разрешена. И не может быть разрешена, так как Таль — уникален, ни на кого не похож. «В гении то прекрасно, — замечено одним мудрым писателем, — что он похож на всех, а на него никто».

И пусть вас не смущает, что о живом, среди нас, смертных, живущем человеке сказано — «гений». Давно сказано, давно утвердилось в общественном сознании, вошло в обиход и стало как бы видовым обозначением Таля: малина — ягода, воробей — птица, лосось — рыба, Таль — гений.

То, чем он похож на всех, разбросано по нам в разных дозах и выглядит неправдоподобным, собранное в одной телесной оболочке.

Хрестоматийный Таль жизнелюб; он добр, остроумен, беспомощен в быту (интервьюер накануне юбилея спрашивает юбиляра, может ли он забить гвоздь, и пока юбиляр размышляет, его жена Геля возмущенно отвечает: «Да вы что? Он газ зажечь не может, а вы — гвоздь». Юбиляр слабо протестует: «Ну, это преувеличение. Газ могу зажечь»), нуждается в постоянном обихаживании, в твердой направляющей руке. Все это — от доброты до беспомощности — в гиперболических размерах. Рядом с ним человек отнюдь не скупой, не прижимистый, слывущий среди друзей открытым и щедрым, кажется самому себе чуть ли не жмотом и скупердяем. Доброта Таля безоглядна, безотчетна, абсолютна. Как и его жизнелюбие. Оно выручало Таля из труднейших положений, когда он чаще попадал на операционные столы в клиниках, чем сидел за шахматным столиком.

(Кстати сказать, рожденная в годы его бурной, но отягощенной болезнями молодости пословица «В здоровом Тале — здоровый дух» не верна: здоровый дух пребывал во всяком Тале и не раз спасал его от физического разрушения.) Оно же погружало его в эти самые труднейшие состояния: «беззаконник» в шахматах, он не признавал строгих установлений режима и часто, очень часто, как упоминалось выше, засиживался с друзьями до третьих петухов...

Конечно же, всякий живой человек (а Таль при всех своих хворостях очень живой человек, с колоссальным «внутренним допингом» — дочитавший повествование до конца узнает, что это такое), тем более человек неординарный, отличается от своих хрестоматийных изображений. Все, конечно, сложнее, замысловатее, «все так в жизни перепутано хитро», как пел Утесов в годы Мишиного детства. Друзья Миши (так его зовут все не только в Риге, все и всегда, и во времена Дворца пионеров, и после первого юбилея) — не просто любящие — боготворящие его в торжественные дни юбилея отметили и то, что он бывает невыносим, и способен кукситься из-за ерунды, и на редкость неаккуратен, и дымит, как паровоз (двух пачек сигарет на день и на ночь ему не хватает)... Разумеется, все это тут же было уравновешено воспеванием доблестей юбиляра, как то: редчайшего обаяния, предельной честности в отношениях с людьми, стоического, спартанского мужества. Только сигареты, увы, уравновесить было нечем: леденцов и вообще сладкого Миша не переваривает. Со своей стороны я мог бы дополнить список противоречивых составляющих характера Михаила Таля, но не буду этого делать. И не потому, что опасаюсь иронического похмыкивания читающего эти строки героя-соавтора-консультанта (хотя, при-

знаться, и опасаюсь). И не потому, что считаю неверным, прямолинейным утеплять и тем самым оживлять образ реального героя перечислением его грехов, слабостей, недостатков.

Все дело — в сокрытом двигателе человека. (Помните у Блока: «Простим угрюмство — разве это сокрытый двигатель его?») Все дело — в доминанте личности: что преобладает, что направляет, что определяет — вот главное. Все дело — в огне: чужая душа — потемки, и в этом смысле до конца не может быть разгадана, понята, постигнута ничья чужая душа. Но ключ к разгадке все же существует, и искать его надо не в сказочном хрустальном яйце, очень далеко запрятанном и очень тщательно охраняемом, а — замкнем круг — в его сокрытом двигателе (замкнем круг и продолжим Блока: «Он весь — дитя добра и света, он весь — свободы торжество»).

А Михаил Таль — он кто? Кто он весь? Дитя добра и света? Безусловно — при всем демонизме лика. Свободы торжество? О, да! Один наш общий друг говорил о нем так: «Миша — явление Христа народу». Друг этот, шахматный игрок, ни в бога, ни в черта не верил и вспомнил Христа лишь для того, чтобы выделить в человеческом облике Таля всё окрашивающую в отношениях с людьми доброту — качество дефицитнейшее в мире жесткого спортивного соперничества, в мире игры. Доброта как индивидуальное свойство натуры Михаила Таля, — натуры щедрой, не замкнутой только на игру, соединена в нем с исключительной ясностью умственного зрения, с отсутствием чего-либо демонического, чего-либо содержащего некую мрачную тайну. Действительно, дитя добра и света. Все три слова важны. Все три — ключ к разгадке его личности...

«Дитя» и «добро», думается, в пояснениях не нуждаются. Чуть подробнее о свете. Я не специалист в шахматах и не могу судить об оригинальности творческого мышления Таля-шахматиста, о величине его природного дарования. Полагаюсь здесь на так называемые экспертные оценки с их ясным принципом: «Мы готовы считать гениями тех, кого обычно считают таковыми». Таля обычно считают, и я, неспециалист, вслед за экспертами готов с удовольствием и гордостью (как-никак старый знакомый) считать так же — шахматным гением. Правда, эксперты расходятся во мнениях относительно природы его дара. Одни видели в нем своего рода ЭВМ необычайного быстродействия, другие — «великого комбинатора» (намек и на короля шахматных комбинаций, и на героя романов Ильфа и Петрова — предмета анализа в его студенческой дипломной работе), «беззаконника», нарушителя всевозможных шахматных «конвенций», попирающего святые каноны позиционной игры, третьи (например, тренер Марк Дворецкий и его ученик гроссмейстер Артур Юсупов) типичного позиционного шахматиста увидели даже в молодом Тале, прочитав книгу Таля о его первом матче с Ботвинником.

Но и те, и другие, и третьи писали о тайне Таля, его колдовской способности видеть комбинации там, где никто их не видит, о способности играть на грани допустимого риска и даже переходить эту грань без ущерба для себя (не всегда, но часто). Сам Таль, случалось, полемизировал с теми, кто называл его жертвы некорректными, объяснял свой подход к шахматам, свои игровые принципы; а что касается «дьяволиады», связанной с его именем, то чаще всего отшучивался — а что еще прикажете делать человеку в здравом уме и памяти (замечательном уме и колос-

сальной памяти), когда его объявляют «демоном», «дьяволом»! Нелепей не придумаешь: дитя Света рукоположен князем Тьмы! Всякие рассуждения на парашахматные (его словцо, производное от парапсихологии) темы он способен вести только в ироническом ключе. Трудно найти собеседника неотзывчивее для разговоров о таинственных явлениях человеческой психики, чем этот шахматный «гипнотизер», этот непостижимый и загадочный Таль. Как только разговор затрагивает область таинственного, он сразу теряет к нему интерес и со словами «Это, простите, уже из области спиритизма» уклоняется от него или переводит разговор на другую тему.

Этот «демон» — обескураживающий материалист. Материалист — в философском смысле слова, а никак не в житейском, связанном с материальными благами, материальными ценностями. В этом смысле он — идеалист чистой воды. Очень точно выразил это бесценное качество победителя пятидесяти всесоюзных и международных турниров (не считая матчей и Всемирных шахматных олимпиад), шахматного новатора и художника Михаила Таля его коллега московский гроссмейстер В. Чепижный. «В наш век воинствующего практицизма все более привлекательна очевидная талевская непрактичность, — писал он накануне пятидесятилетия шахматного волшебника из Риги в латвийском журнале «Шахматы». — Его стойкое пренебрежение материальными ценностями — и в жизни, и в шахматах (будто можно разделить эти понятия, когда речь идет о Тале!) — поддерживает веру в приоритет человеческого духа... Воздадим должное спортивным победам Михаила Таля, бесстрашного турнирного бойца, увенчанного чемпионскими лаврами. Но он совершил и нечто гораздо большее — своим одухотворенным, мятежным твор-

чеством возвысил шахматы как Искусство! И возвышает! И тем возвышается!»

Одну только поправку, весьма, на мой взгляд, существенную, я бы все-таки сделал: жизнь и шахматы не только можно, но и нужно разделять, даже когда речь идет о Тале. Сам он, кстати, всегда это разделяет, вот и в юбилейном интервью журналу «Даугава» сказал, что шахматы — мир, очень похожий на настоящий, но все-таки это не настоящий мир. А бывает, что жизнь и шахматы не разделяют, бывает, что игра вытесняет все остальное из мира, подменяет жизнь, становится наваждением, болезнью, и тогда впавшему в игру человеку кажется, что кто-то всесильный, страшный, таинственный затеял с ним эту игру и выиграть у него невозможно, из игры можно только выпасть, как выпал гениальный шахматист Лужин в романе Набокова «Защита Лужина».

Жизнь сейчас стремительна, как атака Таля.

Жизнь переделывается, перестраивается на наших глазах. Что может быть интереснее, чем жить? Разве что — читать. Так стали говорить после апреля восемьдесят пятого, когда мы открыли для себя и того же Набокова (известная сказка Кэрролла «Алиса в Стране чудес» вышла в детском издательстве в переводе Набокова и называется «Аня в Стране чудес»), и Замятина, и Ходасевича, и Флоренского, и романы Платонова и Гроссмана, и умную, тревожную журнальную публицистику современных экономистов, социологов, историков, писателей.

Темп жизни, выбранный, а точнее, заданный Михаилу Талю, по его словам, не оставляет времени на самокопание, на зализывание ран. Став во второй раз в своей биографии, двадцать восемь лет спустя, чемпионом мира (на этот раз по блицу — молниеносным шахматам), опередив, кстати сказать, и Кас-

парова с Карповым, он затем неудачно сыграл на международном турнире в Брюсселе. Зализывать раны? Это не в его натуре, да и, как уже сказано, решительно нет времени на пустые хлопоты. Прилетел домой из Брюсселя, расклеился — не из-за поражения, хворости опять одолели; жена уложила его в постель, принялась лечить — глотает, морщась, всякие лекарственные гадости бесстрашный тореро, прыгун в воду с десятиметровой вышки, вратарь студенческой футбольной команды (каких только экзотических снимков нет в талевской фотоколлекции!) и читает, читает запоем четыре журнальные книжки «Октябрь» — роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Трудное чтение. Горькое чтение. Мудрое чтение. И когда его старый друг, шахматный мастер и журналист Яков Дамский, беря у Таля очередное интервью, спрашивает у него, что он сейчас читает, он отвечает: «Сейчас зачитываюсь Гроссманом. Журналы и газеты — это действительно безумно интересно. Не со всем соглашаюсь, надо сказать. Но думаю, что здесь мои симпатии немногим отличаются от тех читательских анкет, от тех читательских взглядов, которые мы еженедельно встречаем в почте «Огонька».

Жизнь Таля стремительна, как его атака. Сколько турниров, сеансов, лекций с его участием было только в восемьдесят восьмом, не считая канадского Сент-Джона, где он стал чемпионом мира по блицу, и Брюсселя! Жаль, не доиграл звездный по составу чемпионат СССР: болезнь, проклятая, скрутила, уложила на несколько дней в постель, а поезд тем временем ушел. А потом был турнир в Шотландии, играли с укороченным контролем времени: Таль — первый, Спасский — второй, на последующих местах — молодые гроссмейстеры и мастера. А сейчас, когда я

пишу эти строки, слышу, из приоткрытой двери радио с кухни доносит: «На крупном международном турнире в Рейкьявике — он входит в Кубок мира — после пяти туров лидирует советский гроссмейстер Александр Белявский. На втором месте — Михаил Таль. За ними следуют Эльвест, Соколов, Тимман, Каспаров...»

Кто хочет — поспешите за Талем. И кто может — тоже.

Счастливого вам пути!

Больше в этом повествовании специальной главы о Михаиле Тале не будет; вообще-то у современной шахматной истории два молодых героя — Анатолий Карпов и Гарри Каспаров. Об их длительном единоборстве автор намерен рассказать с помощью своего соавтора-консультанта Михаила Таля. Соавтора и героя, потому что, рассказывая о других, объясняя иррациональную игру одного и рациональную — другого, восхищаясь наследниками и порицая их, Таль, надеюсь, раскроется и сам, ну, если и не раскроется (при всей своей открытости Таль вовсе не склонен исповедоваться), то приоткроется. В свою очередь, автор берет на себя обязательство не забывать о том, что соавтор-консультант прописан на жилой площади книги еще и как герой и в качестве такового нуждается в постоянном авторском внимании и попечении.

А если уж совсем начистоту, то автор в одиночку просто-напросто боится сунуться в шахматное Зазеркалье (почему Зазеркалье — объясню потом). Как сказано у Ходасевича, в стихотворении «Перед зеркалом»: «И Вергилия нет за плечами, — только есть одиночество — в раме говорящего правду стекла». Плохо без проводника-поводыря в таинственном мире по ту сторону зеркала. Кто покажет

дорогу, кто объяснит мне все непонятное, странное, загадочное, ждущее путника в Зазеркалье Игры?..

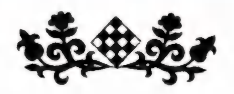
«Только без мистики, спиритизма и столоверчения. Договорились?»

Автору ничего не остается, как согласиться с провожатым. Конечно, ходить с ним по тайны — занятие не из легких: «...без мистики... договорились?» Но других знакомых, имеющих опыт путешествий «за горизонт», у автора нет. Так что выбирать не приходится. Договорились.

Второе уведомление

(от соавторов)

Один из соавторов уведомляет читателей, что не несет решительно никакой ответственности за шахматные оценки другого.

В свою очередь, другой соавтор хотел бы предупредить, что далеко не всегда присутствовал при разговорах, которые слышал или вел его коллега в Зеркальном* и других залах пресс-центров матчей на первенство мира по шахматам последних трех лет, и посему не может нести свою долю солидарной ответственности за эту часть повествования.

Возникает вопрос: как читателям различать голоса соавторов?

В общем и целом разобраться будет нетрудно, хотя в отдельных случаях соавторы и сами находятся в затруднении. Скажем, фразу: «Я угадал направление полета мяча, но удар тринадцатого чемпиона мира был так силен, что...» в принципе мог написать любой из нас, поскольку в свои университетские годы оба играли в футбол вратарями. Возможны и другие сложные случаи неразличения, поскольку соавторы знакомы друг с другом более тридцати лет и, будучи людьми одного поколения и одного (филологи-

---

* В Зеркальном зале концертного комплекса гостиницы «Ленинград» осенью 1986 года размещался пресс-центр матча-реванша Каспаров — Карпов.

ческого) образования, часто совпадают во взглядах и оценках.

И все-таки, повторяем, в целом разобраться в голосах будет нетрудно. Прочитав: «С Каспаровым я всегда играю черными» или «Как тренер-консультант Карпова...», вы, очевидно, догадаетесь, какой из соавторов включился в повествование. Так что в конечном счете, надеемся, читатели разберутся, что к чему, кто почему, кто за кого, кто кого...

Если все же что-то останется неясным, просим читателей вспомнить название нашей шахматной истории — «Каисса в Зазеркалье».

«По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, — сказала наконец Алиса». (Л. Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье».)

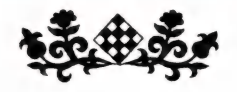
«Безумство шахматной игры как нельзя лучше отвечает безумной логике Зазеркалья». (М. Гарднер. Комментарии к «Алисе в Зазеркалье».)

И вы хотите, чтобы в шахматном Зазеркалье все было ясно и до конца понятно?..

Третье уведомление

(от третьего рассказчика этой истории,
именуемого в дальнейшем **С-III**)

Кто я такой и что делаю в этой книге?

Надеюсь, автор или его соавтор познакомят читателей с моей скромной персоной уже в следующей главе. Да что лукавить: я знаю, что в следующей главе это и произойдет. Ведь книги как обычно пишутся? Сначала — первая глава, потом — вторая, потом — заключительная, а уж когда последняя точка поставлена, автор спохватывается, что не все толком объяснил и читатель не все поймет так, как ему, автору, хочется: Вот тогда автор и пишет вступление к книге, его еще называют предисловием, а иногда — уведомлением.

Поскольку я полноправный рассказчик шахматной истории, с которой вам предстоит познакомиться, хочу, со своей стороны, тоже кое о чем вас уведомить.

Соавторы настолько увлечены своей игрой, что никак не могут поверить, будто есть на свете люди, которые не знают, кто такая Каисса, кто был пятым, а кто седьмым чемпионом мира по шахматам, что такое коэффициент Эло и с чем его едят... Когда я, еще в разгар работы над рукописью, заикнулся было, что не худо бы объяснить будущим читателям про Каиссу и Эло, соавторы посмотрели на меня как на инопланетянина и не удостоили ответом. Что ж, людей, столь

увлеченных своим делом, можно понять. А ну как, подумал я, кто-то из будущих читателей чего-то не поймет в книге только потому, что не будет знать, кого из чемпионов звали Бобби, или, чего доброго, спутает Алису с Каиссой, а Эло — с НЛО.

Нет, решил я, так дело не пойдет. Соавторов, не внявших моему призыву, можно понять, но ведь и читателей можно — и нужно понять. И поскольку, как вы скоро узнаете, на меня, в числе прочих, возложены авторами функции посредника между ними и читателями, спешу уведомить последних о том, КТО ЕСТЬ КТО в королевстве Каиссы.

Начнем, пожалуй, с самой Каиссы. Как и Алиса, она родилась в Англии. Оксфордский востоковед Уильям Джонс в 1772 году написал поэму «Каисса» — о любви прекрасной лесной нимфы и бога войны Марса, который изобрел шахматы, чтобы покорить красавицу. Каисса понравилась не только воинственному Марсу, но и мирным шахматистам, которые провозгласили ее своей музой, покровительницей, богиней шахмат.

В многовековой истории шахмат было много превосходных игроков. Но шахматных королей (а так принято называть тех, кто удостоен официального титула чемпиона мира по шахматам; эти соревнования проводятся с 1886 года) всего тринадцать. Поскольку соавторы называют их то и дело, как коронованных монархов, по порядковым номерам (шестой король, десятый чемпион, одиннадцатый король и так далее), считаю необходимым назвать их всех: Вильгельм Стейниц — первый чемпион мира по шахматам, Эмануил Ласкер — второй, Хосе Рауль Капабланка — третий, Александр Алехин — четвертый, Макс Эйве — пятый, Михаил Ботвинник — шестой, Василий Смыслов — седьмой, Михаил Таль — восьмой, Ти-

гран Петросян — девятый, Борис Спасский — десятый, Роберт Фишер — одиннадцатый, Анатолий Карпов — двенадцатый, Гарри Каспаров — тринадцатый.

В тексте некоторые из чемпионов будут называться не только по фамилиям, но и по именам или по именам-отчествам. Чтобы вам легче было ориентироваться, скажу, что Бобби — это Фишер, Миша — Таль, Борис — Спасский, Тигран — Петросян, Толя — Карпов, Гарик — Каспаров, Михаил Моисеевич — Ботвинник, Василий Васильевич — Смыслов.

Имя Арпада Эло в списке тринадцати шахматных королей, как видите, отсутствует. И тем не менее в королевстве Каиссы в наши дни нет, пожалуй, имени более популярного, точнее, более распространенного, чем Эло. Мало чем так озабочены действующие шахматисты, как своим Эло, другими словами — своим индивидуальным коэффициентом, своим рейтингом.

Арпад Эло — американский профессор, математик, разработал особую систему коэффициентов, которые можно считать относительно объективными показателями практической силы шахматистов. С помощью формулы Эло эти коэффициенты (рейтинги) подсчитываются по результатам международных и наиболее крупных национальных турниров и матчей. Ежегодно ФИДЕ — Международная шахматная федерация публикует свой рейтинг-лист — список шахматистов и шахматисток с их индивидуальными коэффициентами. Чем успешнее играет шахматист, чем у более сильных соперников выигрывает, тем выше его рейтинг. Те, кто имеет рейтинг от 2500 до 2600, как правило, носят звание гроссмейстеров, выше 2600 — это гроссмейстеры экстра-класса, ну а коэффициент выше 2700 со времени действия

формулы Эло имели только трое — Фишер, Карпов, Каспаров.

Высокий рейтинг имеют и женщины, играющие в шахматы, — чемпионка мира Майя Чибурданидзе, а также сестры Полгар. Правда, три талантливые сестренки чаще выступают в мужских соревнованиях и не исключено, что одна из них станет когда-нибудь... чемпионом мира среди мужчин! А что? Так считаю не только я, но и сам Михаил Таль. Дочитаете книжку до конца — узнаете почему.

Глава первая

ДЖУНГЛИ

— По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, — сказала наконец Алиса. — Только фигур почему-то не видно... А, впрочем, вот и они! — радостно закричала она, и сердце громко забилось у нее в груди. — Здесь играют в шахматы! Весь этот мир — шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая партия! Ой, как интересно! И как бы мне хотелось, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!

Итак, мы начинаем...

И сразу же тот самый сложный случай различения: кто это — «мы», ведь соавторы условились, что не несут друг за друга «солидарной ответственности».

Как быть?

Кто-то же должен объяснить читателям намерения соавторов, выступать посредником между ними, между шахматным и нешахматным мирами, наконец, между Зазеркальем и тем пространством, что находится по ЭТУ сторону зеркала.

«Мы» для нас не подходит. Хоть мы и учились в школе с одним порядковым номером — 22, но в разных городах — Риге и Петрозаводске, хоть и знакомы друг с другом давным-давно, побольше тридцати лет,

но работать привыкли порознь. К тому же и технология работы у нас разная: один только пишет, другой только диктует. Писать можно и в одиночестве, а диктовать самому себе не будешь. Это еще более странно, чем самому с собой играть в шахматы.

Так вот, когда мы, и сейчас живущие в разных городах — Риге и Ленинграде, приезжали друг к другу в гости или встречались на нейтральной территории и беседовали на разные зазеркально-шахматные темы, нам начинало казаться, что мы в комнате не одни, что в наше Зазеркалье спустился (или поднялся?) какой-то странный человек с роскошной волнистой шевелюрой, в пестрой ковбойке с закатанными по локоть рукавами, в песочного цвета узких брюках, какие носили в годы нашей юности стиляги. Он сидел с нами «сам-третей» (помните у Пушкина в «Моцарте и Сальери» черного человека, заказавшего реквием Моцарту, который говорит Сальери: «Вот и теперь мне кажется, он с нами сам-третей сидит»?), но с таинственным и мрачным незнакомцем, одетым в черное, не имел ничего общего ни в одежде, ни в настроении. Был он весел, беспечен и все время кого-то показывал, чуть-чуть передразнивая, и получалось у него очень похоже, и можно было узнать многих общих знакомых, но, убей бог, мы никак не могли догадаться, на кого же он сам-то похож? На кого-то оттуда, из нашей далекой юности — но на кого?..

Мы перебирали всех наших общих друзей, начиная с того, кто познакомил нас в далекие времена в гостинице «Московская» напротив Московского вокзала в Ленинграде, где жили тогда участники шахматного чемпионата страны. Мы старались напрасно, потому что он был похож на нас, родившихся перед войной, пошедших в школу еще во время войны и закончивших ее в первой половине пятидесятых. На всех нас

и ни на кого в отдельности, потому что это нам только казалось, что он сидит с нами сам-третей. Наверное, нам было хорошо и весело вспоминать себя молодыми, но надо было не молодость вспоминать, а современную шахматную историю рассказывать. Истории же этой, как нам казалось, не хватает этакого странного (дело-то все же зазеркальное, сказочное, загадочное) персонажа — и похожего на нас некоторыми фактами своей биографии (скажем, подобно одному из нас, он мог бы носить звание гроссмейстера, подобно другому — учиться в свое время журналистике в Ленинградском университете и по сию пору кое-что пописывать в разных изданиях), и отличающегося от нас своей легкомысленностью (слухам не доверяет, но явно к ним прислушивается), склонностью ко всякого рода таинственным явлениям и, разумеется, доскональным знанием сказок Кэрролла.

Вот нам и показалось, померещилось, что этот легкомысленный знаток сказочного Зазеркалья пришел к нам (в комнату? на помощь?), и мы с удовольствием доверили ему выступать от нашего общего имени, от имени «мы» в этой современной истории, когда она станет уж слишком реальной и скучной.

Окончательно все прояснив или запутав — это в принципе (и в Зазеркалье) одно и то же, — мы приступаем к рассказу...

Условились: **«мы» будут обозначаться в тексте как «С-III», то есть «сам-третей».**

С-III. Не помню, где, кажется, в ФРГ решили издать монографию о моем шахматном творчестве. Собрали мои лучшие партии, прокомментировали, а вместо предисловия решили дать мою автобиографию. Обратились ко мне с просьбой прислать шесть страниц

на машинке. Не знаю, как, но машинистка напечатала их наоборот, зеркально, так что для прочтения необходимо было читать текст перед зеркалом. Признаться, я не заметил перевертыша и послал эти зеркальные странички в издательство. Переводчик поблагодарил меня, заметив, что моя шутка выдержана совершенно в английском духе и живо напомнила ему британский «нонсенс» и величайшего из классиков этого направления Льюиса Кэрролла с его «Алисой в Стране чудес» и «Алисой в Зазеркалье».

«Алису в Стране чудес» я читал на первом курсе, правда, адаптированное издание, по совету Вероники Николаевны, нашей англичанки, а «Алису в Зазеркалье», признаться, тогда не читал. Замечание переводчика задело меня за живое, я достал книгу Кэрролла, открыл вторую сказку и... обомлел. Передо мной была шахматная диаграмма с подписью: «Белая Пешка (Алиса) начинает и становится Королевой в одиннадцать ходов». Правда, это была странная доска, с полем a1 белого цвета и соответственно h1 — черного, в то время как на нормальной доске все наоборот. Начав читать, я понял, что у них, в Зазеркалье, все шиворот-навыворот — и поля на шахматной доске, естественно, тоже.

Нонсенс, в который играл Кэрролл, не надо путать с нонсенсом в житейском, бытовом смысле слова, где он выступает синонимом чепухи, вздора, бессмыслицы, абракадабры. Кэрролл, поэт с головой математика, мудрец и ребенок, всю жизнь придумывал разные игры, начиная от дорожных шахмат и кончая «никтографом» — доской для писания в темноте, изобретал заменители клея, упрощенный метод отправления и получения денежных переводов, систему писания писем (руководствуясь ей, он отправил 98 721 письмо), держал в своей квартире для развлечения детей

всевозможные настольные игры, частично им придуманные, музыкальные шкатулки и заводных зверюшек. Пожалуй, наиболее забавной игрой он считал логику. Чарлз Латуидж Доджсон (имя Чарлз он получил в честь отца, Латуидж — в честь матери и, играя, играючи смастерил из них свой литературный псевдоним: сначала «перевел» их на латынь, затем полученное «Каролус Людовикус» поменял местами и снова «перевел» на английский язык), работавший в области алгебры, геометрии и тригонометрии, «особой виртуозности, — по мнению советских ученых математика Ю. Данилова и физика Я. Смородинского, — достиг в составлении (и решении) сложных логических задач, способных поставить в тупик не только неискушенного человека, но даже современную ЭВМ. Разработанные Кэрроллом методы позволяют навести порядок в казалось бы безнадежном хаосе посылок и получить ответ в считанные минуты». В своих научных работах он предвосхитил много идей современной физики и математической логики, но имя свое обессмертил «игрой в нонсенс», где ставятся задачи, не имеющие точного решения.

А что такое шахматы — если от Алисы перейти к Каиссе?.. Как учит нас Михаил Моисеевич Ботвинник, шахматы, с точки зрения кибернетики, являются математической игрой высшего типа. На увлечении шахматами, по мнению того же Ботвинника, по-видимому, сказывается склонность людей решать задачи, которые не имеют точного решения.

Кэрролловские сказочные страны, по мысли одного из его биографов, «это (крошечный и необычайный) космос интеллекта, напоминающий эйнштейновский тем, что это конечная бесконечность, допускающая бесчисленные исследования, которые, однако, никогда не будут завершены».

Конечная бесконечность, положенная на музыку поэзии, лимерической поэзии — выворотной, алогичной, издевающейся над миром общих мест, расхожих представлений, нудного морализаторства, — учила, заметил земляк и толкователь Кэрролла Честертон, стоять на голове не только детей, но и ученых — а это, по Честертону, для головы хорошая проверка...

А разве шахматная игра не есть космос интеллекта, та логическая игра, где далеко не все подвластно логике, разумному, рациональному объяснению?

Это для головы хорошая проверка.
Это хорошая проверка для головы.

На потолке бармен, стоя вниз головой, варил кофе; за столиками — вниз головами — пили кофе аккредитованные при пресс-центре журналисты; на экране одного монитора играли гроссмейстеры — вниз головами, на экране другого — стояла позиция играющейся сейчас, там, наверху, в Зазеркалье, шестнадцатой партии — головоломная позиция, в которой белые только что ходом коня на g4 придали игре резко выраженный иррациональный характер...

Потолок в пресс-баре зеркальный. Сплошь зеркало, но не зеркальное единое поле, а квадраты зеркал с синими-синими рамами и золотистым свечением от скрытых светильников.

Этажом выше — вход в концертный зал «Ленинград», гардероб, киоски «Союзпечати» и сувениров. Еще этажом выше — вход в зал, на сцене которого проходит матч-реванш Каспаров — Карпов. Для них в Зазеркалье находимся мы, для нас — они.

Поклонники Каиссы ходят над нами по холлу и лестницам, ходят и покупают шахматные бюллетени, полиэтиленовые пакеты с голубым земным ша-

ром и шахматным конем, серебристо-черные репродукторы с тем же шахматным конем и теми же двумя шахматными фамилиями; над нами очень внимательные молодые люди с красными повязками очень тщательно проверяют билеты, пропуска и аккредитационные карточки, над нами думают, считают, восторгаются, возмущаются, ничего не понимают, все видят и удивляются: неужели двое на сцене этого не видят, те двое, из-за которых все сюда ходят?..

Над нами потолки, перекрытия, этажи. Над нами словно толща воды, и сам ты точно в аквариуме с зеркальными стенами и потолком, и всюду ты и такие, как ты, и бармены быстрые, услужливые, хваткие, и человечий водоворот на пятом часу игры у двух мониторов, двух перископов, высунутых из воды в Надзеркалье, — и все это в перевернутом виде.

Знающий все на свете Никита Алексеевич Толстой, физик, профессор, сын писателя Алексея Николаевича Толстого, подвозя меня от редакции, с Марсова поля к гостинице «Ленинград», на другой берег Невы, успел сообщить, что старые художники, дабы лучше почувствовать цвет, нагибались и, выворачивая голову, смотрели на картину снизу-сбоку, а некоторые просто-напросто смотрели в зеркало...

Иногда мне кажется, что все мы тут, как старые художники, пытаемся изогнуться немыслимо, чтобы понять: что все-таки там, на поверхности, происходит, отчего идут круги по воде и грозит ли сегодня нагонная волна наводнением, и, если грозит, то каким — средним или катастрофическим, на четыре метра выше ординара?..

У каждого из нас, аккредитованных при пресс-центре журналистов, был долг перед своими друзьями и знакомыми, рвавшимися на матч. Они считали, что мы должны провести их на партию. Как? Это их не

интересовало. Должны — и потому можем. Отказ портил отношения непоправимо. Об отказе не могло быть и речи. Пришлось пускаться во все тяжкие, чтобы достать билетик или пропуск. Почти что на законных основаниях удавалось провести тех своих знакомых, которые были знакомы не только тебе, но и представителям оргкомитета, дирекции гостиницы, читателям, болельщикам, словом, людей в Ленинграде и за его пределами известных. Для такого рода персон у телевизионщиков было пять пропусков и, соответственно, пять закупленных Ленинградским телевидением мест в зале на весь матч. Они проходили по графе «почетные гости». Владевший пропусками режиссер спортивной редакции каждый раз, выдавая пропуск, умолял не забыть отобрать его после партии у «почетного гостя», ибо на следующей партии «почетным гостем» должен быть уже другой академик, другой писатель-лауреат, другой народный артист, другой заслуженный мастер спорта или заслуженный тренер СССР... Разумеется, «почетные гости» обязаны были отработать свое проникновение в концертный зал, давая интервью облагодетельствовавшим их телевизионщикам и, попутно, пишущей на разных языках прессе.

Знаменитый волейбольный тренер, которого я провел сегодня на шестнадцатую партию матча в качестве «почетного гостя», на вопрос: «Как играют в шахматы сильнейшие волейболисты страны», ответил: «Примерно так же, как лучшие шахматисты — в волейбол».

Сборная страны, которую девять лет возглавлял этот тренер, играла в волейбол, который я однажды рискнул назвать в печати шахматным. Из всех игр с мячом, по моему давнему убеждению, волейбол наиболее близок к шахматам, особенно шахматному бли-

цу, когда цейтнот заранее запланирован, когда процесс выбора вариантов решения надо вести под дамокловым мечом хронической нехватки времени... Дерево перебора вариантов в шахматах, разумеется, погуще, пораскидистее, чем в волейболе и любой другой спортивной игре, но времени на обдумывание хода, на завязывание комбинации волейболистам отпускается куда меньше — секунды, иногда десятые доли секунды, а, скажем, Карпов сегодня позволил продумать над ходом коня на поле d3 целых 62 (шестьдесят две) минуты — это его личный рекорд во всех трех матчах с Каспаровым, а чемпион мира в 6-й партии лондонской половины матча над ходом ладьи на d7 и того больше — 69 (шестьдесят девять) минут...

Мы не виделись с тренером с июля, с Игр доброй воли в Москве, где его команда (уже без него) одолела в пяти партиях американцев и американец Марв Данфи, возглавлявший сборную США, сказал мне, что считает нашего тренера великим волейбольным специалистом и одну из глав своей диссертации посвящает его искусству.

Потягивая кофеек и отражаясь в зеркальном потолке пресс-бара, великий тренер рассказал мне свою невеселую историю о том, как его, заболевшего, попавшего на операционный стол, спасенного врачами, выкарабкавшегося, считай, с того света и вернувшегося, как он считал, в строй, освободили от занимаемой должности, несмотря на его победный послужной список (восемь лет сборная не знала ни единого поражения на официальных соревнованиях), освободили, не объяснив толком, за какие такие прегрешения; старым завистникам тренера не давали покоя его победы, и стоило случиться первой осечке (сборная осталась «всего лишь» второй на Кубке мира), стоило ему на несколько месяцев выпасть из игры,

как они представили тренера в глазах спортивного начальства виновником и этого, единственного, поражения, и провалов в будущем, которые, мол, неизбежно последуют, — и тренера отстранили от сборной, тихо, мирно, без огласки. Интересы дела были принесены в жертву групповым интересам.

Такое вот Зазеркалье, где левое кажется правым, а неправое — справедливым.

Никто из моих пишущих собратьев не знал толком этой истории, да и тогда все еще было неопределенно, еще была надежда на то, что здравый смысл возобладает, элементарная справедливость восторжествует, — и тренер никому из моих коллег ничего не сказал, только мне по старой дружбе, в полутьме пресс-бара с зеркальным потолком, взяв с меня слово помалкивать до поры до времени.

На одной из встреч волейбольного турнира Игр доброй воли, где разыгрывался один из актов драмы знаменитого волейбольного тренера, в ложе прессы появился Гарри Каспаров. Рядом с ним с микрофоном в руке сидел режиссер (по совместительству и спортивный комментатор) Ленинградского телевидения, тот самый, что помогал провести и тренера сборной, и других «почетных гостей» на ленинградский матч-реванш. На следующее утро шахматный чемпион улетал в Лондон, где должен был начинаться этот матч, а уж позже, с берегов Темзы, он должен был переехать на берега Невы. И поскольку ни чемпиону, ни экс-чемпиону на сей раз было не миновать Ленинграда, оба согласились дать интервью Ленинградскому телевидению.

Чемпион мира предпочел говорить о шахматах на волейболе, во время матча сборных США и Франции. Не уверен, что он догадывался о внутренней близости, чуть ли не родстве этих игр. Просто у него другого

времени не нашлось. К тому же, как выяснилось через несколько минут после появления Гарри и его друзей на Малой спортивной арене Лужников, на большом волейболе он был впервые в жизни.

Вдохновенным раскованным французам в этот вечер противостояли вдохновенные, великолепно организованные американцы. Они не теряли в страсти голову, что вовсе не признак недостаточности страсти и поглощенности предметом любви, а лишь свидетельство самообладания, способности управлять своим азартом и другими темными (и светлыми) силами подсознания. К тому же американцы были опытнее, спортивнее, атлетичнее, и главное — классом они были выше французов. И уж если верно, что порядок бьет класс, то объединенный тандем «порядок + класс» бьет и страсть, и азарт, и талант... В играх (спортивных), по крайней мере, это так.

Режиссер-комментатор тем временем допытывался у чемпиона, что это за состояние такое — вдохновение.

— Вдохновение в спорте, — отвечал чемпион, — это когда Давид побеждает Голиафа.

И не уверенный, что собеседник понял его, пояснил:

— Другими словами, когда грубая, хорошо поставленная, хорошо организованная сила уступает духу. Вдохновение в спорте приводит к рождению шедевров.

— А если обратиться к шахматам?

— Пять часов проходит шахматная партия, но быть в состоянии вдохновения все пять часов удается очень редко...

— А если вернуться к волейболу, к спортивным играм вообще. Как бы вы определили их роль и назначение в нашей жизни?

— Спортивные игры — это наиболее четко выраженный концентрат человеческих эмоций, человеческих чувств. Спортивные игры отражают кипение наших страстей. Большой спорт — это показатель наших возможностей, нашего умения, нашей фантазии.

Интервьюер попросил назвать примеры наиболее вдохновенных партий из предыдущего матча — Каспаров отреагировал без малейшей паузы:

— Двадцать четвертая и шестнадцатая. Победить такого соперника, как Карпов, в таком стиле, как мне удалось в шестнадцатой, — событие для кого угодно.

— Всех поразила новинка, примененная вами в шестнадцатой партии...

— Я придумал этот ход в апреле восемьдесят пятого. Удивительно было, что полвека люди смотрели этот вариант и не видели. Я придумал этот ход, но все мои помощники вдохновенно приняли участие в разработке самой идеи.

Шестнадцатая партия матча-85 была громоподобна.

Как и все люди игры, волейбольный тренер верил в различные приметы, совпадения, магию чисел, имел свои счастливые рубашки, галстуки, не расставался все беспроигрышные для сборной годы со своим свистком и места себе не находил, когда жена положила его рубашку в стиральную машину и выстирала ее вместе со свистком, после чего тот потерял способность издавать звуки, после чего — тренер искренне в это верил — и начались все его злоключения-злосчастия...

Тренер помнил о громоподобной шестнадцатой партии и попросил сводить его именно на шестнадца-

тую партию матча-реванша. Чего было больше в выборе им партии — веры в магию чисел, трезвого учета матчевой ситуации (Карпов отстает в счете на два очка, значит, отступать ему некуда и надо попробовать переломить ход борьбы, но сегодня у него черные фигуры, и, значит, при активной игре рискует сам сгореть; что будет — неизвестно, только скучно не будет)? Или он просто-напросто руководствовался своей интуицией — интуицией, которая и выделила его из ряда отличных, крепких профессионалов-специалистов, интуицией, которая делала производимые им замены в решающих партиях решающих поединков мировых чемпионатов непредсказуемыми, сбивающими противника с толку своей очевидной алогичностью...

Интуицией руководствуются влюбленные и художники. Интуиция нужна и ученому, и игроку. Интуитивное начало — золото таланта высшей пробы. Сальери всех времен и народов лишены этого моцартианского начала. В своем эссе о пушкинском «Моцарте и Сальери» Фазиль Искандер высказал (интуитивно?) точную догадку: «Мастерство художника — это умение заставить работать разум на уровне интуиции».

Двое на сцене заставляли работать свой разум на уровне интуиции.

Нам оставалось только ждать, чья интуиция окажется безошибочнее или чья воля, заставляющая работать разум в требуемом режиме, сильнее...

Хранитель службы времени пресс-центра, занимавшийся на всех матчах построением графиков времени, которое соперники тратили на обдумывание, нервный московский шахматист, желчный и раздражительный с виду (вид обманчив, он деликатен и предупредителен, но добровольно возложенные на себя

вериги стража времени приводили к хроническим перегрузкам, и вечное опасение напутать, пропустить вызывали в его пунктуальной, педантичной, расчисленной душе постоянную вибрацию, искажавшую его подвижное лицо гримасами неудовольствия), угадал результат работы разума чемпиона, но не темп его мысли, когда после 25-го хода черных сказал мне в пресс-центре:

— Каспаров будет думать тридцать минут и сделает ход конь g4...

Чемпион продумал всего шестнадцать минут и сделал ход, напророченный стражем времени, придав, как уже было замечено, игре ярко выраженный иррациональный характер.

Тренер не успел поздороваться со всеми знакомыми журналистами, а гроссмейстеры уже разыграли дебют. Десять минут — семнадцать ходов. Точное повторение четырнадцатой партии, где Каспарову удалось победить.

Вернувшись в зеркальный зал из пресс-бара, мы с тренером попали на первый экспресс-анализ, подготовленный специалистами пресс-центра. На прежних матчах так о журналистах не пеклись: бюллетени, конечно, по ходу партии всегда выпускались, а вот чтобы синхронно с разворотом событий на главной доске проходила гласная экспертиза с оценкой содеянного и с прогнозами дальнейшего течения борьбы, такого, как говорится, и старожилы шахматных битв на высшем уровне не упомнят... Синхронный перевод с языка двух шахматных небожителей на общедоступный осуществляли сравнительно молодой гроссмейстер (из поколения Карпова), чем-то неуловимо похожий и внешне на двенадцатого чемпиона, совсем молодой международный мастер (из поколения Каспарова — высокий, голубоглазый, со свето-

носной улыбкой, вылитый Борис Гребенщиков, лидер рок-группы «Аквариум») и гроссмейстер вполне зрелого возраста, по служебной иерархии первое лицо пресс-центра (из поколения Михаила Таля — весовая категория его другая, нежели у Таля, но по запасу жизнелюбия, неистребимого оптимизма и веселого нрава он явно талевского склада).

Первый экспресс-анализ, после часа борьбы, шестнадцатой партии делал сравнительно молодой гроссмейстер, сравнительно недавно выступавший вместе с Карповым за команду Ленинграда...

Гул пресс-центра затих, когда гроссмейстер взял микрофон и подошел к демонстрационной доске, установленной рядом с мониторами, позволявшими нам ни на мгновение не отрываться ни от ситуации в партии, ни от обдумывающих ходы противников (за исключением тех моментов, когда они скрывались в свои комнаты за сценой, где у них были свои мониторы, но камеры передающие там отсутствовали, и посему мы их в эти минуты не видели).

Гроссмейстер — с микрофоном у большой доски в центре Зеркального зала — сказал:

— Пока все шло, как в четырнадцатой партии. Новое — восемнадцатый ход белых — конь d4. Новое в этом матче, но так уже было у Соколова с Псахисом, в Волгограде, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, где черные получили интересную игру, но, надо полагать, Каспаров заготовил усиление игры белых. Очень интересный многоплановый восемнадцатый ход сделал Карпов — ферзь f6, стремясь перехватить инициативу. Но и у белых есть свои плюсы — хорош, скажем, ход конь d2 — f3... Видимо, белые должны брать пешку на b5. Этого нужно ожидать в самые ближайшие ходы... Судя по всему, сегодняшняя партия будет развиваться очень быстро...

— Когда следующий «гроссмейстерский час»? — спросил меня тренер, уводимый в одно из служебных помещений пресс-центра корреспондентами «Ленинградского рабочего» и «Советского спорта», которым не терпелось выяснить степень родства между шахматами и волейболом. Поскольку через день тренер улетал на чемпионат мира по волейболу во Францию, поскольку более крупного эксперта по волейболу, чем тренер, в шахматном пресс-центре, да и за его пределами, не было, спортивные репортеры Греции, Испании и США, прослышав о визите тренера на шахматы, уже взяли след и допытывались у сотрудников пресс-службы, не видели ли они известного специалиста по волейболу... Земляки тренера оказались, однако, расторопнее, клятвенно пообещав тренеру отпустить его душу на покаяние, как только на доске начнется действительно что-то серьёзное.

— Следующий «гроссмейстерский час»,— ответил я, — ровно через час, в девятнадцать ноль-ноль.

В 19.00 молодой мастер, почти двойник Бориса Гребенщикова, но без его гитары, импульсивности и озаренности, появился перед нами (там, наверху, к этому времени сделали по двадцать пять ходов) и в спокойной, почти эпической манере речистого былинника (былинник был на три года моложе двадцатитрехлетнего Каспарова) поведал сгорающим от любопытства корреспондентам без высоких шахматных званий и умело скрывающим свое любопытство корреспондентам со званиями и довольно-таки приличным Эло, что чемпион мира принял решение вскрыть центр и сыграл e5.

— Возникла позиция, — бесстрастно излагал румянощекий былинник свою и мозгового штаба пресс-центра точку зрения, — при которой черные вынуждены играть активно.

Легко сказать — «играть активно», а поди сыграй активно, завари кашу, зная, какой кашевар сидит напротив тебя, понимая, что в разожженном тобою огне может сгореть еще одно очко, а с ним, скорее всего, последняя надежда спасти матч.

Карпову не приходилось заставлять свой разум работать на уровне интуиции. На другом уровне в разогретом, вдохновенном состоянии он не умел работать. Пришедшее как откровение продолжение только-то и надо было проверить расчетом вариантов. Только-то и надо — посчитать подсказанное наитием. И помнить о времени — чтобы не залететь в цейтнот, не пересчитывать очевидное, не перепроверять себя на каждом шагу, — талант, однажды заметил Андрей Битов, вопрос веры, веры в себя, свое предназначение, делает смутную догадку рожденного подсознанием железной непреложностью. Верить можно только беспредельно, безоглядно, все остальное уже не совсем вера, не та вера, на которую интуиция опирается как на посох. Без свечи интуиции не выйти на свет из катакомб подсознания, без посоха веры не дойти до цели.

Минуты текли за минутами, отнимая у него резерв времени для маневра в заключительной части операции.

Двадцать... Тридцать... Пятьдесят... Час!

Неужели молоденький мастер, увидевший ход конем, соображает быстрее, чем самый быстродействующий шахматист в истории?

В чем же дело? Не в том ли, что Карпов заставлял себя считать и пересчитывать варианты по нескольку раз? И не в том ли, что два с половиной матча с Каспаровым поколебали его прежнюю абсолютную веру в себя?..

Через шестьдесят две минуты напряженнейшего

раздумья экс-чемпион сыграл так, как и рекомендовал консультант пресс-центра, — Кbd3.

Страж времени меланхолично сказал мне:

— Пометьте себе где-нибудь, что это личный рекорд Карпова во всех трех его матчах с Каспаровым. В первом он однажды продумал над ходом пятьдесят одну минуту, во втором — сорок семь...

Со стражем времени нас сближала неутолимая страсть к прогнозам, приобретающая на шахматных матчах высшего уровня характер массовой эпидемии. Отдал ей дань, находясь еще по эту сторону шахматного зеркала, и Карпов. Второго такого феноменального угадчика-отгадчика ходов, как будущий двенадцатый чемпион, а тогда пятнадцатилетний мальчишка с аккуратной челкой и бритвенным взглядом, я не встречал. В шестьдесят шестом году это было, в Москве, в Театре эстрады. На сцене выясняли отношения тогдашний чемпион Тигран Петросян и тогдашний претендент Борис Спасский, а под самой крышей театра, в тамошнем пресс-центре рядом с маститыми «гроссами» и зубрами-мастерами сидел остроугольный мальчик в синей тренировочной «олимпийке» под пиджаком и предсказывал — ход в ход! — развитие событий на сцене. Сперва окружающие были удивлены, потом восхищены, еще потом — встревожены: что еще за медиум среднего школьного возраста? Наконец стало скучно: к пророчествам привыкаешь еще быстрее, чем к любым другим чудесам. Пророка с челкой почти никто не знал, только пятый или шестой спрошенный мной шахматный деятель сказал: «Да это же Толя Карпов, начинал на Урале, сейчас, кажется, в Туле. Очень способный парнишка — с характером». Через год претендент того матча, будущий чемпион мира Борис Спасский, пообщавшись на сборах команды Российской Федера-

ции, готовящейся к Спартакиаде народов СССР, с этим парнишкой, посоветует мне повнимательней приглядеться к Толе Карпову: «Если его талант разовьется естественным путем до необходимого масштаба — это выяснится в ближайшие два-три года, — то быть ему чемпионом мира, потому как характер у него тяжелый, пожалуй, почище моего, — только с таким в шахматные чемпионы и выходят».

Еще через два года тот самый претендент с тяжелым (под этим подразумевались неуступчивость, самостоятельность, независимость — и все это в гипертрофированных дозах) характером выиграл матч за звание чемпиона мира, и снова я встречал на нем Анатолия Карпова, и снова он в гроссмейстерской компании двигал фигуры на столике в пресс-центре, но угадывал куда реже, чем в первом поединке тех же соперников, и очень удивлялся этому обстоятельству, а среброголовый джентльмен, гроссмейстер Андрэ Лилиенталь, улыбаясь, покачивал головой: «Старость — не радость, Толя, а вы ведь постарели на три года...»

Восемнадцатилетний Карпов тоже улыбался, но как-то принужденно, должно быть досадуя на себя.

Еще через несколько лет в Ленинграде, в претендентском матче сошлись десятый чемпион, к этому времени, увы, ставший уже экс-чемпионом, и претендент, не желавший ни в чем уступать старой гвардии. И уже их ходы пытались угадать, в их планы проникнуть — иногда это удавалось, благо, компания подобралась подходящая — Бондаревский, Фурман, Таль, Тайманов, не считая мастеров, — но когда юный претендент попал в тиски, и тиски сжимались, и выхода никто не видел, то, мягко улыбаясь, словно прося у всех прощения за никому не ведомые грехи, Семен Абрамович Фурман, ленинградский гроссмейстер,

тренер и наставник Толи, делал — все на том же «дегустационном» шахматном столике в пресс-центре — какой-нибудь тихий-тихий ход, намечавший перестроение своих войск в третьем эшелоне обороны, и все смотрели на нахохлившегося, похожего на большую, очень добрую и больную птицу гроссмейстера и думали про себя: «Ну и что? Что решает этот маневр конем? Поздно уже укреплять тылы, надо активно контратаковать, но нет атаки, не видно...» Никто не видел, а они видели — Фурман и Карпов, который поступал так, как «велел» тренер.

И сколько было в том матче таких телепатических предвидений... Если разобраться, то никаких чудес, никакой мистики и спиритизма, которых так не любит — ни в шахматах, ни в жизни — мой соавтор. Просто тренер и ученик мыслили в одной системе координат, просто Фурман предощущал состояние Карпова и, зная и чувствуя синхронно, шел в партии той же дорожкой, что и его подопечный.

Страж времени никогда не был сильным шахматистом, но обостренное ощущение времени (что, очевидно, обостряет и чисто шахматную интуицию) свойственно в конце концов не только гроссмейстерам с Эло под 2700 и за 2700. Как бы там ни было, в момент, когда на доске возникла критическая позиция и мнения экспертов относительно дальнейшего течения борьбы разделились (все зависело от плана, который изберет чемпион, — в одном варианте дело шло к быстрому мирному исходу, в другом — чемпион шел навстречу желаниям экс-чемпиона и плескал в костер бензин из канистры), только страж времени, ни секунды не колеблясь, и предсказал ход конем на поле g4, что и придавало борьбе четко выраженный иррациональный характер...

В свое время я определил игру Каспарова как иррациональную на очень рациональной основе, а Карпова — как рациональную на столь же очень рациональной основе.

При иррациональной игре возникают позиции, не поддающиеся точной оценке. При иррациональной игре невозможно — ни мозгу шахматиста, ни самому совершенному компьютеру пятого (если уже таковые есть) поколения — рассчитать до конца все последствия намеченного плана. Иррациональная игра — это игра с огнем. Игра в дыму, ведь дыма без огня не бывает. В дыму, естественно, видимость затруднена, к тому же, затевая такую игру, никогда наверняка не знаешь, выберешься ли на т о т *(где победа) берег или утонешь, то бишь сгоришь.*

Совершенно очевидно, что благоразумие, здравый смысл имеют мало общего с иррациональной игрой. На этот счет у раннего Каспарова было одно любопытное признание. В каком-то комментарии, кажется, к партии с Корчным на XXV Всемирной Олимпиаде в Люцерне, в 1982 году... Так, где у нас творческое наследие Гарри Кимовича?.. Вот оно, сейчас найдем главу о Люцерне... так... вот и она... матч сборных СССР и Швейцарии... наш герой вообще-то занимает вторую доску, но в тот день второй раз подряд возглавляет нашу команду. «Предстояло играть черными с В. Корчным, — пишет он, — поэтому легко себе представить сложности, которые выпадут*

---

* Каспаров Г. Испытание временем. — Баку, Азербайджанское гос. изд-во, 1985. (На экземпляре книги, подаренном мне после двадцать четвертой партии матча-85, принесшем «корону» Каспарову, спецредактором книги профессором А. Х. Зейналлы есть и надпись моего соавтора — такому-то «от человека, привыкшего играть черными с автором этой книги».)

на мою долю. Впрочем, как это часто бывает, опасения соседствовали с оптимистическими ожиданиями».

Как все-таки раскрываются шахматисты в комментариях к своим партиям! Почти так же полно, как и в самих партиях, а иногда — даже полнее.

Так... Где же она?.. Какая прелесть! Вот послушайте (нет-нет, я не забыл об иррациональной игре — сейчас мы до этого доберемся): «...Бывает так, что фигуры, словно получив невидимый импульс от шахматистов, как бы оживают и начинают жить собственной жизнью. Когда же самоотдача с обеих сторон достигает критической точки, то партия начинает развиваться по неведомым никому законам, и управлять ее течением уже невозможно». И дальше — слушайте, слушайте! — совершенно грандиозный пассаж, может быть, стилистически, на взгляд пуриста-филолога, и не безупречный, не вполне «управляемый», зато самовыражение спонтанное и предельное: «Поток концентрированной шахматной мысли размывает привычные контуры доски и, закрутив в бешеной свистопляске фигуры, низвергается в глубины шахматного искусства». Каково, а!.. Делибаш уже на пике, а казак без головы!.. Продолжим, однако, мысль комментатора: «И как бы ни завершилась партия, шахматы никогда не останутся внакладе! Не просто разобраться во всех хитросплетениях такой партии даже в последующем анализе, сложно рассказать о ней так, чтобы не нарушить картину грандиозного сражения!» И, самовозбудившись и приведя в возбужденное состояние духа своего читателя, юный комментатор приступает к анализу партии, делая еще одно, уже последнее предварение: «Этим мыслям (выраженным языком, который может показаться высокопарным) отвечает, смею думать, следующая партия...»

Автопортрет, смею думать, в чем-то убедительнее портрета. По крайней мере — естественнее. Не будешь же себе позировать?

Надеюсь, мы — вместе с комментатором — не очень уклонились от заданной темы — иррациональной игры? «Управлять ее течением уже невозможно...», «закрутив в бешеной свистопляске фигуры» — это все оттуда, это все о нем и о ней... Но вспомнил-то я другую мысль... Вот наконец и она. (Стороны уже вышли из дебюта — была разыграна староиндийская защита, черный конь с d7 двинулся не на b6, что было бы, как указывает Каспаров, позиционно более обоснованно, а налево — то есть на e5, поскольку дух этой партии требовал бури. Каспаров в своей стихии — буря! И не просто буря, а волнение «без конца и без краю», игра, где обычной логике делать нечего, где все летит вверх тормашками, как в Зазеркалье.) «Рассуждая логически, — это уже спокойный голос остывшего после партии девятнадцатилетнего гроссмейстера, — следует признать авантюрность плана черных, ибо отступление коня приводит к краху. Но с этого момента здравый смысл вынужден покинуть авансцену, открывая безграничный простор для полета фантазии».

Комментатор, продолжая анализ последующих событий, приходит к выводу, что белые, выбери они правильные продолжения, могли бы опровергнуть всю стратегию черных: «Итак, можно утверждать, что серией точных ходов белые могли поставить черных перед трудными, вероятно, неразрешимыми задачами. Но можно ли на этом основании оценить всю предыдущую игру черных как неудовлетворительную? Думаю, такой вывод был бы поверхностным, — абсолютно точная игра существует только теоретически, а чем сложнее позиция, тем выше вероятность

ошибки. Конечно, подобный подход к шахматной партии связан с огромным риском, но кто не рискует!..»

Белые сдались после 36-го хода черных.

Определив в самых общих чертах понятие иррациональной игры и выяснив кредо нашего «иррационалиста», обратимся к шестнадцатой партии матча-реванша.

После хода конь g4, как справедливо подчеркнули все газетные комментаторы по горячим следам (пожалуй, это единственное, в чем они сошлись, анализируя эту партию), пошла игра совершенно иррациональная. На основе знаний, какими бы колоссальными они ни были, на основе понимания шахмат, каким бы глубоким оно ни было, в создавшейся позиции ничего определенного сказать было невозможно. Уместно привести такое сравнение: бросил человек комок фигур на доску, они установились совершенно в хаотическом соотношении — даже не бросил, а, простите, плюнул фигурами на доску, и разбирайся там, есть слабая пешка, нет слабой пешки...

Никакой ясности, никакой определенности. Возникает, предположим, восемнадцать разветвленных вариантов, целая дубрава вариантов, попробуй избрать какой-то определенный план, руководствуясь классическими законами шахматной стратегии... Немыслимые сплетения, переплетения, хитросплетения.

Ничего не ясно, кроме, пожалуй, одного: возникшая позиция, несомненно, ближе по своему характеру Каспарову.

Тут я позволю себе совершить экскурс в совсем молодые годы тринадцатого чемпиона.

Я застал еще совершенно юного Каспарова — в Тбилиси, на чемпионате Союза семьдесят восьмого года, — ему, стало быть, пятнадцать лет. Во втором или в третьем туре Гарик играл с Володей Багиро-

вым. Ловит Багирова на вариант в Каро-Канне, получает совершенно великолепную атакующую позицию; для развития атаки — это очевидно — надо жертвовать на е6. Зал видит эту жертву. Правда, не все ясно, не все последствия жертвы можно оценить. Каспаров думает очень долго, минут сорок пять, и — не жертвует.... Постепенно Багиров уравнивает, в заключительной позиции стоит даже чуть-чуть лучше, и они соглашаются на ничью.

К тому времени я свою партию уже закончил, а, может, не закончил — мне все равно было интересно — и заглянул в судейскую комнату, где кто-то из судей спросил Каспарова, почему он не пожертвовал на е6. И тут Гарик начал показывать варианты — меня, знаете ли, удивить непросто, но тут я был поражен жутким количеством красивейших, очень интересных вариантов, которые продемонстрировал этот мальчик. Но форсированного выигрыша он не видел и поэтому на жертву не пошел. Мы в судейской анализировали, анализировали и минут через двадцать нашли выигрыш. Тогда я, более в шутку, нежели всерьез, сказал: «Гарик, в таких позициях надо сначала жертвовать, а потом думать». Через четыре года с тоской и страхом я вспоминал этот случай, когда сам играл с Каспаровым на межзональном турнире в Москве. Он тоже здорово разыграл дебют и к шестнадцатому ходу поставил меня в критическую ситуацию. Вижу, что при нормальной игре он меня задавит. И я решаюсь сделать ход, давая ему возможность комбинировать за милую душу, сколько влезет. И тоже бросается в глаза жертва, но после нее мат с шахами не дается... И опять Гарик продумал очень долго и сделал жуткий ход, после которого оценка позиции изменилась на сто восемьдесят градусов. Партия наша, как и его тбилисская с Багировым, завершилась

вничью, но уже я был недоволен результатом... После партии уединяемся, начинаем анализировать — я тоже не видел форсированного проигрыша за черных, но я его не очень-то и искал, а он искал и не нашел — и находим в анализе выигрыш белых.

Напрашивается вывод: у юного, — впрочем, он и сейчас еще достаточно молод — у раннего Каспарова была тенденция рассчитать все до конца, а сейчас он с превеликим удовольствием бросается в омут головоломных, иррациональных осложнений... Отчасти это напоминает мне чудесную метаморфозу, которая произошла после знакомства с Казимирычем у очень сдержанного поначалу, суховатого по манере игры юного Спасского.*

У Каспарова это идет от Ботвинника, школу которого он прошел, — очень научный подход к шахматам, но природная фантазия его в общем-то подавляет. Этот симбиоз ботвинниковской статики с врожденной динамикой и есть иррациональная игра на рациональной основе.

У Гарика удивительное мастерство расчета, удивительное, но я не верю, что он все видел, все рассчитал, когда пошел конем на g4. Вероятно, полагал, что окажется в своей стихии бури и натиска, по-видимому, был уверен в своих силах...

Кстати сказать, когда Карпова заставляют считать варианты, он делает это блестяще. Чаще, когда его заставляют. В те времена, когда я был тренером-консультантом Карпова в двух его матчах за шахматную корону, я написал предисловие к одной из его книг, где обратил внимание на то, что при всем своем великолепном комбинационном зрении, удивитель-

---

* Александр Казимирович Толуш — ленинградский гроссмейстер, тренер Б. Спасского.

ных счетных способностях Толя нередко проходит в партии мимо тактических возможностей. Скажем, последовательно, в течение тридцати — сорока ходов он проводит в жизнь свой глубокий стратегический план... Где-то по дороге был выигрыш в три хода, но нужно было свернуть куда-то в сторону, посчитать... Но увлеченный реализацией своего стратегического плана, он иногда полагает, что считать эти «боковые» варианты необязательно... Но когда на него наседают, он проявляет невероятную изворотливость.

В середине матча подобная партия заканчивалась бы скорее всего вечным шахом — оба не считали бы себя обязанными сжигать за собою мосты. Но шестнадцатая партия тем и замечательна, что соперники играли только на выигрыш: Карпова ничья при минус два не очень устраивала, а Каспаров оказался во власти азарта, борьбы...

Правда, впоследствии выяснилось, что у белых вместо прыжка конем на g4 был более сильный ход — ферзь c2. Первым из аналитиков, насколько мне известно, его указал международный мастер Александр Халифман, комментируя шестнадцатую партию в «Бюллетене» Ленинградского шахматного клуба. Не представляю, чтобы Каспаров при всем своем врожденном романтизме, при всей своей тяге к иррациональности не сделал этот ход, дававший ему здоровый перевес, если бы видел его.

Впрочем, в Зазеркалье, на сцене все видишь несколько в ином свете, нежели в пресс-центре. Вольтаж разный (не говоря уж о разном классе). Такое напряжение в сеть подается, что пробки летят. Но тут короткого замыкания не было, тут пожар был устроен сознательно. Другое дело, что его последствия было рассчитать невозможно. И уж совсем иное дело, что,

STOP
URSS
CHINA
ITALY

STOP

оказывается, можно было обойтись без пожара. Но, как философски заметил Каспаров в комментарии к своей партии в Люцерне, «абсолютно точная игра существует только теоретически».

Пожар разгорался в Зазеркалье, а дымился Зеркальный зал. (Огонь и дым, разумеется, метафорические, поскольку пожарная служба, как и все остальные службы обеспечения матча-реванша, несла свою неусыпную вахту бдительно). Энергия из Зазеркалья неизвестными путями передавалась в наше подземелье, где было и без того жарко и душно. Над столиком в центре зала, окрещенном «дегустационным» (здесь дегустировались, опробывались на вкус ходы со сцены), порхали руки, точно исполнялся концерт для фортепиано в четыре руки. Сколько мне помнится, из всех присутствующих опыт такого концертирования имел только гроссмейстер Марк Тайманов. Остальные если и концертировали, то только на шахматных сценах.

С-III. Помню Марка Тайманова на чемпионате страны (год запамятовал) в Москве. Сделает ход, вскакивает и начинает проходы по сцене: взгляд на соседнюю доску — взгляд в зал, кивок головой, обворожительная улыбка; его, артистичного, красивого, беспечного, любят, он знает, что любим, это придает ему неотразимость и — кажется мне — слегка отвлекает от позиции. А он талантлив, чертовски талантлив, в его лучших партиях нет вымученности, перенапряжения, его фантазия легковозбудима. Он знает, что нравится, знает, что им, его игрой (и шахматной, и на фортепиано — в паре с женой) многие восхи-

щаются, но, по-моему, не знает, не отдает себе отчета в том, каким редкостным талантом шахматного музицирования он наделен, как далеко мог бы пойти при удачном стечении обстоятельств — до самого трона! — если бы столь же серьезно относился к своему дару, как один его земляк, чуть помоложе его, если бы воспринимал свой уникальный талант как предназначение, как другой его земляк, значительно его моложе.

Помню, летом пятьдесят девятого, во время Второй спартакиады народов СССР, команда Ленинграда — еще и Казимирыч играл — поднималась по лестнице Центрального шахматного клуба и юный гроссмейстер вполголоса сказал мне, указывая на смотревшие со стены портреты семерых чемпионов мира по шахматам: «И я там — запомни — буду когда-нибудь висеть...» Принимая его игру, я спросил: «А кто-нибудь из них?» — и показал на поднимавшихся ленинградских шахматистов. «Вряд ли, — покачал головой товарищ гроссмейстер, — у одного из них есть характер, эрудиция, колоссальный напор, честолюбия — на пятерых, но нет настоящего, интуитивного понимания шахмат; у другого (и тут он назвал имя Марка Тайманова) — природный талант замечательный, но ему и в голову не приходит поставить себе цель — попасть в этот ряд и подчинить этой цели свою жизнь».

«Шахматы — это моя жизнь. Но моя жизнь — это не только шахматы».

Вариации на эту тему мир слышал и от Карпова, и от Каспарова, да и не только от них. Но как бы ни были разнообразны интересы современного выдающегося шахматиста, сколь бы серьезны ни были его намерения посвятить себя еще какой-то сфере человеческой культуры, он, находясь в расцвете своего дара,

по-настоящему, с профессиональной всепоглощенностью ничем иным, кроме шахмат, заниматься не может. Слишком далеко подвинулись шахматы в сторону науки, чтобы можно их было совмещать — на гроссмейстерском уровне — с профессиональной деятельностью, скажем, в электротехнике или музыке, как было возможно, да и то в виде исключения, лет тридцать назад. Несводимые, разумеется, к спорту шахматы, тем не менее творчество особого рода, где шедевры рождаются только в конфликте, только в единоборстве, только в состязании, только в противостоянии характеров и интеллектов.

Шахматисты часто играют в концертных залах — в Москве, в Концертном зале Чайковского, теперь вот в Ленинграде, и тоже в концертном зале. Кстати, слово «концерт» восходит к итальянскому — concerto — «состязаться».

В искусстве состязания чувство гармонии помочь не может, наоборот, часто мешает, ибо плохо уживается с ожесточением души, неизбежным спутником вечного соперничества. Не у каждого, в кого вдохнули священный дар, достает неуступчивости характера, силы духа и желания делать отпущенное тебе время жизни временем достижения вершин.

В искусстве, в той же музыке, с которой как с царством гармонии охотно сравнивают шахматы, состязательность и ее непременный атрибут — стремление быть первым, только первым, всегда первым может входить в химический состав натуры, может не входить — на результатах творчества это не отразится. В шахматах недостаточное развитие этого качества ослабляет творческую потенцию, ибо твое чувство красоты может быть проявлено, утверждено, доказано только в преодолении чужой воли, чужого понимания и ощущения соразмерности всех начал. Красота

в шахматном мире должна быть обручена с волей, иначе она рискует остаться неузнанной, непроявленной, невостребованной.

Товарищ гроссмейстер делил своих коллег на исполнителей чужой музыки и на сочинителей своей собственной. Себя без ложной скромности относил к сочинителям, охотно соглашаясь, что исполнители играют виртуознее, с блеском, с фейерверками... Когда журналисты выстраивали шахматно-музыкальный ряд: Ботвинник — Бетховен, Таль — Паганини (вариант — Моцарт), Спасский — Чайковский, Бронштейн — Шопен, он в недоумении пожимал плечами, посмеивался: «Пошла писать губерния...»

А уже по ходу матча-реванша я узнал, что в музыкально-шахматной табели о рангах произошли перестроения: с легкой руки московского гроссмейстера-комментатора одной из центральных газет и Центрального телевидения, в Бетховенах теперь ходит Карпов, а в Моцартах — Каспаров.

В 21.00 сотрудник пресс-центра, неуловимо напоминающий Карпова, начал очередной комментарий в Зеркальном зале, переполненном аккредитованными журналистами, стражами времени и порядка, гроссмейстерами, руководителями областных учреждений, известными писателями, академиками, тренерами, баскетбольными разыгрывающими, барменами, телефонистками.

— После хода белых конь g4 события стали развиваться жестко и стремительно... На доске возникла очень острая позиция, с обоюдными шансами... Правда, конь белых на а3 никуда не ходит, но и без этой фигуры у белых очень серьезная атака...

Руководящее лицо пресс-центра перехватило микрофон (и инициативу) у своего сотрудника:

— У черных достаточные защитные контршансы...

Еще раз вглядевшись в позицию, посмотрев на монитор, где, склонившись над доской, думал над своим тридцать вторым ходом чемпион, руководящее лицо вытерло платком пот со лба и, прогнав остатки сомнения, уверенно заключило:

— Исходя из разных фактов, надо признать, что позиция черных более перспективна. Большое значение имеет, в частности, фактор времени. А у Карпова на последующие ходы осталось на пятнадцать минут больше, чем у его соперника...

— Трогательное единодушие, — съязвил сидевший рядом со мной шахматный тренер, давно уже оставивший тренерскую стезю и переквалифицировавшийся в журналиста и редактора.

Если уж сотрудники пресс-центра, научившиеся вырабатывать единую точку зрения на перипетии борьбы в Зазеркалье, расходились сегодня во взглядах и даже не скрывали своих расхождений, то что же говорить о других специалистах, полуспециалистах и неспециалистах, не обремененных ответственностью за вылетевшее сейчас слово, — чувство ответственности они включат позже, когда бросятся к телефонам диктовать стенографисткам отчёты о партии, а пока — пока порхают птицами руки над столиком в центре зала: одни атакуют белого короля, другие — черного, приговаривая: «Где-то тут должен быть мат, должен быть, должен...»

Пока высококвалифицированные эксперты ищут мат — одни за белых, другие — за черных, — Карпов, утопив лицо в ладонях, решает, побить ему слона белых на d3 ладьей или пешкой, а может, взять коня на a3 ладьей...

Наверное, можно еще отвернуть самолет в сторону, разойтись с миром, но вряд ли об этом думает идущий на таран летчик.

Они несутся навстречу друг другу, их столкновение неотвратимо.

Это понимают все — и в Зеркальном зале, в подземелье, и в зрительном, в Зазеркалье.

Или меч пополам, или щит вдребезги, говаривал в таких ситуациях старый друг моего соавтора, гроссмейстер, для развития храбрости бравший уроки бокса и съезжавший в ночной темноте на лыжах с горки.

Личная храбрость, случалось, перевешивала в поединках высшего уровня все прочие чисто шахматные достоинства. Но, к несчастью двух наших героев и к нашему, напротив, счастью, и в этом они не уступали друг другу — уроженец города русского булата и Хас-Булат удалой...

— Каспаров по натуре кавалерист, джигит, — сказал волейбольный тренер после того, как Карпов, продумав почти полчаса и загнав себя в жестокий цейтнот, взял слона пешкой. — Кровь кавказская, горячая в нем взыграла.

И, понизив голос, что было совершенно излишне в гуле, гомоне, звуковой вакханалии пресс-центра, предсказал:

— Я, конечно, разбираюсь в этом деле слабо, но никак не возьму в толк, о какой атаке черных толкуют эти ученые мужи... По-моему, атаку ведет Каспаров и скоро все будет кончено в его пользу.

Не порхали больше руки над столиком в центре зала — аккуратно повторялись ходы, сделанные в Зазеркалье. Возбуждение достигло апогея, и, как это часто бывает в запредельных ситуациях, включились охранительные механизмы психики, все перестали

дергаться, суетиться, бегать по залу — застыли в ступоре, словно загипнотизированные зрелищем тарана, от которого рассыпа́лся на глазах один из самолетов... Только голоса не стихали, перевозбужденные, запаленные:

— Ферзь f4 — великолепный тактический ресурс...

— Ферзь a3 — дурацкий ход, надо было ладья a3 и выводить ферзя на большую диагональ...

— Он что, не видел d6 шах?! Невероятно!

— Где же черные упустили победу, где?

— Да не было у них победы после ферзь a3...

— Грандиозная партия!

— Где же все-таки черные ошиблись, где?

— Это мы узнаем через месяц. Или через год. Необозримые варианты. Джунгли вариантов. Фантастическая партия!

Боюсь, что и сейчас, когда прошло немало времени после партии, нельзя определенно сказать, как нужно было играть черным в критический момент, чем брать слона — ладьей или пешкой или надо было взять коня ладьей... По нюху (детальным, подробным анализом партии я не занимался, не имел времени) у черных после дебюта все было в порядке. Косвенным подтверждением этого вывода является то, что больше в матче Гарик e4 не начинал... Если бы белые хотели сделать ничью, они сделали бы ее без хлопот. Уже на двенадцатом ходу они могли ее сделать, повторяя позицию... Но они и не помышляли о ничьей...

Это была удивительная партия, где оба партнера страстно стремились к победе. Каспаров — потому что играл белыми. В его биографии не было партий, где бы он белыми стремился к ничьей, за исклю-

чением длительной полосы в их первом матче с Карповым, но его вины в том не было. А Карпов — потому что ему отступать было некуда. Он пошел черными на острый вариант, прекрасно зная, что Каспаров белыми не будет форсировать дебютную ничью. Репутация чемпиона мира не позволит ему сделать это.

На редкость острая игра шла в этой партии. Право, не знаю, поставят ли когда-нибудь точку аналитики в анализе шестнадцатой. Одно вроде бы сейчас установлено: черные делали ничью, если бы на тридцать первом ходу попытались воздвигнуть прочные оборонительные редуты, сыграв король g7...

Кстати сказать, выходящая в Баку газета «Шахматы» начала публиковать партии матча-реванша, прокомментированные чемпионом мира, прокомментированные подробно, очень детально, тщательно: это школа Ботвинника, один из ее постулатов — путь к совершенствованию лежит через исследовательскую работу, через анализ партий, их публикацию в печати... Пока что я видел только один номер «Шахмат» с первыми тремя прокомментированными Каспаровым партиями.

Очень жаль, что сейчас крайне редко публикуются партии, прокомментированные совместно обоими участниками, совместно, но независимо друг от друга. В этом случае место соприкосновения, динамика борьбы улавливаются более четко. Возможно, со временем такой совместно-независимый анализ наиболее принципиальных партий матча-реванша, да и двух других матчей Каспарова и Карпова, будет опубликован. Во всяком случае чемпион мира послал своему сопернику вызов на «аналитическо-творческое соревнование», предложив провести на страницах советской шахматной периодической печати открытую

дискуссию с целью нахождения шахматной истины, определения истинной цены сыгранных партий, воссоздания подлинной картины сражений. И хотя письмо чемпиона, по собственному признанию Анатолия Евгеньевича, «застало меня врасплох», он, во-первых, напечатал его в журнале «64 — Шахматное обозрение», главным редактором которого является, а во-вторых, пообещал при первой же возможности «воспользоваться этим любезным предложением».

Что ж, будет очень интересно сопоставить и их оценки шестнадцатой партии.

А пока нам остается заниматься догадками и предположениями... По-видимому, Карпов видел ничью в позиции, возникшей к тридцатому ходу, но, стремясь непременно к победе, все искал, искал выигрыш и — попал в цейтнот. Говорят, он просмотрел в заключительной атаке соперника d6 шах... Ну, при всей элегантности это не такая уж сложная вещь, тем более что такие мотивы уже встречались. Можно вспомнить очень известную партию Капабланка — Зубарев с Московского международного турнира 1925 года — она получила приз за красоту. Там был тот же мотив: d6 шах, нюансы, правда, другие, но идея та же... А Гарик такими тактическими идеями напичкан, как гусь яблоками.

Да что там d6; d6 шах — это уже все, каюк.

Но дело-то в том, что черные, как и белые, издалека шли на эту позицию. И если бы не d6, проиграли бы белые.

Как патетически написал в одной из центральных газет один из уважаемых комментаторов, «финальная атака белых на короля оказалась столь же сильной, сколь и красивой». Комментаторы, делавшие анализ по горячим следам в ежедневных газетах, были трогательно единодушны только в оценке этой стадии пар-

тии: «эффектный удар...», «эффектный путь к победе... В серии ярких ходов чемпион мира развернул сильнейшую атаку». Во всем остальном они резко разошлись. Один написал, что тридцать второй ход Карпова, когда он взял слона белых пешкой, был лучший ход; другой считал, что, сыграв так, экс-чемпион не нашел эффективного пути; третий же назвал это продолжение неплохим, но требовавшим от Карпова дальнейшей четкой игры, что в условиях острого дефицита времени было уже затруднительно... Многие комментаторы сошлись на том, что тридцать третий ход черных (взятие ферзем на а3) был их решающей ошибкой, но разошлись в том, вел ли к ничьей план, связанный с взятием ладьей коня на а3, давал ли черным победу или все-таки оставлял за белыми грозную атаку, начинающуюся ходом их ладьи на f3.

Привожу оценки своих коллег — гроссмейстеров, подрядившихся освещать матч в газетах, — вовсе не для того, чтобы поиронизировать над ними (пусть кидает камни тот, кто сам без греха).

Как появляются на следующий день после партии в газетах варианты, подтверждающие точку зрения того или иного эксперта? Сидят эксперты, знатоки, авторитеты у одной доски в пресс-центре; доска одна, экспертов — пруд пруди, и двенадцать, — предположим, двенадцать, бывает, и много больше — рук двигают фигуры. Руки просто налезают одна на другую, а уж потом эти варианты как-то суммируются и в таком вот первом приближении попадают на газетные полосы... Посему к газетным комментариям надо относиться с совершенно особой меркой — они неизбежно поверхностны, эти сиюминутные, с пылу с жару оценки действий двух сильнейших шахматистов мира. Чемпион после матча-реванша высказывал свое возмущение субъективизмом многих комментаторов,

их поверхностным подходом. Я побывал и в роли оцениваемого, и в роли оценщика и не разделяю возмущения тринадцатого чемпиона мира по этому поводу. В конце концов если бы комментаторы видели столько же, сколько и участники матча на первенство мира, они просто поменялись бы ролями...

Как бы то ни было, шестнадцатая партия, давшая богатейшую пищу аналитикам, делает честь обоим партнерам. Просто победитель оказался в этот вечер или посильнее или поудачливее, а может быть, и то, и другое вместе.

Что касается того, прорубятся ли когда-нибудь аналитики своими мачете сквозь джунгли вариантов, найдут ли истину и когда это произойдет... Припоминаю, что в моей партии с Василием Васильевичем Смысловым из турнира претендентов в Югославии аналитики нашли, как черные могли защищаться, ровно через пять лет. На дворе эпоха интенсификации, и вполне возможно, что на этот раз гораздо раньше, — скажем, уже к следующему матчу Каспаров — Карпов — болельщики из Баку покажут, как Карпов выигрывал здесь, чтобы улучшить ему настроение.

Партнеры, судя по последовавшим после матча высказываниям, отнеслись к происшедшему в партии по-разному. По версии Карпова, в шестнадцатой произошла трагедия, когда после интересного продолжения, примененного им, вмешался цейтнот, он допустил грубую ошибку и проиграл. По версии Каспарова, у него ни в один момент не было хуже, в нескольких моментах была ничья, но белые не рисковали нигде. Возможно, возможно... Это мое «возможно» относится и к той, и к другой версии. Каждый из партнеров считает, что все время в этой партии он стоял нормально. Так уж мы устроены, такова психо-

логия шахматистов: каждая твоя находка — это закономерность, любая потеря — нелепость. В нашей психологии алогичного, зазеркального, пожалуй, еще больше, чем в нашей логике.

Сияющих лиц было меньше, чем удрученных. Но и к радости и к печали примешивалось недоумение: как — и это всё?!

Обещанной битвы титанов не получилось. Один из противников побеждал в этом «интеллектуальном боксе» за явным преимуществом: после шестнадцатой партии чемпион вел в счете три очка. Отыграть их в восьми партиях представлялось безнадежной затеей. Да и потребуется ли восемь партий, ведь достаточно Каспарову выиграть еще две, как матч будет прекращен, так как один из соперников одержит шесть побед*.

Мы с тренером выбирались сквозь толпу болельщиков в один из двориков гостиницы «Ленинград», где он поставил свою машину.

Нет на свете толпы более разобщенной, нежели шахматная. Наверное, подключение к схватке двух самых могучих шахматных интеллектов мира ударяет в забитую заботами о производстве, хлебе насущном, семье голову, и в лихорадочном перевозбуждении начинает казаться, что ты не только там был, пепси и соки в буфетах пил, но и видел иногда дальше

---

*По условиям первого, безлимитного, матча победителем признавался тот из соперников, кто одерживал шесть побед. И хотя в матче реванше общее число партий было ограничено и победителю нужно было набрать 12.5 очка из 24 возможных, сохранялось в силе и старое условие, при котором победителем считался тот, кто выиграет шесть партий.

и глубже, чем о н и, потому как не дергался, не нервничал, не корову проигрывал, — и кружится голова, и растет самоуважение, и начинаешь посматривать на всех орлиным взглядом. Не толпа — стая орлов. Каждый — орел. У каждого голова на плечах. Своя голова на своих плечах. Сами как-нибудь разберемся, в чужих советах не нуждаемся... И не надо толкаться, вы не на футболе...

Нет на свете публики менее единодушно настроенной, чем шахматная. Потому что сколько голов — столько умов. Чтобы у всех шахматных любителей рвалось из груди одно слово, чтобы все, и ликующие, и ошеломленные, словно сговорившись, думали об одном и том же и думали одно и то же, — нет, такого я за четверть века просачивания сквозь шахматную толпу на матчах высшего уровня не припомню...

Мы с волейбольным тренером пробирались к машине, и нам казалось, что в русском языке после иррациональной борьбы в шахматном Зазеркалье не осталось ни одного слова, кроме слова «всё».

И жена тренера, когда мы приехали к нему домой, спросила у нас, с досадой и горечью: «Ну что — всё?»

Долго не могли мы с тренером отойти от сверхнапряжения феерической шестнадцатой партии, снова и снова вспоминая ее омуты и водовороты.

Всё?.. Всё. Наверное, всё.

...Работа в непосредственной близости от Зазеркалья не проходит для психики бесследно, тоскливо подумал я, когда, выйдя из дома тренера и остановив на Суворовском в три часа ночи-утра такси, услышал от водителя: «Всё! Всё!»

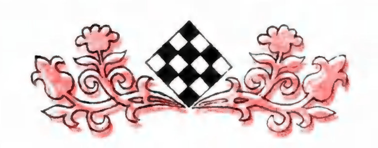
Он-то откуда знает, откуда я, у него-то почему такая уверенность, что там всё кончено?..

Я спросил у него об этом, он в свою очередь вытаращил на меня глаза, его «всё» относилось к окончанию его смены, и ехал он, как все ночные таксисты, в парк, но, узнав, откуда я и каким кружным путем добираюсь из «Ленинграда» к себе в Шувалово, сжалился надо мной и весело газанул по пустынному городу, сопровождая мой рассказ авторитетным: «Ну, это кранты. Не повезло Толяну... А нечего было из Ленинграда уезжать».

Глава вторая

ТАКОЙ ГРОССМЕЙСТЕР ЕЩЕ НЕ РОДИЛСЯ

— У нас, — сказала Алиса, с трудом переводя дух, — когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

— Какая медлительная страна! — сказала Королева. — Ну, **а здесь,** знаешь ли, приходится бежать **со всех ног,** чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

Пожилой сеньор в клетчатом пиджаке, покачивая головой, белой и гладкой, как обеспушенный одуванчик, сокрушался:

— Мальчик, совсем мальчик... Бросается на чемпиона, мат чемпиону мира хочет дать... Играет на мат. Только на мат. Так неможно... Шахма́ты — правильная игра.

Последнее утверждение он повторил дважды, делая ударение на втором слоге — шахма́ты; и эта неправильность, и его «неможно», и Мафусаилова снисходительность патриарха к отроку, снисходительность и нежность, любование и порицание придавали его речи особое обаяние индивидуальности и оттенок нездешности — и пространственной, и временной. Уехавший перед второй мировой войной из Польши

за океан шахматный маэстро Найдорф стал известным аргентинским гроссмейстером Мигелем Найдорфом и как старейшина шахматно-журналистского корпуса давал интервью съемочной группе Азербайджанской киностудии в одном из помещений пресс-центра матча на звание чемпиона мира по шахматам между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым, начавшегося в Колонном зале Дома союзов 10 сентября 1984 года...

За три года до открытия матча в Москве Мигель Найдорф написал: «Среди живущих сегодня гроссмейстеров нет ни одного, кто смог бы победить Карпова в ближайшие десятилетия... Возможно, такой гроссмейстер сегодня еще и не родился».

За три года до открытия матча в Москве, в канун матча в Мерано по Центральному телевидению (а позже по телевидению многих стран мира), был показан первый полнометражный фильм о двенадцатом чемпионе мира «Карпов играет с Карповым». Режиссера Ленинградской студии документальных фильмов Виктора Семенюка, снявшего эту ленту, и меня, ее сценариста, долго тогда пытали, почему так странно называется фильм: Карпов играет с Карповым — что же, ему, значит, не с кем играть, у него, стало быть, нет достойных противников?

И хотя авторы имели в виду совсем другое (победа над противником начинается с победы над самим собой, невозможен большой успех вне и помимо самосовершенствования, самостроительства), вопрошающих можно было понять. Какое-то время, причем не год, не два, соперников, способных победить Карпова в длительном единоборстве, попросту не было, что и дало повод экспансивному аргентинцу заявить, что такой гроссмейстер еще и не родился.

Меж собой шахматисты не говорят — «победить».

И от чемпионов мира в эпоху их правления, и от седеющих экс-чемпионов слышал и слышу один синоним этого глагола — «прибить». Чаще всего употребляется в первом лице единственного числа будущего времени — «прибью». Известные мандельштамовские строки, переложенные на шахматный лад, выглядели бы так: «И меня только равный прибьет».

Так что же — не было равных?

Куда же они все подевались, вчерашние кумиры, названные гениями при жизни, еще не достигшие пенсионного возраста гладиаторы, волшебники, корсары, которых называли новыми Морфи, Капабланками, Алехиными?..

«И меня только равный...»

Из равных, равновеликих, соизмеримых по природному таланту гроссмейстеров, рожденных королями и уже успевших побывать на троне, один (Фишер) совсем отошел от игры, не выдержав сверхнапряжения непрерывных мозговых атак и контратак или, может быть, осознав их тщету перед лицом вечности, их бессмысленность для спасения души, — не нам судить; другой (Спасский) играл с Карповым в матче на равных, а то и имея преимущество, первые четыре часа партии, а на пятом — доска и фигуры плыли перед его умственным взором в тумане, плотном и вязком, — сказывалось голодное блокадное детство и позднейшие, шахматные уже, «круги Дантова ада» — новая система претендентского отбора в шахматные владыки, пройденная им (в два захода) первым из гроссмейстеров; третий (Таль) всегда готов к рукопашной, но гордый и могучий дух заключен в открытое всем сквознякам пространства и другим напастям тело; четвертый (Корчной) при всей яростной неуступчивости, непомерном честолюбии, колоссальной эрудиции и высочайшей технике, очевидно,

все-таки не дотягивал до остальных, рожденных королями и занимавших престол, по интуиции, чувству гармонии и прочим не поддающимся точному учету составным таланта, дара, гения.

Все они, может, за исключением четвертого, были равными Карпову соперниками, хотя — и в этом трагическая ирония судьбы — именно четвертый дольше всех был в те годы его главным соперником... Но все равные по дару, соизмеримые были старше Карпова и уже в силу этого менее опасны для него, чем сверстники или более молодые. Но среди сверстников и молодых р а в н ы х что-то не было видно.

Раздавались голоса, что Карпову повезло, что на дворе — эпоха шахматного безвременья, что он — чемпион «эры промежутка»... На самом-то деле шахматному миру куда бы больше повезло, если бы Карпов и другие гиганты, находясь в расцвете сил, примерно в равном возрасте, с одинаково неутоленным честолюбием и сохраненным запасом нервной энергии, соперничали между собою так, чтобы щепки летели! Но так не бывает, чтобы равные находились в равных условиях: история экономна, у каждого времени своя квота на гениев, скажем осторожнее — на выдающиеся таланты. Они, правда, могут жить в одном хронологическом промежутке, встречаться за доской в турнирах и матчах, но прописаны они в своем времени, гениями они были провозглашены в свой звездный час и, забронировав за собой место в истории, продолжают, иногда очень долго, играть, побеждая иногда в сильных турнирах, получая призы за красивые партии, но все более удаляясь и отдаляясь постепенно от битв непосредственно у шахматного трона.

Отсутствие конкурентов, представляющих для Карпова реальную угрозу, с одной стороны, облегчало

его жизнь, с другой — осложняло. Очень и очень осложняло. Карпов считал себя обязанным играть по максимуму, не уклоняться от турниров высшей категории, от встреч с самыми сильными, ибо только так можно было поддерживать себя в состоянии полной боеготовности, чтобы созревающий где-то в тиши, никому еще неизвестный Равный из ранних не застал его врасплох, не взял голыми руками...

Было и еще одно обстоятельство — мы подробно обсуждали его с Анатолием Карповым в дни съемок фильма, — а именно: двенадцатый в шахматной истории чемпион своего предшественника, одиннадцатого короля, в очном поединке не победил и был провозглашен чемпионом без борьбы в матче. Это вызвало множество кривотолков, недружественных, недоброжелательных, ехидных, ядовитых, желчных, хотя все прекрасно знали, что Карпов от боя не уклонялся и не его вина, что Роберт Фишер не захотел (или не смог — тайна сия велика есть, и чем больше лет исчезает в Лете, тем она таинственнее) играть и по всем установленным правилам руководителям ФИДЕ ничего не оставалось, как провозгласить главного претендента, единственного претендента, новым чемпионом.

Нового чемпиона можно понять: задевали не столько несправедливые упреки — непереносимым для человека самолюбивого, с высоко развитым чувством собственного достоинства (Пришвин называл самолюбие достоинством мастера), нестерпимым для Мастера было получать в дар то, что он сам по праву заслужил... Лавровый венок тогда, как мне показалось из общения с ним, несколько тяготил его — не тяжестью шапки Мономаха, а тяжестью камня, положенного в протянутую руку (как это у Лермонтова: «И кто-то камень положил в его протянутую руку...»). Ощуще-

ние для Мастера-Чемпиона не из приятных. Соперник Фишера по рейкьявикскому матчу Борис Спасский никак не мог прийти в себя от куда более скромного презента, от «подаренного» ему американским гроссмейстером очка (оно было начислено сопернику Фишера за неявку американца на вторую партию)... Помню, как тогда же мой нынешний соавтор сказал мне, что надо было немедленно на подарок ответить отдарком — не явиться, в свою очередь, самому на третью партию. Но не догадался соперник Фишера так поступить, да еще и неизвестно было, как ФИДЕ отнеслось бы к такому «отдарку». Лавровый венок не очко, его не вернешь — да и с какой, спрашивается, стати возвращать?! Но что-то с этим надо делать, надо что-то предпринять... И Карпов предпринял беспрецедентное наступление по всему шахматному фронту: не пропуская ни одного выдающегося по составу турнира, он играл в них яростно, истово, не оставляя соперникам ни малейшего шанса на первое место. Это была поступь не «бумажного тигра», как, используя распространившееся по миру китайское выражение, его окрестили злопыхатели, а просто тигра, Чемпиона, что пришел к власти в шахматном королевстве всерьез и надолго.

Тигриную поступь не спутаешь ни с чьей другой. Тигриный рык чуткое ухо улавливает в ломающемся, не окрепшем еще голосе мальчика. Конечно, тот, у кого есть чуткое ухо, кто видит и провидит шахматные глубины с помощью эхолотов, тот распознает тигриную породу еще в котенке... Хотя и он, видящий-провидящий, может ошибиться и принять за тигра всего лишь камышового кота, рысь, барса или просто кота Барсика... Подобные ошибки случаются сплошь и рядом, как правило, в сторону преувеличения: нам кажется, что каждый второй представитель семей-

ства кошачьих — тигр, в то время как тигры, не бумажные и не уссурийско-бенгальские, рождаются очень редко, и не каждое поколение имеет своих тигров; у некоторых рычат барсы и грозно мяукают барсики... Словом, в том, что таланту набивают цену, нет ничего удивительного — всем хочется, чтобы талантов было поболе, хороших и разных, хотя все знают, что талант — редкость и в деле «производства» талантов количество ни при какой погоде не переходит в качество. Крупные таланты встречаются еще реже, чем просто таланты, а Тигры-Чемпионы на всем обозримом пространстве шахматной истории встречались всего ничего. Даже точно известно, чему равно это самое неопределенное «всего ничего» — тринадцати.

Мудрый Кобленц, маэстро Кобленц, просто — Маэстро, тренер моего соавтора еще в те баснословные времена, когда соавтор, тигр скорее бенгальский, легковозбудимый, невероятно резкий, сокрушал тигра, пожалуй, уссурийского, с более тяжелой поступью, чем бенгальский, — так вот, Александр Нафтальевич Кобленц, тренер и шахматный мастер, узкий специалист по производству шахматных королей, говорил мне за день до четвертьфинального матча претендентов на корону Белявский — Каспаров, что королем надо родиться, как Миша, как Бобби, как Толя, и мало того, надо ощущать свое право быть королем, сознавать свое предназначение, верить в это свое избранничество, не допуская и тени сомнения в ином исходе, чем восшествие на престол... Не сомневаясь ни на мгновение, что Гарик наделен талантом высшей пробы, мудрый тренер, однако, не спешил предрекать ему ту же стезю, что и Мише, Бобби, Толе, по одной причине: мальчик, знаете ли, очень тяжело переносит поражения, очень сокрушается, бедный, просто убивается, что свидетельствует, по Кобленцу, не только

об известной неуравновешенности натуры, но и об отсутствии такого неотъемлемого атрибута королевского в человеке и шахматисте, как несокрушимая вера в свое первородство, в то, что тебе на роду написано повелевать.

Маэстро (простите, Александр Нафтальевич, что я называю Вас так же, как и Миша) ошибался относительно несокрушимой веры. Вера родилась вместе с Гариком, точнее, вместе с пробуждением таланта в Гарике, ибо вера так же входит в состав таланта, как и потребность в труде, — труде обнаружения, раскрытия, выявления таланта...

«Вера двигает горы, я человек, не гора. Вера мне не сестра», — есть у Ильи Эренбурга стихотворение «Верность» с запальчивой строкой: «Вере не верю я».

Смотря — какой вере, смотря — во что...

Помните мысль Битова о том, что талант — вопрос веры? Развивая ее, писатель однажды заметил: «Я должен свято верить в то, что в написанной мной фразе возможен только такой порядок слов, в то, что найденная мной интонация — единственно возможная».

Вера шахматиста того же корня, что и писателя. Это — вера творца в живущую в нем гармонию. Рожденное вдохновением нечто соразмерное, нечто непреложное в своей завершенности и единственности, будь то вечнозеленая шахматная партия или рассказ, подобный чеховской «Скрипке Ротшильда» или бунинскому «Легкому дыханию», сам создатель — на стадии создания! — не может разъять анализом, подвергнуть другим контрольным процедурам недремлющего разума: в этот порядок слов, в этот порядок ходов, в этот п о р я д о к, внесенный волей художника в хаос бытия, можно только верить.

Ни один из противников Карпова не был наделен такой несокрушимой верой в свое понимание вещей,

в то, что его шахматная программа, его видение позиции совершенны, — и это качество, столь же врожденное, сколь и благоприобретенное (никто не заставил его сомневаться в себе, перепроверять свои варианты за доской, никто не мог на практике поколебать его веру в свою изворотливость, неуязвимость), выводило его конкурентов из равновесия: у одних — словно отнимая силы для сопротивления (так действует непреклонная воля вкупе с несокрушимой верой на натуры, такой воли и такой веры лишенные), других раззадоривая до невероятия, заставляя переходить границы допустимого риска.

Пока вера в себя, в свою миссию, в свой порядок ходов (прошу не понимать это буквально) незыблема, пока она не дала трещину, ты не очень интересуешься другими, даже если эти другие — твои конкуренты, претенденты на принадлежащую тебе корону. Ну конечно, в какой-то мере интересуешься, смотришь их партии, обращаешь внимание на их дебютные пристрастия, отмечаешь их «привычные вывихи» (равно как и их сильные стороны), но в их человеческое нутро не влезаешь. Зачем? Дай-то бог мне в себе разобраться, свои проблемы решить, а уж с противниками как-нибудь разберусь.

Помню, как меня, долго имевшего дело с шахматистом экстра-класса, исповедующего психологический, одушевленный, восходящий к Ласкеру подход к шахматной борьбе, удивило, озадачило, поразило признание Карпова во время съемок нашего фильма, что меньше всего из наук о человеке его интересует психология (это при постоянном интересе к истории!), что он не считает необходимым составлять психологические досье на соперников, как делают некоторые его коллеги, что в чересчур пристальном интересе к личности противника — ко всем его челове-

ческим особенностям, странностям — есть что-то от лукавого, что психология — прав мудрый Тигран Вартанович Петросян — не может быть «палочкой-выручалочкой», а изучение характера соперника не заменит изучения шахматной теории, исследования чисто шахматных проблем.

Озадаченный и пораженный «антипсихологизмом» шахматного чемпиона (а в шахматах мне интереснее всего их психологическая сторона, взаимодействие характеров и все сильные и слабые токи — производные от этого взаимодействия), я размышлял над этим и во время работы над картиной, и после ее завершения пришел к выводу, что пока вера Карпова не поколеблена, другой человек (речь только о противниках шахматных) на психологическом микроуровне его всерьез заинтересовать не может. Не по причине природной нелюбознательности, не по причине гуманитарной глухоты, а просто потому, что для достижения главного — для выработки оптимальной стратегии достижения цели — ему незачем было отвлекаться на вещи несущественные, достижению цели не способствующие. Нужно было, чтобы ему «прожгло обшивочку», чтобы появился соперник той же силы и той же веры в себя и свою звезду, чтобы Карпов почувствовал интерес к психологическим аспектам шахматной борьбы, в чем — неожиданно для меня — признавался в интервью перед вторым и третьим матчем с Каспаровым.

А может, дело в возрасте и чем старше становится шахматист, тем одушевленнее для него делается мир деревянных фигурок, и чем экономнее приходится расходовать свой творческий потенциал, тем внимательнее, тем бережнее начинает он относиться ко всем внутренним ресурсам, в том числе и такому, как психологическое зондирование соперника?..

AVION

20
5

Скорее всего эти разнородные потоки слились в один, и Карпов, с юных лет принципиально не желавший полагаться на авось, на волю случая, обратил свой заинтересованный взор в сторону психологии, без которой не обойтись никому, кто творит в напряженном силовом поле соперничества, кто реализует свой дар в борьбе с другим человеком, похожим на тебя, как бывает похож человек на человека, и совсем не похожим, как только непохож один человек на другого человека.

Как человек, Анатолий Карпов гораздо более интересен, чем можно судить по экранным и книжным версиям. При шапочном знакомстве, на «общем плане», если воспользоваться кинематографическим термином, он — рационалист-разумник, четкий, правильный, жесткий. На «среднем плане» вдруг проступают черты неожиданные — импульсивного, азартного, страстного, хотя и владеющего собой, управляющего своим азартом, своими эмоциями человека. И только «крупный план», только более близкое, доверительное знакомство позволяют сделать догадку, что психологический ключ к характеру Карпова — это парадоксальное сочетание страсти и системы, динамическое равновесие двух начал, которые испокон веку принято считать полярно противоположными.

Начала противоположные, полярные (страстная душа — и трезвый ум аналитика, импульсивность — и холодное самообладание) заложены в Карпове от рождения и развиты в работе над шахматами, в соперничестве за доской. Парадоксальное сочетание в стиле Карпова ясности и загадочности, простоты и непостижимой глубины объясняется и особенностью его дара, интуитивного по природе, и величиной его творческого потенциала. Заявив себя как «играющий чем-

пион», Карпов не позволял себе ни при каких обстоятельствах уклониться от добровольно принятого на себя обязательства. Он выступал в самых ответственных соревнованиях чаще, чем это делал любой другой чемпион. Совокупность его результатов значительно выше, чем у остальных, даже таких гениев шахмат, как Капабланка и Алехин периода их расцвета. За девять лет, играя в ранге чемпиона мира, он выступил в тридцати восьми турнирах, причем в двадцати шести занял чистое первое место, а еще в четырех делил его с другими.

А всего к началу первого матча с Каспаровым тридцатитрехлетний Карпов выиграл почти шестьдесят различных соревнований!

Результаты фантастические, рядом поставить некого («возможно, такой гроссмейстер еще и не родился...»), а беспрекословного, безоговорочного признания все же нет. Казалось бы, играющий и постоянно выигрывающий чемпион давно стер своими победами клеймо «провозглашенного», «назначенного», «объявленного» чемпиона, но как бы не так, поземка зависти, недоброжелательства, неприязни вьется за его триумфальной колесницей, и если об этом — у нас, по крайней мере, — и не пишут, то говорят непременно, и не только рядовые любители, но и гроссмейстеры-конкуренты... Вспоминаю, как во время организованной редакцией журнала «64 — Шахматное обозрение» в кабинете главного редактора А. Е. Карпова (правда, в его отсутствие — он готовился к последним партиям своего второго матча с Каспаровым) встречи шахматных журналистов и победителей турнира в Монпелье один из молодых гроссмейстеров, отвечая на вопрос: «Готовы ли вы стать чемпионом мира?», сказал: «Если меня провозгласят, то, конечно, готов».

В чей огород претендент метнул увесистый камень, даже булыжник, объяснять, надеюсь, не надо...

Так что же, ему, без вины виноватому, нести до конца жизни проклятие провозглашенности? Или смывать каждое оскорбление кровью, как было в тот раз, когда он два года спустя «прибил» в матче одного из юных претендентов?..

Но на каждый роток не накинешь платок, каждого обидчика не вызовешь на дуэль: во-первых, они давно отменены, во-вторых, если иметь в виду шахматные поединки, у Карпова есть в обозримом будущем поважнее дела, связанные с престолонаследием.

«Провозглашенность» объясняет многое в неполноте приятия, в отсутствии безоговорочности признания. Многое, но далеко не все. Результаты более чем убедительны, но игра убеждает далеко не всех. Рядовые любители всей душой за шахматы зрелищные, им подавай комбинации, жертвы, огонь, дым, чтоб дух захватывало. Кажущаяся простота игры Карпова, ее неумолимая логичность, методичность далеко не всех устраивают, недовольные брюзжат: рационально, сухо, все взвешено и отмерено, скучно, скучно...

Брюзжали не только любители, но и специалисты, знатоки, эксперты. Никто не отрицал громадный природный дар, но отдельные критики (их мнение наиболее полно выразил американский психолог и шахматист, чемпион мира 1968 года в игре по переписке Ганс Берлинер) видят «некоторое несоответствие между его богатейшим и многогранным природным талантом, с одной стороны, и его прагматическим подходом к борьбе — с другой». Приходилось встречать в печати и отнесение Карпова к разряду контролеров шахматного ОТК, не имеющих собственных плодотворных идей, а лишь бракующих идеи других, наде-

ленных богатой творческой фантазией (Карпова в той ситуации — он еще не стал чемпионом мира — могло утешить только то, что он попал в одну компанию с Капабланкой, Петросяном, Спасским). Гром победы, что и говорить, не раздавался, когда Карпов одерживал свои победы. Они были без шумовых и прочих эффектов, его победы.

Специалисты, по-моему, так и не разобрались до конца в том, как и за счет чего побеждает Карпов. Помню, как в 1979 году, на чемпионате страны в Минске, когда мы записывали для фильма «Карпов играет с Карповым» синхронное интервью с Гарри Каспаровым, юный бакинец (тогда еще школьник, тогде еще не претендент) отметил, что больше всего в Карпове-шахматисте его привлекает удивительный дар ставить фигуры на самые правильные позиции. Если у противника, скажем, три фигуры стоят идеально, то у Карпова таких четыре и больше. Это что-то новое в шахматах, продолжал Каспаров, и суть его игры еще полностью не раскрыта. Ее не все понимают...

Не понимая сути, видели, однако, что наиболее силен чемпион не в нападении, а в защите, что он необыкновенно ловок и изворотлив в трудных, практически безнадежных положениях, из которых, кроме него, никто и выхода-то никогда не найдет. Это вызывает уважение, заставляет снять шляпу, но в воздух чепчики бросают совсем по другому поводу: когда, сжигая за собой мосты, летит — шашки наголо! — кавалерия, когда атака, когда рискуешь сам, а не когда тебя вынуждают рисковать... Так уж устроены люди: удаль риска, вызов, затейливая фантазия привлекают куда больше поклонников, чем глубина, взвешенный расчет и простота, даже самая неслыханная.

Не взирая на лица, обычно судят людей, пребывающих в тени. Человека, живущего на виду, по выра-

жению одного гроссмейстера, в аквариуме на улице Горького или на Невском, окружающие судят, взирая на лицо, очень внимательно взирая. Растиражированное миллионами экземпляров газет, журналов, голубых экранов неповторимое человеческое лицо стирается от постоянного употребления, становится знаком, приметой, частью общественного интерьера, символом. Карпов олицетворял собой правильность, незыблемость, эталонную образцовость. Школу Анатолий окончил с золотой медалью, которая дается за отличные успехи в учебе и примерное поведение. В глазах окружающих он и был примерным чемпионом, образцово-показательным молодым человеком, у которого на всё, не только на шахматы, хватает времени, даже на курсовые и дипломную работы об эффективности использования свободного времени (Карпов учился на экономическом факультете Ленинградского университета), на выполнение многочисленных общественных обязанностей...

Как всякий умный, одаренный, глубокий человек, Карпов, конечно же, был куда сложнее, многозначнее, многомернее, противоречивее, чем его благостноелейные экранно-газетно-журнально-книжные изображения, в том числе и те, к которым приложил руку автор этих строк. В те времена, которые сейчас мы совершенно справедливо критикуем как времена общественного застоя, подобные изображения образцово-показательных героев-отличников были очень распространены. Некоторых героев, ставших моделями для прижизненных изваяний, это вполне устраивало, и они делали все от них зависящее, чтобы всегда быть на виду, чтобы их продолжали увековечивать и награждать. Другие не возражали, чтобы (используя метафору одного современного поэта) их украшали знаками всеобщего признания, благодар-

ности и уважения, как селедку луком. Третьим гарнир славословий и похвальбы был не по вкусу, они видели трезво и ясно, как мешает нам жить отсутствие самокритичности, боязнь называть вещи своими именами, отступление от социалистических идеалов и высоких моральных норм, видели, сознавали и, преодолевая косное, консервативное, протестовали, боролись, отстаивали правду, добиваясь перемен в устоявшейся, застоявшейся жизни. Карпов, насколько я сумел в нем разобраться, не мог не видеть те несовершенства окружающего мира, которые видели многие, хотя и говорили о них прилюдно, публично не многие. Видел, понимал, но голос свой против укоренившихся неправильностей не возвышал, позволяя себя показывать, подавать как примерного чемпиона-отличника, не знающего никаких проблем, не мучающегося из-за них, не пытающегося их решить.

Карпов не шел поперек течения, не был возмутителем спокойствия, но к тем своим шахматным собратьям, кто поступал — не за доской, в жизни — вопреки общепринятым стандартам, кто «возникал», «высовывался», по-моему, в глубине души относился с симпатией. Но, симпатизируя и, наверное, завидуя им, он в то же время относился к ним, как относятся взрослые к дитю малому, неразумному: подрастет, мол, и забудет свои забавы и затеи. Самое любопытное, что сам он был лет на пятнадцать моложе этих строптивых коллег, и однажды в частном разговоре со мной, зная, что я дружу с одним из них со студенческих лет, двадцатипятилетний чемпион ядовито прошелся по его адресу за то, что тот берется судить о разного рода общественных проблемах, об экономике, истории, социологии, в которых некомпетентен, что тратит на дилетантские попытки во всем этом разобраться уйму драгоценного времени, а над шах-

матами, в которых чертовски одарен от природы, стал работать меньше и посему дает слишком большую фору в дебюте гроссмейстерам более молодого поколения и начинает уступать им в соревнованиях, хотя еще находится в замечательном возрасте зрелости и до старости ему далеко...

Эта позиция Карпова, высказанная в середине 70-х, особенно если посмотреть на нее из конца 80-х, из эпохи разворачивающейся перестройки, выглядит уязвимой. Мы отстаиваем сейчас граждански активное отношение ко всему происходящему в нашей общественной и государственной жизни, мы настаиваем на том, чтобы каждый выработал свое личное отношение к сложнейшим проблемам мироустройства. Но и сейчас не возьмусь ни осуждать, ни оправдывать Карпова, избравшего в те времена такой стратегический план жизни и последовательно придерживавшегося этого плана. Пытаюсь понять его. Не осудить, не оправдать — понять...

Анализируя его поступки, его слова, соединяя их в причинно-следственную связь, пытаясь догадаться о главном, всегда скрытом от постороннего взгляда, — мотивах его действий, — прихожу к выводу, что Карпов довольно рано (на исходе юношеских лет) почувствовал, осознал свое предназначение и начал действовать так, как оно повелевало... Предназначение вовсе не то же самое, что призвание. Призвание есть у многих. Предназначение же — это понимание человеком уникальности, громадности своего дара, ответственности за него и подчинение всего в жизни этой ответственности, этой важнейшей миссии. Великий шахматист оберегал автономность, сокровенность своего внутреннего мира от непрошеных вторжений, от давления времени, защищал не только свое звание, но и свою миссию, свою земную предназна-

ченность, считая, что каждый должен заниматься своим делом, тем, что ему на роду написано, вкладывая в свое дело все отпущенные способности, а уж все остальное устроится без него, устроится, если и все остальные будут столь же преданы своему делу, как он своему.

Предназначение имеет над человеком большую власть. Не всякому по душе ее гнет, не всякий согласен превращать свою единственную, свою неповторимую жизнь в миссию. Требуются душевные усилия, чтобы превратить жизнь в миссию, в исполнение предназначенного. Эти усилия не остаются незамеченными другими людьми. Человек долга, с ответственностью относящийся к своему таланту, вызывает уважение у людей основательных, серьезных, положительных. Таких людей очень много, и, естественно, у Анатолия Карпова всегда было и до сих пор остается много почитателей, поклонников, преданных болельщиков. Но далеко не всем нравится примерность, образцовость, тщательность, с которой оберегается свое, личное от всякого постороннего влияния. Таким поклонникам Каиссы в Карпове-чемпионе не хватает легкости, беспечности, загадочности, таинственности, бурного общественного темперамента, которые в тех или иных дозах входили в душевный состав иных шахматных королей.

И те, кто признает Карпова целиком и безоговорочно, и те, кто поддерживает Карпова, хотя и видит его недостатки, и те, кто Карпова не принимает, судят о нем по киноверсиям, телеизображениям, газетным и журнальным вариантам, но — в этом я убедился на многочисленных встречах с кинозрителями, читателями, в разговорах на шахматные и околошахматные темы со случайными собеседниками — все они плохо себе представляют подлинного Карпова.

Упрекая в разговоре со мной своего коллегу в том, что тот смел свое суждение иметь не только о шахматах и прилюдно свое мнение высказывать, Карпов не скрывал, что всегда (как он хорошо, очень по-карповски говорил — «со времен разумных») учился у того поведению за доской в турнире, в матче — непроницаемости, спокойствию, хладнокровию. Знавшие Карпова понаслышке, видевшие его на дистанции полагали, что ему-то, сдержанному и разумному, и учиться этому незачем — дано, мол, от природы. Как бы не так! Сколько потрачено сил, чтобы удлинить бикфордов шнур самовозбуждения — избавиться от природной импульсивности! Сколько ушло времени на овладение искусством управлять азартом! Как-то он признался, что из всех игр только покер не дается: слишком азартен, — это подводит, прорывается, позволяет партнерам считывать с лица информацию, в то время как в идеале надо блефовать с непроницаемой маской.

Оберегающий душу от непрошеных вторжений, не считающий возможным показывать всем свои переживания, Карпов настаивает, что человек должен сам, без посторонней помощи, без жалоб и стонов решать свои проблемы. В наш фильм вошел отрывок из нашего с ним долгого разговора об этом: «Предпочитаю переваривать свои проблемы внутри, хотя это, конечно, тяжело. Выговоришься, и кажется, что все просто стало, а если наедине с собой решаешь свои проблемы, то это намного сложнее... Но я считаю одним из непременных профессиональных качеств и достоинств шахматиста — умение скрывать свои чувства от соперника, от зрителей. И тут уже ничего не поделаешь, где-то это переходит и в жизнь».

Дома, забравшись с ногами на просторный мягкий диван, он рассматривал марки в пухлых кляссерах

и откладывал костяшки на детских пластмассовых счетах — опять кто-то из приятелей попросил его оценить коллекцию, и он, занятый сверх головы, погружался в эту упоительную счетную работу. В большой комнате на столиках и подоконниках валялись, как опавшие черные листья, иноземные калькуляторы, но он предпочитал красно-голубые детские счеты. Или ничего не подсчитывал-пересчитывал, а доставал из шкафов свои заветные кляссеры и впивался в свои марки, вожделенно впитывая ломкую геометрию зубчиков и живописные пятна великих картин, каких-нибудь экзотических сумчатых, президентов далеких стран... И напрасно жена в десятый раз напоминала, что они уже год обещали сходить в гости к... что опять он уедет в свои Мальорки, а потом на сборы в Новогорск, а потом на Олимпиаду, а потом... — и опять она, да-да, она в глазах их старых друзей будет выглядеть обманщицей; голос ее ломался, дрожал, он отрывался от марок, опускал на пол затекшие ноги, бормотал: «Конечно, конечно...» и, стоило ей выйти из комнаты, снова переворачивал лист и ловил кайф, как принято обозначать состояние нирванны, полного, беспримесного блаженства во времена, совпавшие с шахматным чемпионством Анатолия Евгеньевича.

Такого Карпова многие не знали. Еще точнее, таким его знали очень немногие. И мало кто видел, как он, пробудившись в полдень, выходил на крыльцо новогорской спорткомитетовской базы и, обнаружив в июньском небе дымчатое солнце, услышав в соседней березовой рощице птичий перезвон, подставив лицо летнему ленивому ветерку, задохнувшись от нежности природы к сынам человеческим, воздевал руки к небу, запрокидывая голову и взывая: «Плодитесь и размножайтесь!.. Как хорошо-то! Хочется

жить!» И смеялся, и вдыхал глубоко-глубоко медом пахнущий новогорский летний настой. Постояв немного, зажмурившись, делал еще один глоток, еще один — и, внезапно повернувшись, быстро уходил в комнату к своим помощникам на первом этаже, — прокуренную штабную комнату, где искали «дырки» в вариантах и чем эти «дырки» заштопать, где готовили тайное оружие, — заходил, чтобы задать урок своим помощникам на день, поскольку сам по неотложным делам уезжал в Москву. Улыбка, принесенная июньским ветерком с подмосковных полей, не сходила с его лица, но голос был четок, сух, повелителен (один из помощников звал его за глаза «императором», остальные посмеивались, но даже за глаза так его не называли).

Через три месяца он должен был ехать в Италию, в Мерано, играть очередной матч с Корчным. К этому времени мы уже сделали свой фильм и сдали его наиболее требовательной инстанции — самому герою. Да-да, герою, ибо, как нам объяснили в Гостелерадио, по заказу которого мы снимали картину, «мы примем ее только после того и только в том случае, если она не вызовет возражений у Анатолия Евгеньевича».

Принимавшие — на разных уровнях — картину советовали авторам убрать из нее эпизод с участием шестнадцатилетнего бакинского полугроссмейстера (у него тогда был один балл международного гроссмейстера; второй, — дающий право на присвоение высшего шахматного звания, он получил через полгода) Гарри Каспарова. Одних этот эпизод не устраивал потому, что они не поняли: авторы делают прогноз относительно будущего главного соперника Карпова. Другие потому, что все правильно поняли и, будучи наслышанными о твердом и властном характере чемпиона, советовали — от греха подальше! —

резануть эту сцену, которая наверняка не понравится Карпову. Были и третьи, вернее, третий — консультант фильма со стороны заказчика, шахматный мастер и журналист, — деликатно настаивавший на том, чтобы скрытый прогноз превратить в открытый, добавив в дикторский текст фразочку: «Шаг в шаг повторяет Гарри Каспаров путь Анатолия Карпова, кое в чем даже опережая его».

Мы с Виктором Семенюком, режиссером фильма, не стали ни убирать, ни усиливать. Пусть Карпов посмотрит, раз уж это неизбежно, а там видно будет.

Карпов приехал в Останкино, посмотрел картину о себе, сделал несколько частных замечаний, а в целом фильм одобрил, о чем тут же — по нашей просьбе (у Госкино с Гостелерадио к этому времени наметился конфликт из-за этой картины, поскольку мы перебрали в метраже на две части) — сообщил по телефону председателю Гостелерадио, пожурившему Анатолия за то, что давно не заезжал в гости, и пообещавшему со своей стороны все решить положительно и незамедлительно...

Об эпизоде с Каспаровым на официальном обсуждении чемпион не проронил ни слова, тем самым решив спор заказчиков и авторов в нашу пользу.

Через шесть лет, пополнив славную компанию экс-чемпионов мира, но не теряя надежды эту компанию покинуть при первом удобном случае, Карпов накануне отлета на матч-реванш в Лондон давал телевизионное интервью. Сидя на скамеечке возле своего дома в уютном переулке в центре Москвы — неподалеку от Садового кольца, в двух троллейбусных остановках от площади Маяковского, от Концертного зала имени Чайковского, где осенью прошлого года расстался со званием чемпиона мира, — самый молодой экс-чемпион мира сказал корреспонденту

Ленинградского телевидения, поинтересовавшемуся, давно ли он, Карпов, почувствовал, что именно Каспаров будет его соперником в борьбе за мировую шахматную корону: «Талант Каспарова был виден с самых ранних лет — по тому, как шахматист оценивает позицию, по его интуиции, специалист быстро увидит разницу между гроссмейстером средней руки и истинным талантом... Талант Каспарова, повторяю, был виден с самых ранних лет — не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он будет очень серьезным соперником».

В каждом из нас при рождении «заведены» биологические часы. Но их ход слышат немногие. Еще меньше тех, кто прислушивается к этим часам, соразмеряя с ними свое движение по жизни. Карпов слышит и прислушивается. Не придерживает себя и не пришпоривает. Держит на дистанции нормальную для себя скорость. А норма его — стремительность. Только ему и Михаилу Талю удалось к двадцати четырем годам получить шахматную корону. Стремительность — во всем его облике, в жестах, в легкости походки, в нетерпеливых лазерных взглядах, которыми он прошивает своего соперника, наконец, в быстроте его игры.

Порыв ветра, полетность — вот первое ощущение, которое он вызывает.

Тут я делаю остановку, перечитываю последний абзац и пытаюсь понять, о ком пишу, — все еще о Карпове или уже о Каспарове... Вроде бы о Карпове, но в общем-то уже и о Каспарове. Переход на стилевом уровне произошел незаметно, а главное — безотчетно для пишущего. Что это — установка на зазеркальное восприятие, издержки заданного приема, или герои в чем-то существенном, определяющем похожи друг на друга гораздо больше, чем может

показаться на первый взгляд, — на первый взгляд они антиподы, «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень»?..

Оставим пока вопрос открытым и задумаемся, с чем сравнить скорость, стремительность Каспарова?

Научился играть в шахматы без малого в шесть лет — на два года позже, чем Хосе-Рауль Капабланка-и-Граупера. Вот как об этом рассказала корреспонденту журнала «Аврора» Александру Василевскому мама Гарри Клара Шагеновна Каспарова: «Мы с мужем любили решать шахматные задачи. Занимались обычно вечерами, после работы, мы оба были инженерами. Решали задачи, стоя у плиты, за мытьем посуды, у телевизора. Словом, при любой возможности, потому что нам это было очень интересно... И вот однажды, когда Гарику не было и шести лет, в одно из воскресений утром (я хорошо помню: дело было весной, потому что окна были открыты) за завтраком Гарик вдруг говорит: «А вот во вчерашней задаче ходить надо так...» Мы переглянулись и замерли. Разговоров, куда направить развитие Гарика, было у нас в этот момент бесконечное множество. И вот судьба сама все решила за нас в то майское воскресное утро. Изумленный муж, помню, воскликнул: «Я же тебе не показывал, как надо играть! А ты знаешь, какого цвета поле c4? e5? b6?» И Гарик называет наизусть цвет и даже траекторию движения фигур показывает. Это мне так запало в голову. Решение возникло сразу: он не будет учиться музыке, он будет играть в шахматы».

Будущий шахматный чемпион родился в 1963 году, когда Тигран Петросян отобрал «корону» у Михаила Ботвинника, а научился играть в шахматы в 1969-м, когда Петросяна на троне сменил Борис Спасский. Спасский с его широкой размашистой

игрой, с его универсальным стилем стал первым шахматным кумиром Каспарова. Ботвинник, первый советский чемпион мира, олицетворение научного подхода к шахматам, — его главным учителем, наставником (его заочную шахматную школу Гарри посещал в течение пяти лет), а Петросяна и тринадцать других международных гроссмейстеров в 1979-м Каспаров, еще не имевший международного рейтинга, на турнире в югославском городе Баня-Лука опередил на три «корпуса», получив свой первый гроссмейстерский балл. Там же, в Баня-Луке, 13 апреля он отметил свое шестнадцатилетие.

Фермент роста его таланта — южное солнце, южное море, напоенный солнцем, пропитанный морской солью воздух, который усиливает генетически предопределенное, по мнению психологов, влечение человека к игре, являющееся своего рода инстинктом, удовлетворение коего обязательно. «Из наслаждений жизни, — говорится в пушкинском «Каменном госте», — одной любви музыка уступает; но и любовь — мелодия...» Дед по отцовской линии — композитор, и сын его, брат отца, — композитор, и отец очень музыкален, хотя выбрал специальность инженера-электрика, как и мать, родители которой — научные работники. В семье лад, как бывает только там, где все покоится на любви. Разрушает лад смерть: отец, Ким Моисеевич Вайнштейн, умер в 1971 году от рака легкого, когда Гарику было семь лет. По словам Клары Шагеновны, жили они с сыном трудно, но, к счастью, хороших людей всегда было больше, и они помогали матери и ее одаренному сыну. Он рос в атмосфере обожания и требовательности. «Бывает так, что он сильно устает. Что вы делаете в таких случаях?» — спрашивает корреспондент Клару Шагеновну и слышит в ответ: «Идем дальше.

Другого выхода нет. Конечно, насколько возможно, я регулирую его режим. Уже больше года как я оставила работу ради сына. Служу ему, — это для меня счастье. Слово «отдых» у нас с ним не существует. С девяти лет у него не было каникул, не было дня, свободного от режима. Работали все время: либо нужно было догонять, либо — перегонять. Быть первым очень трудно. Итак, «бежать» или «жить»? Пока Гарик все время бежит, ну, а я ему помогаю. А жить просто ради удовольствия — это ни он, ни я не понимаем».

Интервью с мамой Гарри Каспарова «Аврора» напечатала в первом номере 1985 года, когда конца-краю его матчу с Карповым не было видно. И только сейчас, работая над повествованием о противостоянии двух самых сильных, стремительных и неуступчивых шахматистов последней четверти нашего века, — о противостоянии, конца-края коему тоже не видно, я обнаружил в старой подшивке «Авроры» номера журнала с произведением принципиально «антибеговым», герой которого предпочитает жить, а не бежать.

Выделю из маминого интервью следующее утверждение: «либо нужно было догонять, либо — перегонять... Быть первым очень трудно. Итак, «бежать» или «жить»? Пока Гарик все время бежит, ну, а я ему помогаю».

Одиннадцатью годами ранее в той же «Авроре» можно было прочитать: «Нарастающий культ Времени становится показателем деловой хватки, умения жить. Часовые стрелки подгоняют, и человек мчится, боясь отстать... Время командует. Гончие времени мчатся по пятам». Странной в эпоху пришпоренного и ускоренного времени выглядит жизнь человека, чье время «не было временем достижения», свобод-

ного «от желания обогнать, стать первым, превзойти, получить», любившего и ценившего «Время не как средство, а как возможность творения».

Авроровская повесть так и называлась — «Эта странная жизнь...»; написал ее Даниил Гранин, рассказав о крупном советском ученом-биологе Александре Александровиче Любищеве, создавшем свою систему учета, «хранения» и в конечном счете владения временем.

Это всегда жгучая тема для размышлений — взаимоотношения человека и Времени. Почти за две тысячи лет до нашего современника, ленинградского писателя Гранина, римский философ-стоик Сенека начинал свои «Нравственные письма к Луцилию» с размышлений о времени: «Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владение природа...»

Ты владеешь временем: нажимаешь свою кнопку — и твое время останавливается, а время твоего соперника пускается вскачь. Наверное, это самые странные часы в мире — их ход контролирует темп нашей мысли и контролируется работой нашего мозга. Они единственные создают иллюзию, что не время владеет тобой, а ты владеешь временем: стоит только нажать свою кнопку.

Эти удивительные часы — шахматные. Два циферблата, две кнопки — пульт управления ускользающей и текучей субстанцией времени.

Герои опять меняются местами — рокируются помимо воли автора. Я ведь пишу сейчас о Каспарове — бегу за ним, задыхаясь, а сворачиваю, незаметно для себя, на карповскую беговую дорожку; на теме человека, владеющего временем, я строил свой первый сценарий о Карпове — еще в семьдесят чет-

вертом, когда он был одним из претендентов и поразил меня, кроме всего прочего, исключительно развитым обостренным ощущением времени — и его периодичности, и его бесконечности. Несколько позже, когда Карпов готовился к своему первому, так и не состоявшемуся матчу на звание чемпиона мира по шахматам, я передал ему два номера «Авроры» с гранинской повестью о человеке, владеющем временем. Никаких особых целей, ну, хотя бы как сценарист, желающий столкнуть в будущем фильме две полярных философии времяпользования, времятворения, я при этом не преследовал. Просто мне очень нравилась (и сейчас нравится) классически ясная, очень содержательная и в лучшем — и в самом прямом, изначальном — смысле слова поучительная повесть Гранина, и я старался всем близким, интересным мне людям эти номера подсунуть, испытывая чуть ли не авторскую гордость. К тому же я знал, что Карпов, студент экономического факультета Ленинградского университета, занимается проблемой эффективности использования свободного времени, и думал, что система времени Любищева может ему пригодиться, скорее, конечно, как материал для исследования, чем как пример для подражания.

Тем, кому надо по жизни бежать, нестись, мчаться, размеренная, наполненная углубленным созерцанием и анализом, «кабинетная» жизнь мыслителя не может быть ни примером, ни путеводной звездой. Для шахматистов высшего класса — и спортсменов, и творцов одновременно — неприемлемо противопоставление времени-средства и времени-возможности творения. Биологические часы, заведенные от рождения, синхронизируют свой ход с пультом управления ускользающей и текучей субстанции времени — часами шахматными. Гончие времени не просто мчатся

по пятам — они кусают за пятки, а ты должен творить, борясь с противником (отпущенное тебе время — это средство, дающее возможность творить), охваченный страстным желанием превзойти, превозмочь, одолеть всех — и соперников, и гончих времени.

Тут не альтернатива: «бежать» или «жить». Бежать — это и значит жить. Жить стремительно, ускоренно, насыщенно, с опережением. О такой жизни сказано поэтом: «ты... их одним прыжком достиг».

Карпов — спринтер. Каспаров — прыгун.

Одним прыжком — конечно, гипербола, поэтическое преувеличение. Серия прыжков... Перемахивая через несколько ступенек. Вверх по лестнице, ведущей на самый верх. Толчок при таких прыжках столь силен, что его фиксируют все шахматные сейсмографы. Ощущение тектонической мощи и фатальной неизбежности победы над всеми соперниками.

«Тот, кому суждено стать чемпионом мира, — человек, идущий на таран. Он не думает о будущем, он ощущает зов судьбы и исполняет свой долг. Ему сопутствует удача».

«Тот, кому суждено стать чемпионом мира, тот им и становится. Я не знаю случайного чемпиона мира или человека, который бы случайно не стал чемпионом мира».

Первое высказывание принадлежит седьмому в истории чемпиону мира Василию Смыслову, второе — тринадцатому чемпиону Гарри Каспарову... Самому старшему по возрасту участнику последних претендентских отборов и самому юному в истории шахматному королю. (Между ними — сорок лет разницы.) И стар и млад, оказывается, фаталисты: «Тот, кому суждено стать чемпионом мира...»

Тот, кому суждено, очевидно, чувствует свое избранничество, свое предназначение. Это придает несокрушимость вере в себя, а талант, как мы выяснили, помимо всего прочего, вопрос веры.

Однако, припустившись за Каспаровым, мы забежали вперед, перемахнув сразу несколько лестничных пролетов...

В шесть научившись играть в шахматы, в девять, уже перворазрядником, Гарик выходит в финал чемпионата Баку по блицу. В десять отправляется в Вильнюс на Всесоюзные игры молодежи, где побивает старших по званию и возрасту, после чего приглашается в школу Ботвинника.

В двенадцать выигрывает Кубок Баку, опередив 127 шахматистов.

В тринадцать — кандидат в мастера становится чемпионом СССР среди юношей, в четырнадцать завоевывает это звание во второй раз.

В четырнадцать играет в первом своем взрослом турнире и выполняет мастерский норматив. В пятнадцать — рекорд всех наших первенств! — участник финала чемпионата СССР.

В шестнадцать — первый гроссмейстерский балл и бронзовая медаль чемпионата страны. По итогам 1979 года шахматные журналисты отвели ему пятую строку в мировой табели о рангах: Карпов, Таль, Корчной, Портиш, Каспаров.

В семнадцать — гроссмейстер, чемпион Европы среди взрослых (в командном зачете), чемпион мира среди юношей, чемпион Всемирной шахматной олимпиады. За все это полагаются золотые медали — он их и получает, присовокупив в 1980 году к спортивным еще одну золотую — школьную. В том же году поступает в Азербайджанский педагогический институт иностранных языков.

В восемнадцать устанавливает еще один рекорд — выигрывает звание чемпиона Советского Союза. На старте того же 1981 года в матче-турнире четырех сборных страны дважды встречается за доской с Карповым (обе встречи закончились вничью) и делит второе — четвертое места на московском «турнире звезд» со Смысловым и Полугаевским — вслед за Карповым.

В девятнадцать выходит на штурм Олимпа: побеждает в межзональном турнире, один за другим проходит «круги Дантова ада» — отборочные матчи, последовательно сокрушая Белявского, Корчного, Смыслова. Во время финального претендентского матча с Василием Васильевичем Смысловым ему исполняется двадцать один год. Дважды — в 1982-м и 1983 годах — ему присуждается «Оскар» как лучшему шахматисту мира. Его рейтинг выше, чем у самого чемпиона мира...

Идущего на таран приветствуют легионы новых поклонников. Напор и энергия его игры впечатляют не меньше, чем результаты. Победы кружат головы не только пылким болельщикам Каспарова. Знакомый бакинский кинорежиссер по секрету сообщает мне в день торжественного открытия матча, что все это дело надолго не затянется, Гарик настолько сильнее Карпова, настолько, что никто и представить себе не может, о чем якобы он и говорил ему, режиссеру, на съемках в Загульбе, курортном местечке на Каспии.

Мне, как представителю другого лагеря, заранее выражали соболезнование.

В Загульбе я не был, но, слава богу, не на первом матче за шахматную корону присутствую, случалось наблюдать всю борьбу и всю жизнь непосредственно из штаб-квартиры одного из противников, так что хо-

рошо знаю цену новостям из одного «лагеря», просочившимся в другой «лагерь»... Но Загульба Загульбой, а игра игрой, и похоже, по первым партиям, что Гарри Каспаров не вполне представлял себе, с фигурой какого масштаба впервые свела его судьба. Идущий на таран, похоже, не намерен был делать исключений для штурма очередной крепости и заниматься длительными осадными работами. Впрочем, мы опять забежали вперед.

Специалисты расходились в том, кому отдать предпочтение в начинающемся матче, хотя в общем и целом общественное шахматное мнение склонялось к тому, что с первой попытки крепость Карпова никакому тарану, даже каспаровской убойной мощи, не разрушить.

Однако кое-кому стало ясно, что гроссмейстер, который не в ближайшие десятилетия, а в ближайшие годы сможет победить Карпова, пожалуй, уже родился.

Спринт. Прыжки. «Что хочешь я сравню с чем хочешь...» Вольные упражнения литератора, не отвечающего за шахматную честь повествования. Между тем у шахматного матча на высшем уровне, надо полагать, была и шахматная подоплека.

Незадолго до матча Карпов — Каспаров ФИДЕ опубликовала очередной рейтинг-лист пяти тысяч шахматистов, представляющих более ста стран. Согласно его данным на 1 июля 1984 года наивысший «номинал» у Каспарова, почти такой же коэффициент у Карпова, а у идущего на третьем месте голландца Тиммана на шестьдесят пять—пятьдесят пять пунктов меньше, чем у лидеров. Весьма заметное преимущество. Так что участники предстоящего поединка

не просто ведущие гроссмейстеры, а действительно сильнейшие, объективно сильнейшие в мире шахматисты.

Конечно, не Эло единым жив шахматист, хотя Эло при всех своих несовершенствах отражает относительно объективно силу шахматиста. Математика сейчас на стороне претендента: его Эло выше на десять пунктов, чем у чемпиона. Есть у него и другие преимущества. Вся история матчей на первенство мира свидетельствует, что претенденту, успешно прошедшему отборочный цикл, всегда сопутствует психологический попутный ветер. Претендент, сыграв три отборочных матча, находится в пике своей спортивной формы. Чемпиону же труднее ее поддерживать: никакие турниры и другие соревнования не могут полностью заменить участие в матчах. С другой стороны, у чемпиона мира — не вообще у чемпиона, а у Анатолия Евгеньевича Карпова — по сравнению с претендентом — не вообще с претендентом, а с Гарри Кимовичем Каспаровым — есть большое преимущество в опыте. Карпов сыграл два безлимитных матча на первенство мира, Каспаров — ни одного.

Шахматы в безлимитных матчах — это совершенно другая игра, нежели шахматы в турнирах и даже претендентских матчах. Шахматист взращен на турнирной борьбе, в турнирах он обычно играет тринадцать—пятнадцать партий, его организм привыкает к такой нагрузке, а после восемнадцати—двадцати партий поведение за шахматной доской часто становится непредсказуемым. В претендентских матчах победителю надо набрать больше очков, чем его сопернику, в определенном количестве партий. Каждая ничья приближает выигравшего хотя бы одну партию к общей победе. В безлимитных же мат-

чах на первенство мира ничьи не учитываются, выигрывает тот, кто одержит шесть побед. Совсем другая игра. После Багио мне пришло в голову такое сравнение: проводить безлимитный матч после претендентских, где число партий ограничено, все равно что после квалификационного легкоатлетического турнира по прыжкам в высоту заставить вышедших в финал прыгать в длину или копьеметателей — метать молот...

В безлимитных матчах колоссальное значение приобретают такие факторы, как возраст и физическая подготовленность шахматиста. Если матч будет проходить в очень напряженной, упорной борьбе и затянется надолго, может сказаться то, что Гарри всего двадцать один год, что он прекрасно подготовлен физически, хотя Карпову всего тридцать три года, время расцвета шахматного таланта. Подчеркиваю — расцвета, а не максимума, не пика: убежден, что своего потолка в шахматах Анатолий Евгеньевич еще не достиг, мы еще не видели Карпова, действующего на все сто процентов своей мощности. Пока что для победы ему хватало процентов восемьдесят, но сейчас, очевидно, потребуются все сто.

Теперь о творческих характеристиках участников матча. На стороне Карпова — несокрушимая логика и здравый смысл, а на стороне Каспарова — совершенно неуемная фантазия за шахматной доской. У Карпова прекрасно развито чувство опасности, он больше, чем Каспаров, видит за партнера. В свою очередь, Каспаров больше видит за себя, чем чемпион. Поэтому в их поединке огромное значение будет иметь психологическая инициатива. Скажу так: если на доске возникнет позиция, где Карпов сумеет «давить» с обеспеченными тылами, то Гарри придется очень нелегко. Если же создастся позиция, где Кас-

паров сумеет штурмовать, не слишком заботясь об охранении, то очень нелегко придется уже Анатолию. Карпов прекрасно пользуется «огнетушителем», и мне кажется, что в предстоящем поединке он будет гасить огонь, а Каспарову ничего не останется, как подливать бензин из канистры, всячески разжигать пожар.

Рассуждать об этом матче можно бесконечно. Труднее всего — но, я понимаю, этого не избежать — дать прогноз относительно исхода. Шансы Карпова оцениваю в этом поединке чуть-чуть выше: 50,1 процента у чемпиона, 49,9 — у претендента. Но обязан предупредить, не раз ошибался в своих прогнозах...

Тимур Бекирзаде, мой знакомый бакинский режиссер, снял когда-то отличную ленту о гандболистках, точнее, на гандбольном материале о противоречивой сути спорта, о борьбе в нем и в душе им занимающегося человека духовного и животного начала, — мало кто осмеливался в нашем искусстве говорить об этом — разве что Юрий Власов в литературе да Элем и Герман Климовы в своем полуигровом, полудокументальном фильме «Спорт, спорт, спорт...».

Сейчас люди Тимура снимали фильм о тринадцатом чемпионе мира (они не сомневались в исходе матча) и записывали сразу после второй партии синхронное интервью со старейшиной журналистского корпуса гроссмейстером Мигелем Найдорфом.

«Мальчик, совсем мальчик... Бросается на чемпиона мира...»

Слово «мальчик» старый маэстро выговаривал вкусно, нежно, мягко. Сокрушался, журил, любовался. Забыл ли он свой недавний прогноз о гроссмей-

стере, который еще не родился? Или, наоборот, глядя на кавалерийские наскоки претендента, только утвердился в этом прогнозе?..

Вечером того же дня Тимур пригласил меня к себе в номер (аккредитованные на матче советские журналисты жили в гостинице «Россия») отметить по-походному свой день рождения, представил меня своим землякам, азербайджанским киношникам, телевизионщикам и газетчикам как автора сценариев двух фильмов о Карпове — и такой тут шум поднялся, такой тарарам!.. Что говорят, разобрать я не мог, поскольку не знаю азербайджанского языка, но Тимур на правах хозяина возвысил голос, прекратив шум-гам и сыр-бор. Что он говорил, я тоже не понимал, только одно разобрал, уже по-русски сказанное: «...ленинградец, принимал нас на фестивале спортивного кино в семьдесят девятом, мой старый товарищ и наш гость». Постепенно земляки Тимура успокоились, и кто-то сказал, показывая на меня и, должно быть, оправдывая меня в глазах земляков Каспарова: «Работа такая — выбирать героев не приходится». И снова все потонуло в шуме-гаме: славили Тимура и Гарика, Гарика и Тимура, а потом только Гарика.

Тем же вечером я уезжал в Ленинград и долго не мог уснуть, вспоминая, как смотрели на человека, чье имя было упомянуто в связи с именем Карпова, как говорили, испепеляя меня каждым взглядом, каждым словом. Хорошо еще, поеживался я под одеялом в купе «Стрелы», что на Востоке гость священен, что я был гостем Тимура, а то бы и ног не унести.

Это был первый звонок — сигнал борьбы нешуточной, эхо болельщицкой экзальтации, ажиотажа вокруг матча. И чем упорнее он становился, чем дольше затягивался, тем больше ожесточения и не-

примиримости вносили наиболее фанатичные поклонники и претендента, и чемпиона.

С недоумением и грустью, с болью и раздражением воспринимали истинные любители шахматного искусства все эти нездоровые страсти, когда в споре двух выдающихся шахматных талантов видят столкновение неких нешахматных сил, групп, неких «высших» интересов, когда непродуманными, недружественными высказываниями на разного рода публичных лекциях в адрес одной из соперничающих сторон разжигали темные настроения у болельщиков другой стороны, когда распространяли нелепые, но дурно пахнущие слухи и об одном и о другом гроссмейстере, когда игру спортивную, игру духовных сил, соперничество интеллектов и характеров превращали в игру групповых интересов, в конфронтацию совершенно нетворческого порядка.

На освещении матча в отечественной прессе, по радио и телевидению это в общем-то не отражалось, хотя коллеги из спортивной редакции Центрального телевидения жаловались, что соперники отводят то одну кандидатуру на роль постоянного комментатора партий матча, то другую, считая, что они недостаточно объективны... Но в конце концов и тут все образовалось, были определены устраивающие всех (то есть обоих участников и руководство ЦТ) кандидатуры, старающиеся давать предельно взвешенные, предельно объективные оценки, чтобы, упаси боже, их не заподозрили в односторонних симпатиях.

Я не хочу быть похожим на ретивых блюстителей порядка, одно время выводивших с трибун стадионов и дворцов спорта юных фанатов в экипировке своих любимых клубов, стоило красно-белым, или бело-голубым, или синим начать скандировать: «На свете нет еще пока команды лучше «Спартака», или «Дави,

«Зенитушко», дави!». Спорт без зрителей не существует, а какой же болельщик не любит быстрой, азартной, головокружительной игры, его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, — его ли душе, воспламененной битвой футбольных, хоккейных, шахматных гладиаторов, не любить ее и громогласно не оповещать всех о своей любви к прекрасному и яростному миру спорта! (Правда, если он сделает это на шахматном матче, загорится строгое табло «Соблюдайте тишину!» — что ж, каждая игра требует своей атмосферы, кто ж с этим спорит...) Я, повторяю, не против открытого, даже бурного — если темперамент позволяет — «боления» за своих, за своего. Но я против «боления против», уж простите неуклюжий каламбур. Будем шире, друзья, коллеги, товарищи и братья! Приветствуя «своего» — единственного, неповторимого, гениального, — не будем презрительно кривить губы и воротить нос от «нашего», у которого сдержанная обаятельная улыбка (у «ихнего» же рекламная, программная «смайл»), образ которого впечатан в сердца истинных любителей шахмат («имидж» «ихнего» — демократа и рубахи-парня — рассчитан только на легковерных слепых фанатов). Во-первых, он тоже единственный, неповторимый и, возможно, тоже гениальный: во-вторых, развенчивая его в своих и наших глазах, вы рубите сук, на котором сидите вместе со своим единственным, и заранее обесцениваете возможную победу вашего: невелика заслуга — обыграть голого короля, зато короля в мантии, при скипетре и короне низложить, по всем правилам свержения монархов в королевстве Каиссы, может только тот, кому судьбой предназначено, — первородный, королевских кровей... Или ваш не такой? Такой?! Тогда в чем же дело — зачем вы кричите, что король голый?

Мало того, что не очень красиво кричать об этом (устами младенцев глаголет не только истина, но и невежество), так ведь еще и неразумно, недальновидно...

Конечно же, сами гроссмейстеры-соискатели короны не несут ни правовой, ни моральной ответственности за действия своих болельщиков и даже за непродуманные высказывания близких им (не болельщикам, а гроссмейстерам) журналистов и шахматистов. В отличие от некоторых предыдущих матчей на первенство мира и поединков на ближних и дальних подступах к трону, когда противники пытались вывести друг друга из себя всеми доступными им способами (как шутили тогда в одном из пресс-центров, скоро в комментариях к партии придется писать «Тридцать четвертый ход белых — f4, на что черные отвечают двойным нельссоном и припечатывают партнера к столику»), Карпов и Каспаров держались корректно, не делая проблему из рукопожатия, и даже — о чем совсем забыли в матчах этого уровня — обменивались какими-то соображениями в течение нескольких минут непосредственно после партии. И все же подспудные околоматчевые нагнетания страстей в стане болельщиков обоих лагерей во многом отражали исключительную остроту соперничества на сценах Колонного зала Дома союзов, конференц-зала гостиницы «Спорт» и Концертного зала имени Чайковского. Остроту, непримиримость и ожесточение соперничества, что, в свою очередь, объяснялось не только индивидуальными особенностями партнеров (как остроумно написал об этом шахматный журналист и тренер Александр Рошаль, «нашла коса на... косу»), но и характером времени в конце столетия официально разыгрываемых шахматных матчей на первенство мира.

Собственно, соревновательный элемент всегда был присущ шахматной игре. Еще Ласкер, второй в истории чемпион мира, называл шахматы «интеллектуальным боксом»... Но думал ли кто в парижских кафе в прошлом веке, в лондонских и петербургских чинных сидениях за шахматными столиками, что интеллектуальный бокс станет столь многораундовым, многобарьерным, многохлопотным, многодоходным и очень-очень жестким занятием, в котором нечего рассчитывать на успех не только слабым духом, но и слабым физически, впечатлительным, не задубевшим кожей... Думал ли кто, как возрастет сила невидимых миру ударов и горечь невидимых миру слез?

С-III. Всегда завидовал Алехину. Не его комбинационному гению, не его чутью истинного художника. Его характеру — жесткому, беспощадному, сильному. Гроссмейстер Соломон Михайлович Флор как-то рассказал мне: Алехин признался ему, Флору, что получает большое удовольствие, додавливая, дожимая соперника. Мне этой жесткости всегда не хватало, я часто довольствовался тем, что получал лучшую позицию, даже стратегически выигранную, и в глубине души считал свою задачу выполненной, хотя понимал — мало перевести партнера в партер, надо припечатать его лопатками к ковру.

И тут начиналась маята; не скажу, что большая жалость к сопернику появлялась, но что-то похожее на сострадание — определенно; я как-то замирал, останавливался и выжидал, когда все это кончится, желательно без резких усилий с моей стороны. Тренеры поедом ели меня за это «размягчение мозга», как говорил один из них, грозно попыхивая казбечиной, и приводили мне в пример таких мастеров

добивания и дожимания, как Алехин и Таль. Может, потому я и не достиг их вершин, что не было в моем характере стальной арматуры, может, потому и не стал чемпионом мира?..

А может, прав мудрейший созерцатель и фаталист Базиль Базилевск (как кто-то из молодых гроссмейстеров называл в свое время Василия Васильевича Смыслова), полагающий, что чемпионом мира надо родиться и кому на роду написано, судьбой предназначено, тот им и становится. А кому-то ведь надо и писать о шахматах и играть в турнирах, пока приглашают, пусть и не отборочных, для этого ребята покрепче нужны, помоложе, покруче. Или люди с «особым фатумом», если опять же подзанять мудрости у Василия Васильевича. Сам он, на седьмом десятке сражающийся на ближних подступах к шахматному трону, да Михаил Нехемьевич Таль, отметивший свое пятидесятилетие и снова погружающийся в пучину отборочных страстей, безусловно, относятся к этой крайне немногочисленной категории шахматистов с «особым фатумом».

Случалось мне читать, будто именно шахматы, как идеальная модель конфликтной деятельности человека, всякого рода боя, проложили дорогу в большой спорт спортивно-психологическому максимализму с его неизбежными спутниками — ожесточением и непримиримостью борьбы «личности против личности». Вряд ли, однако, это утверждение справедливо. Большой спорт, ставший важным социальным феноменом нашего века, развил принцип состязательности, генетически присущий спорту, до абсолюта и потребовал от всех своих служителей предельного, максималистского самораскрытия, самопроявления как необходимейшего условия достижения успеха на этом, конфликтами насыщенном,

исключительно престижном, социально значимом поприще. Шахматы, будучи соревновательной деятельностью (хоть это и не исчерпывает всего их богатства), не могли не подчиниться общему закону современного спорта. Но делать их ответственными за то, что спорт как таковой стал более «железным», более агрессивным, жестким, неуступчивым, было бы, повторяю, несправедливо.

Шахматы всегда были «интеллектуальным боксом». Ну, если не всегда, то со времен Ласкера точно. Алехин пошел в этом направлении, пожалуй, еще дальше, чем Ласкер. Но у современного «интеллектуального бокса» и плотность боя (число ударов, наносимых в единицу времени), и убойная сила ударов, и система подготовки, и максимализм бойцов на «ринге» не просто возросли — они стали качественно иными, перешли в другое измерение.

Большие шахматисты всегда (опять это категорическое «всегда»!) — ну, не всегда, но от Ласкера до Карпова — любили бокс (кое-кто — скажем, Ефим Геллер, Василий Смыслов, Борис Спасский — даже включали в тренировки спарринги на ринге) и любили пользоваться сравнениями из бокса, поясняя сугубо шахматные обстоятельства. Так, Спасский, с которым я провел несколько тренировочных встреч (не на ринге, а за шахматным столиком) перед его матчем 1972 года с Робертом Фишером, говорил мне, что Бобби — «стеклянный парень» (на жаргоне американских профессиональных боксеров так называют бойца, который плохо держит удары, раскалывается, как стекло). Увы, Фишер оказался вовсе не «стеклянным парнем»...

Кстати сказать, с появлением Фишера боксерская терминология в шахматных реляциях стала навязчивой. Это объяснялось и тем, что Фишер требовал от

организаторов соревнований гонораров не меньше, чем получал самый знаменитый тогда боксер-тяжеловес Мохаммед Али (он же Кассиус Клей), и, конечно, тем, что профессиональный бокс очень популярен в Америке. Перед матчем в Рейкьявике американские шахматные обозреватели писали так, будто в столице Исландии должны были встретиться два боксера-тяжеловеса: «Фишер, окрыленный блестящими победами, обрел уверенность в себе. Он неизменно играет только на выигрыш, не так, как многие гроссмейстеры, — лишь бы не проиграть. Спасский иногда «сбавляет газ», Фишер же всегда «жмет на полную железку». Он стремится лишь к одному — стереть противника в порошок... Для шахматного мира его поединок со Спасским будет таким же значительным, каким для бокса была битва за мировое первенство между Мохаммедом Али и Джо Фрезером».

Утверждают, что новая эра шахмат как «интеллектуального бокса» началась, безусловно, с Роберта Фишера, американского гроссмейстера, многим хорошим в себе обязанным советской шахматной школе.

Я не решался бы утверждать так категорически о новой эре и Фишере. В конце концов кто я такой: особым шахматным фатумом не наделен, выполняю всего лишь роль посредника между двумя соавторами, с одной стороны, и соавторами и читателями — с другой, и если бы дело не происходило в Зазеркалье, я вообще бы не понадобился и не родился бы... Но уж коли я появился как бог из машины, как черт из табакерки, как джинн из бутылки, я обязан наиболее ответственные заявления делать от имени авторитетов или со ссылкой на оные... Если вы заметили, я так и стараюсь поступать. Вот и сейчас позволю себе прибегнуть к помощи человека, давно мне симпатично-

го, — фантазера, художника шахмат, вечно носящегося с любопытными, но практически трудно реализуемыми идеями шахматных реформ, философа-гуманиста, которому, как я давно понял, железное начало шахмат было всегда не по нутру... Я веду речь о гроссмейстере Давиде Ионовиче Бронштейне...

В 1987 году Бронштейна спросили: «Можно ли сказать, что современные шахматы начались с Фишера?» И он сказал: «Сначала надо ответить на вопрос, что такое современные шахматы. Если это жесткие шахматы с игрой «на результат», с желанием подавить противника, произвести впечатление тем, как вы входите на сцену, как отодвигаете стул, с массированным подъездом на машинах к залу... Если это такие шахматы, напоминающие боксерские поединки супертяжеловесов, с претензией на то, что работа гроссмейстера — это самое мощное проявление интеллекта, то, может быть, современные шахматы начались с Фишера. Этим тенденциям соответствуют и методы шахматной борьбы. Пошли в ход самые сильные, самые резкие дебютные варианты. Шахматисты перестали стремиться к разнообразию».

И Бронштейну, и многим другим экспертам очень нравится предельно экономный («ни одного лишнего хода») подход Фишера к шахматам, его бесконечная преданность шахматному искусству. Один из наших гроссмейстеров назвал Фишера «профбоссом шахматистов», ибо, требуя особо комфортных условий для игры в шахматы на высшем уровне (от хорошего освещения на сцене до очень хороших — чем гроссмейстеры хуже боксеров-профессионалов? — гонораров), американец помог своим коллегам вырасти в глазах окружающих, включая и различные западные фирмы, устраивающие соревнования, что сказалось и на улучшении материального положе-

ния профессиональных игроков, и на упрочении их общественного статуса.

У Фишера в истории шахмат особое место; правда, тот же Бронштейн не решается назвать его самым крупным шахматистом современности. Но на том, что с Фишера начались современные шахматы, настаивает. Силовые шахматы, резкие, предельно жесткие. Помните: «Он стремится лишь к одному — стереть противника в порошок»?

В своей (она написана в соавторстве с философом Г. Смоляном) очень субъективной и, может быть, поэтому очень интересной книге о современных шахматах «Прекрасный и яростный мир» Д. Бронштейн показал на конкретных примерах, как противник стирается в порошок: «По мнению М. Таля (его наблюдения не только интересны, но и верны), поведение Фишера в матче 1972 года было продумано и спланировано психологом высшей квалификации, хотя и было на редкость рискованным. После неявки Фишера на вторую партию Спасский должен был «сидеть и думать, какой же на самом деле счет в матче». Здесь, в эпизоде со второй партией, видимо, была, так сказать, доведена до кондиции атмосфера психологического давления, рассчитанная и на сугубо индивидуальные черты характера Спасского, которому трудно играть с противником, неприятным ему (наблюдение А. Самойлова). Это — сознательные приемы выведения противника из душевного равновесия, причем более сильные, чем те, что можно найти в старых книгах Дамиана или Лопеса: «солнце пусть светит в глаза партнеру», «если игра при свечах, то свеча пусть горит по правую руку от партнера» и тому подобное. Ныне на весы кладутся все личностные факторы, которые как-либо удается понять. К тому же для расшатывания нервной системы у ны-

нешних бойцов есть немало нешахматных импульсов. Слишком уж динамична среда, интенсивно и не всегда упорядоченно воздействующая на характер, настроение и психологическое состояние человека».

Авторы субъективных заметок о современных шахматах для описания конфликта личностей в этой игре вводят понятие «рефлексивного управления противником», под которым понимается попытка имитировать мысль, решения партнера и заставить его действовать определенным, естественно, выгодным для себя образом. Они анализируют различные актерские приемы шахматистов, которые, придавая своему лицу выражения бесспорной уверенности в победе или, наоборот, своим унылым видом демонстрируя обреченность, передают противнику определенную информацию, заставляя его нервничать, чувствовать, что он слабее, или, напротив, порождать в нем необоснованный оптимизм. Тут используются различные трюки; притчей во языцех стал эпизод с термосом, который Ботвинник, вопреки обыкновению, не взял с собой на доигрывание одной из партий матча с Талем, чтобы внушить сопернику, что исход партии предрешен и доигрывание закончится быстро. Трюки и актерские ухищрения, думается, не составляют основное содержание рефлексивного управления, поскольку информация в шахматной игре передается прежде всего посредством чисто шахматных средств. Эти внутришахматные приемы — тут я согласен с философом-шахматистом и шахматистом-философом — являются естественным оружием борьбы. «Приемы же поведенческого содержания, воздействующие на психическую сферу, основанные на обмане и лжи, по нашему мнению, безнравственны и опасны... — пишут Д. Бронштейн и Г. Смолян. —

Нельзя забывать о том, как велик нравственный урок честной борьбы. Воспитывая в детях любовь к прекрасному и уважение к партнеру (не противнику!), стойкость духа и умение переносить неудачи, самокритичность и душевную щедрость, мы должны сосредоточить все внимание именно на этих психологических качествах, качествах достойного человека. Шахматы не должны становиться чем-то вроде жизненного экзамена, сдать который необходимо во что бы то ни стало. Играйте на здоровье, на радость себе, учителям, родителям и будьте честны и благородны в этой игре и в этой борьбе».

Почти через десять лет в эссе «Бесконечный, яростный, прекрасный...», опубликованном в журнале «64», Д. Бронштейн словно продолжает ту свою книгу, и хотя некоторые мои коллеги называют его взгляды очень несовременными, прекраснодушными и, как обычно, очень субъективными, все-таки послушайте нашего шахматного мудреца с молоточком, родного брата чеховского человека с молоточком, подающего знак о том, что не все в жизни идет как надо, не все устроено по-человечески.

«Когда мы начинаем играть в шахматы, нас привлекает их красота, неисчерпаемость, возможность проявления в них человеческих способностей. Мы читаем шахматную литературу и восхищаемся комбинациями, идеями, находками. Но, к сожалению, потом, когда мы получаем признание в своем кругу, забываем все это и начинаем играть «на результат». Сегодня сильный шахматист словно стесняется красивых ходов, острой игры, разговоров о комбинациях, о своих ошибках. А, на мой взгляд, ошибка — едва ли не самое интересное в шахматах. Всегда интересно исследовать ее природу. Что еще потеряли шахматы сегодня? **Считаю, что они потеряли частицу**

доброты. Они стали жесткими. В погоне за разрядами, рейтингами мы забываем что-то очень важное».

Всей душой я сочувствую Давиду Ионовичу, скорблю вместе с ним об утечке красоты и доброты из нашей игры, а вернее, из наших душ, ибо игра не несет никакой ответственности за наши деяния, а мы несем, и каковы мы, каково время («время — кожа, а не платье, глубока его печать»), таковы и игры наши, и спорт, и искусство, и любой другой продукт нашего сознания и воображения. Хорошо, что молоточек нашего шахматного мудреца не бездействует, напоминать человеку о чем-то «очень важном» жизненно необходимо. Но время нужно не только судить, но и понять, и если уж не смириться с неизбежностью, то принять неизбежное именно как неизбежное, как закономерное, как объективно существующее, как не могущее существовать по-другому, в иных формах. Распространившись по всему миру, став занятием высокопрестижным, шахматы вовлекли в сферу своего влияния тысячи и тысячи одареннейших молодых людей. И поскольку все это происходило и происходит на волнах научно-технической революции с ее неизбежными информационными взрывами, развитие шахмат, по мнению многих специалистов (сошлюсь хотя бы на одного из лидеров «новой волны» Артура Юсупова), пошло в направлении накопления знаний, что придало перстам играющих послушную беглость, а игре — известную сухость... Что касается жесткости, как же ей было не появиться в этих условиях, когда так сильно повысились ставки в игре, когда стало неизмеримо больше великолепно, по всем правилам науки подготовленных претендентов (научиться состязаться в накоплении знаний проще и быстрее, чем проникать в суть игры и искать вечно ускользающую шахматную исти-

ну). В пору было давать объявления: «Для борьбы за шахматный трон срочно требуется человек из железа». Но время обходится без объявлений: кто требуется, тот и приходит. Свято место пусто не бывает.

Фишера, как известно, сменил на троне Карпов. Он никогда не говорил, что стремился лишь к одному — стереть противника в порошок. Уроженец Златоуста, воспитанник шахматной секции Дворца пионеров получил иное воспитание, чем уроженец Чикаго, завсегдатай шахматных клубов Бруклина и Манхэттэна. Он никому не угрожал, но всегда во всем стремился быть первым. Только первым. Заниматься шахматами и не стараться быть первым представлялось ему абсолютно несерьезным делом. Он никого не запугивал, не стремился закончить поединок, как Фишер, непременно нокаутом, но с неумолимой методичностью набирал очки в каждом бою. Я наблюдал за ним с первых его шагов в шахматах и видел: у него не будет проблем с дожиманием противника — в этом отношении ему не надо завидовать ни Алехину, ни Талю, как завидовал я...

И все-таки, как бы ни объясняли знатоки (и наш «сам-третей» в их числе) особый накал и ожесточение борьбы в дуэли Карпов — Каспаров и Каспаров — Карпов фишеровским и постфишеровским железным шахматным временем, не летели бы искры снопом, если бы, повторим, коса нашла на камень, а не на косу... В том-то и дело, что не лед и пламень поджидали друг друга в красном и синем углах ринга, а пламень и — пламень.

Еще вчера, накануне первого их матча, это утверждение показалось бы парадоксом. Тогда все пишущие наперебой подчеркивали разительную непохо-

жесть двух главных действующих лиц современной шахматной истории, полярную противоположность их шахматного стиля, их характеров и темпераментов. Сейчас, после трех матчей, можно встретить взгляд не просто иной, а диаметрально противоположный: «...они удивительно близки по складу мышления и характера, разве что по темпераменту стоят на разных полюсах: один — холерик, другой — флегматик; но ведь во всем остальном они почти близнецы».

Концепция эта обнародована Игорем Акимовым в первом номере журнала «Студенческий меридиан» за 1987 год, но поскольку я двумя годами раньше писал об их большой схожести (правда, назвать их близнецами все же не решился) в газетах, выступал со своими впечатлениями о Каспарове и Карпове по радио за полгода до матча-реванша, не вижу оснований для того, чтобы не напомнить об этом. Вот что я писал и говорил тогда:

«Стало уже общим местом, расхожим мнением, что два главных действующих лица современных шахмат во всем разительно непохожи друг на друга, что они чуть ли не полярно противоположны и по шахматному стилю, и по характеру, и по своеобразию психологического облика.

На мой взгляд, взгляд человека, много лет наблюдающего с близкой дистанции за борьбой сильнейших шахматного мира сего, современные Плутархи, задавшиеся целью создать сравнительное жизнеописание двух сильнейших шахматистов последних десятилетий XX века, чересчур увлеклись подчеркиванием их абсолютной несхожести, разительной непохожести. Везде и всюду только и слышишь и читаешь: суровый, замкнутый — и пылкий, открытый, человек взвешенных акций — и импульсивный, эмоциональный юно-

ша, северянин — и южанин, рационалист — и романтик, здравый смысл, торжество логики — и необузданная фантазия...

Как это часто бывает, факты и наблюдения в сравнительных жизнеописаниях подгоняются под выдвинутую концепцию. Многое в этом противопоставлении надумано, сама концепция «льда и пламени» чересчур проста и далека от сложной и противоречивой жизни.

Да, Карпов и Каспаров различны меж собой по характеру, натуре,. складу дарования. Но так ли уж полярно они различны? И во всем ли различны?..

Я не случайно вспомнил Плутарха: оба — и чемпион и экс-чемпион — любят книги по истории, в круге их чтения Плутарх, Цицерон, Кропоткин, Ключевский, Тарле... У обоих с детства сохранилась трогательная привязанность к географии. Клара Шагеновна Каспарова припомнила в беседе с корреспондентом журнала «Аврора», что ее Гарику шел всего пятый год, когда он уже показывал гостям дома на большом глобусе путь Магеллана. Толя Карпов бредил путешествиями еще до школы, любимое чтение его детских лет — книги о Колумбе, Пржевальском, Амундсене. И поэт любимый у них с детства один и тот же — Лермонтов. То, что Каспаров взращен на Лермонтове, представляется сейчас всем совершенно очевидным: «А он, мятежный, просит бури...» Но какое отношение имеет лермонтовская строка, само лермонтовское мироощущение, мирочувствование к уравновешенному, сдержанному, рациональному Карпову? Смею заверить, Карпов чувствует упоение боя не менее остро, чем его внешне более темпераментный партнер. Скажу больше: оба они наделены душой страстной, оба азартны, даже импульсивны.

В свое время, еще в юношеские годы Карпова, его тренеры немало поломали голову над тем, как помочь одареннейшему школьнику избавиться от свойственной ему порывистости, находящейся в близком родстве с исключительным быстродействием его ума. Ему даже советовали перед тем, как сделать ответственный ход, опустить руки под сиденье стула, еще раз внимательно посмотреть позицию, потом, не спеша, вынуть руки и только тогда взяться за фигуру... И динамичного, стремительного Каспарова до сих пор подводит иногда все та же импульсивность...

И еще одно, что сближает, роднит обоих супергроссмейстеров. Это их исключительная спортивность, неуступчивость характера, абсолютная неспособность смириться с поражением».

Рожденный первым — вторым не может. Непомерным честолюбием здесь и не пахнет. Непомерным — значит не по мере. Но у каждого своя мера. Таланта. Притязаний. Удовлетворения притязаний. Что делать этим двум п е р в а ч а м, встретившимся на беговой дорожке жизни? (Помните у Высоцкого: «На дистанции четверка первачей, каждый думает, что он побойчей...») Равным по уровню притязаний, сопоставимым по масштабу дарования, но истово верящим — и в вере этой тоже равным! — в свое превосходство как мастеров игры, как искателей истины в шахматном искусстве?

Один — рожден первым. И другой — рожден первым. Один — судьбой предназначен в первые по своей части. И другой отмечен точно так же и по той же части. Таран против тарана. Спринтер против прыгуна. Фантазия против логики. «Выходи на битву, старый рок!»

Железное начало в обоих присутствует. И деловое начало тоже. Время, вспомним опять поэта, кожа,

а не платье. Но под кожей у каждого — свое. Свое вместилище чувств, свое хранилище гармонии. Как хранители гармонии, как земные творцы, кому «угль, пылающий огнем», водвинут в отверстую грудь, они совершенно разные. Не Моцарт и Сальери, не творец божественной гармонии, что «вечно вне школ и систем» и призванный остановить вольнодумца и вероотступника страж незыблемых канонов. В шахматном Зазеркалье Моцарту противостоит Моцарт, обязанный, вынужденный взять на себя функции Сальери и остановить носителя иной гармонии, возмутителя спокойствия в подлунном мире поэтов, музыкантов и гроссмейстеров. Шахматный Моцарт, однако, и в роли Сальери не опускается до его методов и прибивает равного на залитой светом сцене, действуя строго по правилам ФИДЕ, и «прибитый» уходит со сцены на своих двоих, и звучит не торжественно-скорбный Реквием, а бравурный туш — и шахматный президент надевает на шею шахматного короля лавровый венок...

Моцарт побежденный остается в живых, но это не значит, что ему не больно. О, еще как больно, невыносимо тошно! Скольких сломала та ярко освещенная сцена и удары оказавшегося посильнее Моцарта! Но двое наших героев уходят, чтобы вернуться. Равные и разные, равные и одинаковые. Рожденные первыми, но первым, с тех пор как пересеклись их дорожки, может быть только один из них. Только один.

А вы спрашиваете (один из самых распространенных вопросов на встречах с любителями шахмат): почему они так яростно неуступчивы?..

Я знаю, почему так спрашивают. Потому что подозревают какие-то дополнительные источники сверхнапряжения, сверхнакала борьбы на шестидесяти четырех клетках, так называемые «личные мотивы».

Объясняя своему собеседнику писателю Игорю Акимову, почему после проигрыша в семнадцатой партии матча-реванша чемпион мира в следующем поединке ни в коем случае не будет стремиться к ничьей, Анатолий Карпов говорит:

— К счастью — к счастью и для меня, и для шахмат, — вот это пока не грозит. В завтрашней партии не грозит точно. Потому что у него есть личные мотивы. Понимаешь? Личны-е. Потому что ему просто позарез нужно отыграть потерянное вчера очко.

Через какое-то время (разговор ведется накануне восемнадцатой партии) Акимов напоминает Карпову, что он хотел что-то еще сказать о личных мотивах, и экс-чемпион мира охотно развивает тему:

— Ну, это же так очевидно... Одно дело — трезвый расчет, реальное соотношение сил, и совсем другое — сокровенное... Мечта, от которой сжимается сердце... Конечно же, он мечтал не просто выиграть матч — он мечтал разгромить меня. Мечтал доказать, что он выше меня на голову. Что его игра на порядок выше моей. И когда счет стал расти в его пользу, он увидел, что эта мечта наконец-то сбывается. Не сомневаюсь, он уже жил этим триумфом, подтверждавшим выданные ему векселя... Вспомни: после двух матчей счет результативных партий был равным. Он стал чемпионом, не доказав своего превосходства надо мной. Формально он победил, но не убедил никого, кроме своих слепых поклонников. А тут вдруг такой шанс — три очка разрыва! Это ли не доказательство превосходства?.. Вот увидишь, он постарается, чтобы его копилка осталась полной, постарается восстановить разрыв в три очка. Ведь если завтра белыми он меня прибьет, у него будет пять побед и до триумфа — всего один шаг. Только один! Представляешь, какие откроются перед ним перспективы? Первое: закон-

чить матч досрочно; второе: выиграть не просто по очкам, а доведя число побед до заветных шести. Фантастика!

Итак, личные мотивы, точнее — личны-е: не просто победить, а разгромить, доказать, что выше — на голову, что игра — на порядок выше...

Нетрудно заметить, что это не совсем личны-е мотивы — стремление разгромить (фишеровское «стереть в порошок») может отражать лишь общий боевой настрой, максимализм не признающего компромиссов бойца и не думающего вносить что-то «нестерпимо личное» (антипатию, неприязнь, ненависть, отвращение, месть — гамма негативных чувств весьма разнообразна) в борьбу двух интеллектов и характеров, в творчество... Личное, тем более с оттяжкой, пропедалированное, акцентированное — лично-е — нечто другое, может быть, куда более мелкое и непринципиальное, чем желание доказать свое титаническое игровое превосходство, но зато более острое и обидное, задевающее, скажем, чувство личного достоинства.

К этому еще придется вернуться, а сейчас, коли уж зашла речь о заветных шести победах, играющих в единоборстве Карпова и Каспарова (Каспарова и Карпова) ту же мистическую роль, что три карты в пушкинской «Пиковой даме», поговорим об этих самых шести заветных. Правда, не совсем этих (Карпов имеет в виду матч-реванш, а я — матч, начавшийся в 1984-м и не кончившийся в 1985-м), но все же — шести, к тому же гораздо более заветных: реванш игрался на большинство из двадцати четырех партий, но при шести победах того или иного партнера прерывался, а в безлимитном матче только шесть побед (не дополнительное, а главное и единственное условие) делали одного из соперников победителем.

Забив в девяти партиях безлимитного матча четыре гола, не пропустив в свои ворота ни одного, Карпов получил редчайшую для поединков высшего уровня возможность выиграть «всухую». Естественно, обозреватели не преминули заметить, что, очевидно, Карпов продолжал вести заочное соперничество с Фишером, одиннадцатым чемпионом, ушедшим непобежденным, с которым его, чемпиона двенадцатого, вольно или невольно сравнивали. Разгромив главного претендента в главном матче со счетом 6:0, Карпов в глазах всех подданных шахматного королевства стал бы выше самого Фишера, добивавшегося такого результата хотя и дважды, но всего-навсего в сравнительно коротких претендентских матчах. Да и по рейтингу тогда он мог бы обойти баснословно высокий уровень Фишера.

Что ж, эта версия — встречаясь с одним, играть и с другим — имеет право на существование, как и всякая другая, построенная на чисто логических основаниях. Но формальная логика редко торжествует в тех случаях, когда личность противостоит личности: у Делибаша и казака, даже управляющих шахматными конями, свои мотивы, свои резоны, свой пафос. Бороться с тенями прошлого, пусть великими тенями, чтобы изжить до конца неизжитый комплекс непобежденного Фишера, чтобы превзойти его, объявленного «чемпионом чемпионов», могло бы стать идефикс для человека мятущегося, не уверенного в своих силах и правах, раздираемого противоречиями, зависимым от суда людского больше, чем от собственного. Но Карпов-то совсем не такой. Невольное, навязанное ему извне соперничество с Фишером было для него дополнительным стимулом, допингом в игре год-два, не больше. Доказав себе и всем (только в такой — карповской — последовательности),

что он чемпион настоящий, а не «изготовленный руками», Карпов, на мой взгляд, больше к этой проблеме не возвращался. Она продолжала волновать воображение пылких любителей шахмат и некоторых литераторов, но совсем уже не заботила Карпова. Его рационализм вовсе не сводим к прагматизму, как думают иные романтики, возвышенный ум которых коробит всякое упоминание о пользе. Он не максималист во всех своих проявлениях и притязаниях, этот человек, рожденный быть первым. Максималистские цели он ставит только в главном деле жизни, при этом стремясь не выкладываться на всю катушку, как делал бы максималист-абсолютист, максималист во всем, а выбирая оптимальные решения, действуя в высшей степени экономно, разумно, осмотрительно. Воображение такого человека смущают не грозные тени прошлого, не химеры абстрактного долга, не бесы тщеславия. Он живет не прошлым, а настоящим и будущим. Пусть с Фишером — в дневных снах — доигрывают игравшие с ним, мечтающие о реванше. Ему играть — с Каспаровым, играть и играть, ибо сей юноша обещает в самом недалеком будущем вырасти в грозную силу, хотя и играет пока слишком резко, опрометчиво, лезет на рожон, за что и наказан поделом... 4:0... Это — почти катастрофа. Катастрофой, крушением, крахом будет 6:0... Страшно даже представить, что произойдет с впечатлительным, пылким, сверхэмоциональным Каспаровым, если в таблице выстроится частокол из шести единиц...

Как минимум, говорили хорошо знавшие претендента люди, Гарик бросит играть в шахматы. Другие не представляли, как он вообще переживет это унижение.

Не о Фишере — о Каспарове думал Карпов (это моя версия), о будущем думал, когда позволил втя-

нуть себя в окопную войну, когда согласился покачиваться на легкой ничейной зыби, когда убрал все паруса, вместо того, чтобы поднять их, вместо того, чтобы, рискуя самому, рискуя получить одну-две пробоины, довести матч до победного исхода... Риска проиграть весь матч при активных действиях — при счете 4:0 — у Карпова практически не было. Но возможно, был риск лишиться сухого счета. Вот этого-то, полагаю, больше всего и боялся Карпов. Спустя два года после тех событий он заговорил о том, что Каспаров в матче-реванше хотел не просто победить — разгромить его, доказать, что выше его на голову. У меня же — еще два года назад — создалось впечатление, что Карпов стремится не просто разгромить Каспарова, а потрясти его до основания, сокрушить, избавиться хотя бы на какое-то — лучше на длительное — время от наиболее опасного, может быть, единственного реально опасного в тот период конкурента, поставив перед ним непреодолимое психологическое препятствие — забор из шести кольев. Попытаться сделать это можно было только победой с сухим счетом... Три карты, три карты... Шесть побед, шесть побед... Счет, как известно, стал 5:0, и дважды какие-то мгновения отделяли чемпиона от исполнения его сокровенного желания.

Не буду гадать, что произошло бы, если бы матч окончился 6:0... Но этого не произошло. Случай? Может быть. Рок? Если вы верите в особый шахматный фатум, можно предположить и такой расклад. А может, дело в том, что судьба — случай, удача, не знаю, как точнее назвать верховного распорядителя игры,— отворачивается от того, кто или в упоении боя, или с холодным расчетом переходит границы допустимой (сердцем, душой, человеческим в человеке допустимой) жесткости, безжалостности и мечтает —

и делает все для воплощения сокровенного — не победить, а разгромить, сокрушить, избавиться от конкурента...

Помните эпиграф к «Анне Карениной»? «Мне отмщение, и азъ воздам».

Нельзя безнаказанно переходить границы справедливости, черту милосердия...

И все-таки как быть с мотивами личными?

Личны-е мотивы, как то: оскорбленное самолюбие, уязвленная гордость, непрощенная обида... «Игра? Борьба? Обида мировая за тесным столиком?..» — как сказано в стихотворении Александра Кушнера, посвященном матчу Карпов — Каспаров.

Чем была вызвана обида? Если бы знать... Да и надо ли знать? Что прибавит нам это знание? Что ничто человеческое даже самым талантливым людям не чуждо? Разве мы не знаем этого?

Ох, уж эти личны-е мотивы... Всегда хочется, чтобы люди, высокоодаренные, прославленные, авторитетные в своем деле, не теряли лица: не принципиальничали по мелочам, не дулись друг на друга, как индюки, не вносили нестерпимо личный привкус в дело выяснения истины. Но совсем исключить личное из борьбы личностей никому и никогда не удается. Да и не надо исключать: живые фигуры, живые люди, страстные, обидчивые, со своими амбициями, со своими представлениями о предельно допустимых концентрациях вредных — зловредных! — веществ в атмосфере соперничества. Не исключать личное, а стараться по мере сил облагораживать его — и на уровне поступков, и на уровне чувств, и на уровне побуждений.

Так что же за кошка пробежала между ними незадолго до матча. Или кошка ни при чем? Как будто

сильнее кошки зверя нет... Может, дело не в кошке, а в медведях. Как ни просторна берлога, но не ужиться в ней двум медведям; и начинается борьба — игра — обида мировая, долгая, затяжная, бесконечная; и чем изнурительнее борьба, чем насыщеннее игра, чем острее обида, тем отчетливее видят застланные злыми слезами обиды глаза в обычных действиях противной стороны акции, а в ее нормальных замыслах, планах и мечтах — происки...

Часто, очень часто ожесточается человеческая душа в высокотемпературном пламени спортивного сражения, и чем яростнее было оно, чем жарче, тем сильнее обида повелевает разумом, тем дольше не приходит мир во взбаламученные души соперников, продолжающих сражаться друг с другом и после того, как битва, за которой следил весь спортивный мир, уже отполыхала, догорела...

Первым в большом спорте нельзя стать без готовности все отдать для победы. Подлинные спортсмены, по утверждению работающих с ними психологов, стартуя, всегда идут в бой. В отличие от войны из боя спортивного люди возвращаются... чуть было не написал по инерции: живыми и невредимыми. Живыми — безусловно, но вот невредимыми... Речь не только о физических травмах разной степени сложности — ушибах, вывихах, переломах, но прежде всего о психологических перегрузках, о психических перенапряжениях, о воздействии на характер, на склад личности, на душу.

Вот какие наблюдения записал в свой дневник спортивный психолог Рудольф Загайнов, помогавший готовиться к матчу на первенство мира по шахматам шестнадцатилетней Майе Чибурданидзе:

«Немного печально, но факт, что у наивной девочки уже проявляются признаки формирования бойцов-

ского характера, и в ее улыбке иногда видится жесткость. То есть гибрид — улыбка губами и суженные глаза... Приобретая жесткость, Майя может потерять в своих человеческих качествах. Вероятно, необходимо найти золотую середину — воспитать бойца с хорошими человеческими качествами. Но это очень трудно».

Майя Чибурданидзе и двое главных действующих лиц нашей истории стали чемпионами мира по шахматам. Этим все трое похожи друг на друга. Что же касается жесткости характера, тут мужчины-чемпионы оставили шахматную королеву далеко позади. И если обычно шахматистки с обидой воспринимают отношение мужчин-гроссмейстеров к женским шахматам как к чему-то не вполне серьезному (утверждение это столь же распространенное, сколь и бездоказательное), то, думаю, с признанием явного превосходства по части жесткости и неуступчивости двух сильнейших шахматистов конца XX века над лучшими шахматистками женщины согласятся с легким сердцем...

Вряд ли оба они — и Карпов, и Каспаров, — сходясь в поединке в первый раз, думали, сколь тверда порода, которую они берутся бурить, сколь великого напряжения сил требует это бурение.

Мы не знаем, каких жертв потребует от нас бой. Даже тот, из которого возвращаются живыми. Знали бы, сто раз взвесили бы всё, прежде чем ввязаться в него. Впрочем, чемпионы, рожденные чемпионами, колебаний подобного рода не испытывают. Хотя как знать...

Я отрываюсь от своей «Каиссы» и придвигаю к себе красную папку с другой рукописью, которую мне предстоит отредактировать и сдать в издательство. Это вторая часть автобиографической книги олим-

пийского чемпиона по тяжелой атлетике писателя Юрия Власова «Справедливость силы». Перечитываю несколько страниц и нахожу то место, которое искал: «Я уже усвоил: жесткая борьба не всякому по плечу, даже очень не всякому. И я уже знаю, что такое предельное натяжение воли и мышц в схватке равных по силе. Тут вместо души — камень, гвоздями дышишь...»

И еще, еще где-то, помнится, Власов не побоялся признаться в том, что на соревнованиях его всегда охватывала неприязнь к сопернику, к конкуренту. Не с каждым атлетом такое бывает. И уж подавно не каждый признается в этом. Вот оно, это признание: «Чувство зла. Носить его невыносимо. Я не могу взять в толк не само чувство ненависти — оно может быть. Но природу постоянного зла, устройство этого чувства я не в состоянии понять. Обиды. Они оставались, но это другие, от несправедливостей. Да, на соревнованиях меня охватывала неприязнь. Это от неприятия соперника. Это в природе борьбы. И уже после третьего и последнего подхода в толчковом упражнении — им заканчивается соревнование, я оказывался пуст для этого чувства».

Избавиться от неприязни к сопернику после завершения соперничества — значит сохранить себя для жизни, спасти свою душу.

Об этом, к сожалению, мы вспоминаем куда реже, чем о воспитании бойцовских качеств.

О шахматных перипетиях безлимитного матча года восемьдесят четвертого, благополучно перевалившего в год восемьдесят пятый, о новом московском матче с ограниченным числом партий я ничего не сообщаю. Во-первых, потому, что об этом уже много написано в самых различных изданиях самыми разными авторами — от чемпиона мира до чемпионов

отдельных домов творчества, а во-вторых, потому, что у меня есть соавтор, которому есть что сказать по этому поводу.

---

9 ноября 1985 года, когда игралась двадцать четвертая партия матча Карпов — Каспаров, ко мне домой пришли друзья отметить день рождения. Естественно, был установлен «телемост» Москва — Рига, телефон работал исправно, так что мы были в курсе разворачивающихся на сцене зала Чайковского событий. Когда они начали, разыграв сицилианку, Володя Багиров, земляк Гарика, воскликнул: «Балда, что он делает, надо было играть проще!» Прилетев на следующее утро в Москву, я узнал, что тренеры Каспарова предлагали ему в решающей партии играть Каро-Канн (все в штабе претендента были уверены, что чемпион начнет партию ходом королевской пешки), но Гарик ответил, что будет играть просто в шахматы, примет вызов и докажет в игре, что он сильнее.* (К последней, двадцать четвертой, партии Г. Каспаров опережал А. Карпова на одно очко; по условиям матча, претендент, чтобы стать чемпионом, обязан был выиграть его, в то время как чемпиону для сохранения звания можно было свести матч вничью; понятно, что Каспарова в последней партии устраивала и ничья, в то время как Карпову нужна была только победа. — *А. С.)*

Агата Кристи вкупе с Жоржем Сименоном могли бы позавидовать авторам двухтомного (первый том — безразмерно-безлимитный, второй объемом в двадцать четыре печатных листа) шахматного детектива, за-

---

* Владимир Багиров — международный гроссмейстер, уроженец Баку, в последние годы живет в Риге, на турнире претендентов в Монпелье был тренером-секундантом М. Таля.

крутившим интригу предельно, невероятно: тайну предстояло узнать в самый последний момент, на последней странице, — тайну, разгадать которую все пытались больше года и в ноябре 1985 года приблизились к ее разгадке не больше, чем в сентябре 1984 года.

В первый раз они начинали 10 сентября 1984 года в Колонном зале Дома союзов. Во второй раз — 2 сентября 1985 года в Концертном зале Чайковского. Прежде чем я начну облет полей былых сражений, давайте решим, стоит ли говорить об одном матче с двумя началами или о двух разных матчах, не имеющих между собой ничего общего, за исключением их участников.

Мне решать?.. Ну, я-то для себя давно эту проблему решил. По-моему, вести разговор о двух матчах как о дилогии из двух романов неправомочно. Так же неправомочно было бы рассматривать «Двенадцать стульев» и «Золотого теленка» как единое двухчастное произведение. Оба эти шахматных события нельзя объединять хотя бы потому, что, когда наши герои завершали первый матч, они понятия не имели, как сложится второй, иначе говоря, просто не знали, воскреснет ли Бендер.

*Стараниями Флоренсио Кампоманеса Остап-Мария-Сулейман Бендер был воскрешен, и наши герои получили возможность общаться друг с другом еще два месяца. Решение о «воскрешении Бендера»**

---

* Президент Международной шахматной федерации ФИДЕ Ф. Кампоманес принял беспрецедентное в истории 99-летней борьбы за шахматную корону решение — прервал матч на звание чемпиона мира, продолжавшийся более пяти месяцев. Матч был прерван после сорок восьмой партии. По словам президента, прерывая затянувшееся соревнование, он руководствовался исключительно гуманными соображениями, исходил из интересов сохранения здоровья участников.

было воспринято и Карповым и Каспаровым с явным, нескрываемым неудовольствием. Они протестовали, требовали продолжения поединка, но Кампоманес был непреклонен. Поскольку свое решение о прекращении матча и аннулировании его результата Кампоманес, воспользовавшись неограниченными полномочиями, полученными на конгрессе ФИДЕ в 1983 году у себя на родине — на Филиппинах, принял сразу после того, как претендент одержал две победы подряд, некоторые эксперты поспешили объявить, что оно на руку чемпиону мира. Я же тогда сказал, что беспрецедентное решение президента пойдет на пользу Каспарову.

Тогда так считали немногие. Помнится, Марк Евгеньевич Тайманов тоже был убежден, что при всей компромиссности этого решения оно в конечном счете — в пользу Каспарова. Правда, сам Гарик тогда утверждал, что ему не дали выиграть, но, опять же сошлюсь на Тайманова, заметившего, что это предположение из области личных ощущений Каспарова. Кто выиграл бы тот матч, не вмешайся Кампоманес? Тот же Тайманов, к примеру, считал, что со счетом 6:4 или 6:5 его выиграл бы Карпов, но это уже из области личных ощущений Марка Евгеньевича... Считать себя обойденным, обиженным вправе и тот, и другой соискатель. С одной стороны, Каспаров после многомесячного анабиоза разморозился, явно ожил и перехватил инициативу. С другой — на момент прекращения поединка Карпов вел в счете 5:3, а два очка есть два очка. И все-таки я полагал, что Каспаров выиграет больше от того, что через несколько месяцев состоится новый матч, поскольку ясно было, что он совершенно бесплатно приобрел колоссальный опыт с помощью такого замечательного наставника, как Карпов, да и к тому же он на двенадцать лет моложе

своего конкурента и, стало быть, сумеет быстрее восстановиться к новому сражению.

Итак, надо говорить о двух книгах, а не об одной дилогии.

Начну с того, что напомню свой давний прогноз, ленинградско-петрозаводский, по месту его рождения. Шансы соперников я расценивал как 50,1 у чемпиона против 49,9 у претендента. В своей практике шахматного синоптика мне, увы, не раз пришлось попадать пальцем в небо. Здесь же я почти угадал, поскольку оба соперника были недовольны волюнтаристским решением президента прервать матч и начать все по новой, на новых условиях. Один был недоволен потому, что верил: 50,1 есть 50,1, невелико преимущество, но — преимущество; второй возмущался потому, что к этому времени уже набрал свои 49,9, а ведь еще был не вечер...

Словом, Карпов и Каспаров сыграли два разных матча. Они, в частности, показали, что при современном развитии шахмат безлимитная система не проходит, никуда не годится. Сегодня это безоговорочно признано всеми, включая президента ФИДЕ. Трудно сравнивать и творческую сторону обоих матчей. Первый, повторяю, был прерван, так что выносить окончательные суждения о нем как о завершенном произведении мы не вправе — партии были интереснейшие, очень содержательные, но матча-то нет... К тому же это не концентрированный напиток, а разбавленный: сама безлимитная система продиктовала соперникам огромное количество ничьих, которые ничего не давали им в плане приобретения очков и не очень много давали шахматному искусству. С определенного момента в матче один партнер, как бы сказать половчее, не мог себе позволить играть, а второй — не хотел заставить себя играть. Я совершенно

убежден в том, что если бы над Анатолием Евгеньевичем не висела навязчивая идея не просто выиграть матч, а разгромить, задушить, изувечить и так далее и тому подобное (в шахматном, разумеется, смысле, в шахматном) соперника — пресловутая идея «6:0», — то мир был бы лишен возможности наблюдать двадцать четыре партии второго матча. Начни Карпов после девятой партии, после четырех побед играть активно, матч скорее всего кончился бы где-то в районе двадцатой партии со счетом 6:2 или 6:3, но кончился... Но эффект счета 6:3, конечно же, совсем не тот, что у 6:0: психологического шока, устанавливающего незримый психологический барьер для соперника на будущее, он бы не вызвал. Боюсь, что после 0:6 Гарику было бы очень трудно сесть за доску. Представляете себе: охотника за «скальпами» самого обдирают как липку! Это трудно себе вообразить, еще труднее охотнику это пережить.

Поклонники Каспарова, разгоряченные его победами на пути к матчу с Карповым, не просто результатами, а более чем убедительным, сокрушительным стилем — «как бы резвяся и играя», — сумели внушить ему, что загон продолжается, что в Москве его ждет очередная жертва и остается только съездить за новым «скальпом».

«Я о своем таланте много знаю», — писал Есенин, один из любимых поэтов Каспарова. О своем таланте Гарик тоже знал много, о таланте соперника, как выяснилось, куда меньше. К тому же он далеко не в полной мере учел то обстоятельство, что шахматы в матчах на первенство мира совсем иные шахматы, чем в турнирах и претендентских поединках. Спортивное — жесткое, неуступчивое — начало в матчах подчиняет все остальное. И уж совсем иные шахматы в безлимитном матче. Закаленнейший матчевый боец

Карпов испытал все «прелести» этих матчей, у Каспарова подобного опыта не было, что, похоже, его не очень занимало.

Вспомним самое начало их дуэли: от того, как разыгран дебют, зависит не только судьба отдельной партии, но и течение всего матча.

В первой партии была разыграна сицилианская защита. Причем своим шестым ходом белые (чемпион мира) избрали активное продолжение, ведущее к большим осложнениям, введенное в практику Паулем Кересом, великолепным, очень творческим шахматистом и (замечу в скобках) обладавшим идеальным, на мой взгляд, характером, — не спортивно идеальным, что теперь принято выделять и считать чуть ли не главной добродетелью, а человечески идеальным, — редкого благородства и душевной красоты человеком был Пауль Петрович Керес. Но простите, я отвлекся... Претендент избрал шевенингенский вариант сицилианской защиты, о котором недавно написал вместе со своим тренером и секундантом, мастером Александром Никитиным, монографию. В этом дебюте возникают несимметричные позиции, открывающие простор для комбинационной борьбы со взаимными шансами. Ясно было, что и у претендента, и у чемпиона самое решительное настроение. Никакой разминки, никакой раскачки — они взяли с места в карьер. Некоторые комментаторы написали, правда: «разведка боем» — подвела привычка к стереотипам, — никакой разведки, сразу — бой! После пятнадцатого хода черных, решивших дебютные проблемы, возникла позиция динамического равновесия. Даже у людей далеких от шахмат это выражение («позиция динамического равновесия») было той осенью на устах; оно раздавалось с телевизионных экранов, постоянно встречалось в газетах и бюллетенях пресс-

центра, возглавляемого моим земляком гроссмейстером Айваром Гипслисом. А что было делать комментаторам и сотрудникам пресс-центра: и динамизма — в отдельных партиях, — и уж особенно равновесия — многомесячного ожидания бури у моря! — в безлимитном матче хватало.

Еще через десять ходов позиция стала совсем равной, но равенство могло быть нарушено: Карпов испытывал к концу партии явный недостаток времени на обдумывание ходов... Напряжение первой партии не снижалось до последнего, тридцать седьмого, хода черных, после чего соперники согласились на ничью.

В решительности чемпион и претендент друг другу не уступали, но претендент, без особых хлопот решивший черными дебютные проблемы и заставивший чемпиона играть с полной отдачей, мог считать начало вполне для себя удачным. И уже во второй партии он начал играть не просто резко, на грани фола, но сверхрезко, за гранью фола. Чрезвычайно нервная, острая партия должна была бы закончиться победой чемпиона и посрамлением претендента, дискредитацией игры, чересчур авантюрной и легкомысленной для матчей на высшем шахматном уровне. Но, к несчастью для Каспарова, Карпов на сороковом ходу сыграл крайне неудачно, от обороны, не сделал совершенно естественный ход и не выиграл. Вторая партия оказала Каспарову медвежью услугу: Гарик решил, что с Анатолием Карповым можно играть не только на грани, но и за гранью фола, переходя, когда заблагорассудится, границы допустимого риска, все равно, мол, наказания не последует...

Очень скоро, однако, претендент понял, что с чемпионом шутить неповадно. Уже в третьей партии, применив одну из разновидностей шевенингенского

варианта и избрав новое продолжение, претендент потерпел катастрофу, причем, как отметили тогда же комментаторы, развязка наступила уже в дебюте, то есть в той стадии партии, где Каспаров особенно силен. Затем после двух ничьих он развил сильное давление в шестой партии, пожертвовал пешку, получил атаку, проходную пешку и... уступил при доигрывании. Карпов не растерялся, ставил тактические ловушки, нашел единственный, но превосходный способ защиты и переиграл соперника. Следующие две победы он одержал в седьмой и девятой партиях, одержал вчистую, причем особенно неприятной, надо полагать, была для претендента девятая партия.

Должен заметить, что первые пятнадцать партий проходили под диктовку чемпиона мира.

Что касается безумной — чтобы не пугать читателей, скажем осторожнее — странной — логики шахматного Зазеркалья, ее можно было усмотреть и в беспрецедентной семнадцатисерийной ничейной серии, и в своеобразном тактическом приеме, когда ты вынуждаешь соперника играть как бы против самого себя... Фишер, по слухам, играл в шахматы сам с собой, поясняя, что играет со своим alter ego, со своим вторым «я». Неизвестно, ставил ли он перед собой зеркало или нет... Тут же партнер словно ставил перед тобой зеркало, используя черными твою излюбленную схему, которую он сам раньше не применял. Наш известный теоретик гроссмейстер Юрий Авербах сказал, что не помнит, чтобы такое случалось в прошлых матчах за мировое первенство. Признаться, и я не припоминаю использование такого «зеркального» тактико-психологического оружия, причем не случайно, не однажды, а достаточно регулярно... Первым взял этот прием на вооружение Каспаров, а затем применял его и Карпов.

В общем-то странности Зазеркалья имеют, в этом я абсолютно убежден, не мистическую, сверхчувственную природу, а вполне земное происхождение. Стремясь прийти в себя после катастрофического начала, стремясь любой ценой выиграть время, удержаться, отдышаться, претендент использовал все оборонительные ресурсы, как бы заставив работать на себя штаб противной стороны, — ведь соперник должен был демонстрировать свои же противоядия против своего же яда... В условиях безлимитного матча с его безумной, без всяких оговорок, логикой это оружие срабатывало.

Изменить течение матча могла бы шестнадцатая партия.

(В день шестнадцатой партии участники и участницы международных шахматных турниров в Сочи — женского и мужского, — их организаторы и журналисты прилетели в Москву... Плохо себя чувствовавший после сочинских шахматных перегрузок и полета М. Таль на партию не пошел, попросив передавать ему ходы в номер гостиницы «Спорт»... До двадцать шестого хода черных с того — гостиничного — конца провода раздавалось удовлетворенное похмыкивание: «великому комбинатору» не могла не понравиться комбинация с жертвой качества, затеянная претендентом... Когда я продиктовал двадцать шестой ход белых — Каспарова, — Таль хмыкнул возмущенно и попросил перепроверить, должно быть подозревая не имеющего Эло соавтора в элементарной неточности: надо сказать ладья с4, и он талдычит явно несуразное — ладья d5. Но ошибся не соавтор Таля, а соавтор Карпова, имеющий тогда самый высокий Эло в мире. «Гарик меня сегодня разочаровал, — сказал мне по телефону Таль. — Сильно разочаровал. Если уж он не выигрывает с в о и пози-

ции...» — А.С.) Каспаров получил в ней не просто выигрышную, но с в о ю позицию. Выигрывающие ходы (Лс4, затем Фе4 + ...несложный вариант победной атаки белых желающие могут найти в комментариях к матчу) были очевидны для шахматистов этого уровня, но белые прошли мимо них... По разным причинам ошибается сильный шахматист. То, что потом сами гроссмейстеры называют «минутным ослеплением», в каждом случае имеет длительную — иногда в несколько часов, иногда в несколько недель — предысторию. На шестнадцатую партию роковым для Каспарова образом повлияли пятнадцать предшествующих. Претендент к этому времени просто не представлял, что у Карпова можно выиграть. И все же мог выиграть, был близок к этому как никогда. Естественно, что он сильно расстроился.

(У Карпова в вечер шестнадцатой партии как никогда сильно горели уши, Каспаров же, когда понял, что выигрыш уплыл, рванул на себе воротничок и сокрушенно, в полном отчаянии замотал головой. Знакомый преподаватель Государственного института физкультуры, чьи студенты несли дежурство в Колонном зале, рассказал мне, что выскочивший после партии через служебный подъезд Гарик, садясь в машину, послал страшное проклятие ни в чем не повинной Луне... — *А. С.***)**

Однако затем Каспаров сумел взять себя в руки, не бросился отыгрываться, что было бы самоубийственно, а продолжал стоять на месте, делая ничью за ничьей.

Семнадцать ничьих подряд — такого не было в матчах на первенство мира. Еще раз вернусь к объяснению причин такого долгого стояния: поскольку всем было ясно, что судьба матча-84 решена, но через два года садиться на доску этим же сопер-

никам, значительно превосходящим остальных, вторую половину матча Карпов играл в счет восемьдесят шестого года. Впрочем, о будущем матче думали оба. Один делал все от него зависящее, чтобы не приобрести комплекс тонущего, вечную боязнь воды, конкретного водоема — «моря Карпова»; другой — тащил партнера на глубину, чтобы тот «нахлебался», чтобы всегда помнил о мрачном, бездонном омуте.

Карпов был очень близок к цели. Выиграв двадцать седьмую партию, он довел счет до 5:0. Оставалось сделать всего один шаг...

Возможно, он мог его сделать в тридцать первой партии, но промедлил в один из моментов и дал возможность претенденту завязать контригру. Впрочем, впоследствии аналитики установили, что там все было не так очевидно, что защитные ресурсы черных были достаточны для отражения атаки. Но это впоследствии, вне горячки боя, когда можно было подумать не спеша, обстоятельно. Тогда же мне казалось, что не потеряй чемпион один темп (Карпов поставил ферзя на поле d3 своим двадцать восьмым ходом, а надо было сразу играть c4), все свелось бы к несложной технической реализации преимущества.

Спокойно отношусь к лаврам шахматного синоптика — не угадывал гораздо чаще, чем угадывал, но тут я почувствовал, что Гарик наконец-то одержит победу, и — помните? — сказал вам, улетая на турнир в Титоград, в Югославию, что уже в следующей партии Каспаров «отблагодарит» Карпова за подарок, преподнесенный в тридцать первой партии. Так оно и случилось. Облегчение, по-моему, должны были почувствовать оба: Каспаров избавлялся от страшного комплекса «долгоиграющего проигрывателя», Карпов — от навязчивой идеи — «6:0»...

(М. Таль запамятовал еще одно важное обсто-

ятельство. Тогда же — дело было в начале декабря — он сказал мне на прощание: «До встречи в новом году на старом матче!» И когда я выразил сомнение по этому поводу, он беспечно махнул рукой, но сказал весьма решительно: «Если Гарик выиграет тридцать вторую, а за такие незабитые голы, как в тридцать первой, обычно наказывают, тогда все начнется по новой». Признаться, я отнесся к этому прогнозу соавтора, как к шутке, которые тогда рождались вокруг затянувшегося соревнования ежедневно и ежечасно. В одном из анекдотов дело происходило в 2000 году, на экране телевизора возникал гроссмейстер Суэтин и оповещал телезрителей, что в 3058-й партии матча Карпов — Каспаров партнеры согласились на ничью, не приступая к игре... — *А. С.*)

Возможность закончить матч со счетом 6:1 представилась Карпову в сорок первой партии. Если бы он на тридцать третьем ходу не взял ладьей на d1, а сыграл а6 (в пресс-центре многие видели этот ход и оценивали его как лучший), он безусловно победил бы в этой партии и, стало быть, в матче... Но чемпион мира не увидел очевидного! И в сорок седьмой партии, второй проигранной им в матче, Карпов действовал весьма неуверенно, а сорок восьмую (третья победа Каспарова) просто превосходно провел воспрянувший духом претендент, допускавший, в свою очередь, на финише «безразмерного» состязания ошибки и промахи... О качестве игры после сороковой партии (иззестное исключение, причем «одностороннее» — последняя партия матча) говорить трудно: когда люди принуждены играть в шахматы стоя на голове (попробуйте-ка играть с предельным напряжением почти полгода с одним соперником, к тому же лучшим в мире!), трудно ждать от них выпуска первосортной продукции.

Основной психологический итог первого матча состоял в том, что Каспаров почувствовал: и у Карпова можно выигрывать...

Избежать прогнозов мне не удалось и перед вторым матчем. Правда, я благоразумно воздержался от цифровых выкладок (50,1 против 49,9), но считал, что ситуация изменилась: шансы Каспарова, по моему мнению, резко возросли. До сих пор удивляюсь, почему бакинцы по итогам обоих матчей не присвоили Анатолию Евгеньевичу Карпову звание заслуженного тренера Азербайджанской ССР за подготовку чемпиона мира Гарри Кимовича Каспарова. Ни одна тренерская бригада на свете не дала бы столько Каспарову, сколько дал ему за прошлый матч Карпов. Университеты, пожалуй, даже академия Карпова, оконченная Каспаровым в неоконченном матче, обогатила его удивительно, месяцы обучения в ней стали для претендента таким подспорьем в новом поединке, какого самые старательные помощники дать ему не могли.

Сразу же, по самому началу нового матча, стало ясно, что повторения пройденного — игры в одни ворота — больше не будет, что предстоит равная и очень жесткая борьба.

Матч-85 разделяется на несколько непохожих эпизодов.

Начало было обескураживающим для чемпиона мира: Каспаров очень легко, по сути дела, уже в дебюте выигрывает первую партию. (Увидев на доске защиту Нимцовича, в партиях Карпова с Каспаровым прежде не встречавшуюся, мастер Анатолий Мацукевич, шахматный теоретик, обозреватель «Советской России», будущий исполнитель роли графа Нессельроде в бурляевском фильме о Лермонтове, ядовито припомнил, что гроссмейстер Юрий Разува-

ев предсказал накануне в одной из центральных газет продолжение в этом матче теоретической дуэли предыдущего. Во всех предматчевых интервью Карпов отмечал исключительную дебютную эрудицию своего соперника. Что ж, первая партия подтвердила правоту чемпиона: Каспаров очень силен в этой стадии борьбы. Карпов с дебютными проблемами справиться не мог и получил позицию без каких-либо признаков контригры... Когда претендент думал над своим сорок первым ходом — его предстояло записать, но все в пресс-центре были убеждены, что чемпион сдастся без игры, — гроссмейстер Эдуард Гуфельд, обозреватель «Комсомолки», спрашивал у коллег: «Скажите, как это назвать? Может быть, плоды просвещения? Горе — не от ума, а от просвещения?.. Человек проиграл партию, получив негодную рекомендацию и упорно следуя ей...» Внимавший ему гроссмейстер Иосиф Дорфман, один из секундантов претендента, возразил: «Эдик, ты трактуешь все происшедшее неправильно. Карпов проиграл по ряду причин... Во-первых, он никак не ожидал, что Каспаров будет играть эту систему. Во-вторых...» Присутствующие журналисты навострили уши: еще бы, секундант разоткровенничался! Вспомнив свой статус, Дорфман осекся и пообещал Гуфельду назвать остальные причины после матча. — *А. С.*)

Знаете, тогда же у меня появилась уверенность, что Каспаров непременно победит в матче. Говорить об этом во всеуслышание после первой, к тому же по дебюту выигранной, партии было бы преступно легкомысленно, так что я помалкивал, но внутренняя уверенность в успехе претендента уже не оставляла меня. Но конечно, ни я, ни кто другой не мог представить себе напряженность борьбы и головоломные, поистине цирковые (из программы цирка на льду)

номера, которые продемонстрирует будущий победитель на самом финише.

Цирк на льду ждал нас впереди, но полеты под куполом без страховочной сетки, когда слабонервных просят не смотреть, начались уже со второй партии.

Снова вторая! Помните, вторая партия предыдущего поединка оказала медвежью услугу претенденту; теперь его ждет новое разочарование — роковые случайности в шахматном Зазеркалье удваиваются, утраиваются, отражаются системами зеркал; еще больше иррационального, таинственного, влекущего в шестнадцатых партиях всех трех единоборств... Острейшая борьба во второй партии привела к тому, что бакинец, благополучно пройдя через несколько сомнительных моментов, отложил ее в очень благоприятном для себя окончании.

Осторожные комментаторы отмечали, что у Каспарова инициатива, что белым предстоит борьба за ничью, а любители, не заботящиеся об объективности оценок, видели, что по идее позиция у претендента выигранная. Я не знаю, что там произошло при доигрывании, но мне было совершенно очевидно, что когда Гарик шел на него, то считал, что уже ведет в матче 2:0, другими словами, общий счет их результативных партий (с учетом первого поединка) сравнялся — 5:5. Но уже третий ход черных при доигрывании оказался неожиданным для многих.

Мы смотрели эту партию с участниками международного турнира в Юрмале, раскидали ходов пять-шесть и увидели: все готово, белые должны сдаться. Нам и в голову не приходило, что можно сыграть Ла8. Ответ Карпова (Ле7) поверг Каспарова в размышление. Думал он, естественно, о позиции, но подспудно, вероятно, о том, как неэкономично делить шкуру не-

убитого медведя... В общем 2:0 не получилось, остался прежний перевес в одно очко. А мне давно уже пришлось отмечать, что в матчах такого уровня перевес в одно очко — мишура, а в два очка — нечто осязаемое, воодушевляющее.

После бравурного начала такая просечка. И хотя претендент ведет в счете, первый раунд за чемпионом. Претендент если не подавлен, то сбит с толку, обескуражен. И в третьей партии, имея белый цвет, он не предпринимает никаких серьезных попыток бороться за инициативу или хотя бы обострить игру, а ведь он особенно силен в том, чтобы придавать игре привкус динамизма. В четвертой и пятой партиях абсолютным хозяином положения становится Карпов.

За свою жизнь, особенно в пору молодости, мне пришлось наслушаться немало упреков в некорректности моих жертв, в том, что немало моих комбинаций оказывается на поверку «с дырой», что, садясь за доску, я стремлюсь не к установлению шахматной истины, а единственно — к победе, с этой целью нарушая незыблемые шахматные законы, делаю с виду нелогичные («безумные»!) ходы, имеющие своей целью сугубо практический смысл — поставить партнера перед трудными задачами, дать ему шансы, чтобы получить их самому, и, пользуясь своим преимуществом в быстроте счета, в комбинационном зрении, заставить его ошибаться и, воспользовавшись его ошибками, «раскрутить» партнера...

Не буду спорить со своими оппонентами, время нас рассудит, но хочу сказать, что шахматная партия — тот самый Родос, на котором, согласно мудрости древних, и надо прыгать. Истину в той или иной партии просто невозможно установить за несколько отведенных по регламенту часов, в иных, особенно иррациональных, позициях она обнаруживается, как

мы уже отмечали, спустя дни, недели, месяцы, а то и годы — в результате кропотливейшего анализа. А мы, практики, повторяю, каждый раз садимся за доску с императивом: «Здесь Родос, здесь и прыгай!» К тому же прыгать приходится не одному, а «при непосредственном участии» второго прыгуна, и не учитывать его стиль, его амбиции, его сильные и слабые стороны, его вкусы, его странности было бы нерасчетливо и недальновидно. Так что в зависимости от целого ряда обстоятельств (личности соперника, матчевого или турнирного положения, наконец, самочувствия) играть приходится не только по позиции.

(Вот как объясняет один из самых «странных» ходов в своей шахматной биографии — двенадцатый ход в семнадцатой, оказавшейся практически решающей в матче 1960 года с М. Ботвинником, партии сам Таль в книге «Матч Ботвинник — Таль»: «...наконец мой блуждающий взгляд остановился на ходе 12. f4. Сперва мне стало даже как-то неудобно за себя, потому что прежде всего и больше всего видны недостатки этого хода, но в данной позиции нет хода без недостатков. Менее очевидны достоинства этого хода, но они все же есть, хотя и обнаруживаются, если можно так выразиться, не совсем в шахматной плоскости. Во-первых, этот ход «нуждается в опровержении», которое должно быть сопряжено с возможностью обоюдоострой тактической борьбы, что, судя по стилю игры М. Ботвинника в этом матче, было для него нежелательно. Во-вторых, слабость тыла белых подчеркивается лишь путем подрыва в центре, а при ходах c6—c5 и e6—e5 сила белых слонов значительно возрастает. И наконец, в-третьих, атаковать королевский фланг черные смогут только при помощи длинной рокировки, а тогда и пешечная масса белых на ферзевом фланге также придет в движение. Возможно, сейчас

черным стоило просто ответить 12. ...О-о, но это ведь не опровержение».

Тренер М. Таля А. Кобленц в своих мемуарах «Свет и тени» так прокомментировал откровения ученика: «Это объяснение помогает понять особенности творческого метода Таля. Ход 12. f4 объективно, может быть, и нехорош, но с данным противником, в данной ситуации он давал реальные шансы». — А. С.)

Объективная истина в шахматах — к сожалению или к счастью — не всегда отыскивается во время партии. Как мы все хорошо помним, поиски человеком истины невозможны вне, помимо человеческих эмоций и других психологических факторов. В партии, сыгранной на шестидесяти четырех клетках, чисто шахматные и чисто психологические нити переплетены нерасторжимо. Это «переплетение ткани», переплетение шахматных и психологических мотивов и составляют волнующее ум и воображение содержание партии. Очень показательной в этом отношении как раз и была четвертая партия второго матча Карпов — Каспаров.

Объективно в ней была ничья. Аналитически такие позиции выигрываться не должны. Но Каспаров допустил тяжелую психологическую ошибку, согласившись играть с Карповым на его «поле» — на пятачке, на ограниченном участке доски, когда противник лишен активности, а ты можешь крутить его как угодно... А ведь после дебюта, в котором Каспаров на восьмом ходу применил интересную, неожиданную для партнера новинку, возникла позиция, глядя на которую многие знатоки думали, сразу ли белые (Карпов) предложат ничью или немного подождут, а потом предложат. Но белые не предлагали ничью и даже не ждали... Они были в своей стихии и начинали опе-

рацию «удушение». И хотя оценка позиции за рамки «равная» долгое время не выходила, просто физически ощущалось, как с каждым ходом Каспарову становилось все трудней, хотя объективно позиция оставалась ничейной. Я совершенно убежден, что аналитики поставили бы этой позиции абсолютно однозначный диагноз.

Абстрактные белые фигуры и абстрактные черные фигуры при безошибочной игре победить друг друга не могли. Но белыми фигурами руководил Анатолий Карпов, а черными — Гарри Каспаров. Первый был в своей стихии; второй, — подобно летучей рыбе, выпрыгнул из воды, но не приводнился, как обычно, а приземлился на горячий песок.

Своим тридцать вторым ходом (е4) Карпов поставил великолепную психологическую ловушку, обострив и без того накаленное подкравшимся цейтнотом положение, приглашая взрывного, горячего, импульсивного соперника к аналогичным ответным действиям.

Сыграй Каспаров ферзем, позиция осталась бы примерно равной, даже с определенной инициативой у него в некоторых вариантах. Но его импульс (на что и рассчитывал Карпов, ставя ловушку) сработал: он сделал два внешне очень активных хода, и на этом активность черных исчерпалась. Последовал скромный и удивительно сильный ответ белых (36. Лf1), и оказалось, что черные играть закончили, а белые только начинают... Недостаток времени, породивший несколько не самых четких ходов, еще более усугубил неприятное положение черных. Не исключаю, впрочем, что и в отложенной позиции можно было бы (точнее — можно будет) найти ничью, — возможно, это сделает когда-нибудь умная электронная машина, которую когда-нибудь придумают, — но

за отведенную на анализ ночь бакинская бригада ничейный вариант не нашла. Карпов же действовал при доигрывании удивительно точно, ювелирно, и, не дожидаясь недолгого мата, Каспаров вынужден был признать себя побежденным.

Это было начало второй стадии матча. Счет сравнялся — 2:2, но не в этом главное. Карпов великолепно прочувствовал психологический перелом в борьбе, а его партнер вовремя не перестроился, не заметил, что декорации поменялись. И, не подумав взять тайм-аут, чтобы осознать происшедшее, он пришел на пятую партию с решимостью немедленно отреваншироваться и снова выйти вперед. Первый же ход (e4) свидетельствовал о том, что он вроде бы хочет с позиции силы изменить ход борьбы в свою пользу. Началась испанская партия. Партнеры разыграли вариант, уже встречавшийся в сорок четвертой и сорок шестой партиях их предыдущего поединка. На десятом ходу черные предлагают ничью, разумеется, белыми не принятую. Во время этой партии я играл на турнире в Дании; мы следили за ней с Ваганяном, и нам было ясно, что белые явно не в порядке. Почему? Да потому, что они хотели, чтобы и волки были сыты, и овцы целы: старались действовать осмотрительно, подстилали соломку, чтобы не упасть, и вместе с тем безоглядно играли на победу. После двадцать второго хода (bc), после этого размена фигур черные обрели неожиданную активность. Умение изыскивать активные продолжения в самых, казалось бы, пресных позициях — один из основных козырей Анатолия Карпова. Вот и сейчас, совершенно неожиданно для комментаторов, он напал ферзем на слона (24... Фb4) и этим ходом донельзя прояснил ситуацию. Выяснилось, что активность белых несколько фиктивна и, чтобы поддержать огонь атаки,

им срочно надо отдать пешку. Через несколько ходов картина становится еще определеннее: нет зажженного фитиля и пешки нет тем более... Завершающую стадию Карпов проводит очень точно, и хотя партия откладывается, и хотя комментаторы делают непроницаемые лица и поражают своей сдержанностью и немногословием, гроссмейстеры при виде отложенной позиции расходятся только в одном: будут ли партнеры доигрывать, или белые прибегнут к помощи телефона, чтобы уведомить арбитров о капитуляции. Если уложить оценки пятой партии в одну фразу, то надо сказать: Карпов играл очень хорошо, а Каспаров откровенно неудачно.

Многим внимательным наблюдателям после пятой партии казалось, что все становится на свои места, все возвращается на круги своя: чемпион мира снова, как в первом поединке, ведет в счете и главное — снова, как и тогда, диктует свои условия. По всем законам логики матчевой борьбы, чемпиону мира надо было бы развивать свой успех, играть еще более решительно. Но у психологии свои установления, формальной логике не подвластные, и мы часто склонны больше прислушиваться к своему внутреннему голосу, чем к доводам всегда логичного рассудка. На «безумие» шахматного Зазеркалья странности в действиях его обитателей (а то, что Карпов не попытался развить успех в последующих партиях, хотя бы в шестой, где белыми подчеркнуто аккуратно разыграл дебют, действительно выглядит странно) не спишешь: наши психологические «ходы» — мотивы, чувства, поступки — затейливее, таинственнее, страннее ходов рационально-иррациональной игры...

Опять возникает тема зеркал, словно каждый новый матч глядится в зеркало старого... И отраженно, в каком-то микроотражении, как мне пред-

ставляется, повторилась картина безлимитной битвы: постепенно, потихоньку Гарри Каспаров начал приходить в себя, почувствовав, что играть с чемпионом мира можно.

Новый этап сражения формально начинается с одиннадцатой партии, в которой победил претендент, но фактически этот этап надо исчислять с десятой партии. Желая развить инициативу, Карпов вновь обратился к ходу e2—e4. У Каспарова был в этом случае выбор: либо соглашаться на пассивную борьбу, либо сохранить фасон. Каспаров не был бы Каспаровым, если бы не выбрал второй вариант. Вновь шевиненген, вновь острая партия, Карпов неожиданно применил новый ход, и стратегически характер борьбы складывался явно в пользу белых.

Вот тут-то, как мне кажется, второй этап матча кончился, а третий — начался. В сложной, очень неприятной для черных позиции Каспаров находит великолепный шанс, связанный с жертвой пешки. Белые жертву приняли, сделали несколько, похоже, вынужденных ходов, и, как это ни удивительно, дело кончилось быстрым и грациозным раскладом... Меня не было в этот момент в зале Чайковского, но хотелось думать, что соперники, подписывая мир (черные объявили вечный шах конем), обменяются не только рукопожатиями, но и улыбками — настолько изящной выглядела концовка партии.

Одиннадцатая партия стала подтверждением известной аксиомы: шахматисты, даже самые сильные в мире, тоже люди и ничто человеческое, в том числе способность ошибаться, им не чуждо. Получив не очень удачную позицию после дебюта (уже в третий раз в матче была разыграна защита Нимцовича), Карпов, думаю, не без помощи соперника уравнял игру, а затем коллекция образцов шахматной слепоты

пополнилась еще одним экспонатом: двадцать второму ходу черных — Лcd8 комментаторы поставили два вопросительных знака, через три хода им пришлось сдаться, ибо они теряли фигуру. Между тем ход другой ладьей (22...Лd6) решал все проблемы и давал черным равную игру... Могу со стопроцентной гарантией утверждать, что подобной ошибки, такого хрестоматийного просмотра Карпов никогда бы не допустил ни в каком другом соревновании — только в матче на первенство мира. Вольтаж такого матча, как я, кажется, уже отмечал, ни с чем не сравним.

Эта партия оказалась очень важной и для того, и для другого: Карпов потерял уверенность, Каспаров приобрел ее. Период с двенадцатой партии проходит под знаком игрового преимущества Каспарова. Последовало несколько коротких ничейных, но очень содержательных партий. В двенадцатой на восьмом ходу игравший черными Каспаров применил в сицилианской защите новинку (d6 — d5), пожертвовав пешку. Тогда казалось: блеф, рассчитанный на одноразовое употребление. Сейчас в шахматной литературе его называют «гамбитом Каспарова». Откровенно говоря, поначалу я тоже думал, что это — на один раз, но в матче гамбит встретился дважды — в двенадцатой и в шестнадцатой партиях... Анализируя двенадцатую партию на следующий день, я считал примененную претендентом новинку оружием одноразового пользования, но что-то подсказывало мне, что в ближайшее время этот вариант должен пройти проверку либо на прочность, либо «на вшивость»... Исходя из этого, если помните, я и предсказал, что решающие события на матче развернутся в районе четырнадцатой — шестнадцатой партий...

(Как же мне не помнить, когда мы на четырнадцатой партии были вместе с Михаилом Талем, о чем я

тогда же написал в своих газетных репортажах... Мы ехали на такси от гостиницы «Спорт», что на Ленинском проспекте, в зал Чайковского, на четырнадцатую партию, и мой спутник сказал, что сегодня, быть может, произойдет решающая партия. Молчавший до этого таксист не выдержал:

— Извините, что встреваю в ваш разговор, но кто вам сказал, что сегодня решающая партия?

Мой собеседник хмыкнул:

— Да вообще-то никто не говорил...

— А, так вы от себя высказываетесь... — Водитель явно потерял интерес к своим пассажирам, показавшимся ему по началу разговора людьми информированными. — Я-то думал, что вы от специалистов слышали... У нас в парке считают, что раньше двадцать четвертой ясности не будет.

— Возможно, возможно, — охотно согласился гроссмейстер. — Только мне почему-то все-таки сдается, что решающие события произойдут сегодня или в следующих двух партиях.

Признаться, за долгие годы знакомства с Михаилом Талем я впервые стал свидетелем того, что его не узнали. — *А. С.*)

Микродуэль в двенадцатой партии (Карпов, встретившись с абсолютно новой позицией, предпочел перенести дискуссию на будущее, взяв, по существу, своего рода «тайм-аут») оказалась за претендентом, а в тринадцатой — за чемпионом (не знаю, в который раз, но Каспаров очень явственно почувствовал, что между понятиями «получить против Карпова хорошую позицию» и «выиграть у Карпова» существует гигантская разница).

Четырнадцатая партия была предельно эксцентричной. (Наверное, поэтому она особенно понравилась Жанне Таль, одиннадцатилетней дочери экс-чем-

пиона мира, приехавшей в Москву с папой, чтобы проводить его на турнир претендентов в Монпелье, во Францию. И хотя ее успехи в шахматах — третий разряд — более скромны, чем в музыке, — пианистка Жанна Таль уже выступала с концертами, — все же она более-менее в шахматах разбирается. Естественно, лучшим телевизионным шахматным комментатором считает своего папу. «Ты даже смешнее Хазанова», — сказала она отцу после одного из его телевизионных выступлений во время первого матча Карпов — Каспаров. — *А. С.*) *Может быть, потому, что я был на ней, хотя догадываюсь, что по другой причине. После матча выяснилось, что Гарик уверился в своей победе в матче после пятнадцатой партии, короткой, хотя и содержательной, в которой разразившаяся было буря оказалась бурей в стакане воды. Почему же Каспарова так обрадовала ничья белыми? Не в ничьей, разумеется, дело и не в буре в стакане воды, а в том, что претендент, по его словам, сумел за доской довольно быстро опровергнуть домашнюю заготовку чемпиона в русской партии...*

А после шестнадцатой партии уверенность в благополучном для Каспарова исходе матча почувствовал уже не только он сам, не только его верные болельщики, но и многие, так сказать, нейтральные наблюдатели.

Мне безумно нравится шестнадцатая партия. В чисто шахматном отношении это, может быть, лучшая партия второго матча, может быть, первых двух матчей, может быть, это не гол недели, месяца, а гол сезона. Каспаров играл в ней вдохновенно, чередуя активные ходы с профилактическими, предупреждающими любую контригру соперника. На великолепных полутонах сыграл он эту партию, очень красиво.

Черные (Каспаров) снова, как и в двенадцатой партии, на восьмом ходу пожертвовали пешку. Эффект неожиданности сработать уже не мог, значит, жертва была не продуктом импровизации, а частью очень продуманной системы... Кстати сказать, в югославской шахматной печати сразу же после первого применения Каспаровым этого гамбита вспыхнула полемика, в которой одна из сторон доказывала, что жертва пешки некорректна и, своевременно жертвуя фигуру, белые добиваются решающего перевеса. Другая сторона доказывала, что черные все-таки могут — единственным путем — сделать ничью...

Но черные и не помышляли о ничьей! Когда спустя десять дней после «блефа» одноразового употребления они снова пошли на это экстравагантное продолжение, многие участники турнира в Монпелье были искренне удивлены. В самом деле, гамбит иначе как экстравагантным не назовешь: черные жертвуют пешку на восьмом ходу и, как потом выясняется, вовсе не собираются ее отыгрывать. Об эффекте неожиданности, повторяю, уже не могло быть и речи, ясно было, что Карпов подготовился к этому событию, — тем большего восхищения заслуживает игра бакинца.

Шестнадцатая партия, в которой Каспаров опять пожертвовал пешку, породила среди комментаторов своего рода философский спор о борьбе «духа» и «материи» в шахматной партии: жертвующий шахматный материал Каспаров был отнесен к тем, для кого важнее всего «дух», то есть инициатива, простор для фантазии, свобода самовыражения, а Карпов, согласно этой раскладке, — убежденный и неисправимый «материалист». В этих философствованиях, по-моему, много от лукавого, но, не будучи специа-

листом в философии, воздержусь от участия в захватывающем диспуте о «духе» и «материи».

Предпочитаю говорить в данном случае о борьбе за инициативу. Ясно было (разумеется, не только мне), что стратегическим содержанием матча будет борьба за психологическую инициативу и тот, кто выиграет эту борьбу, тот выиграет и матч. И когда я накануне сражения рассуждал о том, кто будет подбрасывать поленья в огонь, плескать бензин из канистры, а кто поливать огонь пеной из огнетушителя, я имел в виду и возможные жертвы Каспарова, и профилактические действия Карпова. Чемпион во втором матче и сам пытался разжигать огонь, но чаще всего не успевал этого делать, ему некогда было «канистру искать», поскольку в основном ему приходилось «тушить». На сей раз в общем-то в дебютной подготовке ощущалось преимущество Каспарова. Меня до сих пор поражает, что в таком стопроцентно изученном, препарированном дебюте, как защита Нимцовича, Каспаров, применяя очень редкое продолжение, почти постоянно выигрывал дебютные сражения. Игра шла все время на нерве, на импульсе, и даже в тех случаях, когда объективно позиции были равные (во второй партии, в сицилианских партиях), все-таки положение на доске полностью соответствовало духу Каспарова и не очень отвечало духу Карпова...

Обратимся еще раз к шестнадцатой партии.

В интервью Стокгольмскому радио западноберлинский гроссмейстер И. Хехт отметил, что «Каспаров одержал одновременно спортивную, творческую и психологическую победы: он завоевал важное очко в матче, подтвердил жизнеспособность открытого им гамбитного варианта сицилианской защиты, наконец, блистательно отстоял свой принцип,

который можно выразить словами: «Инициатива, а не пешка — душа шахмат».

Очевидно было, что инициативой в матче завладел Каспаров. Но очевидно было и другое: прирожденный боец, Карпов не сдастся на милость победителю, а попытается переломить судьбу. После такого потрясения, как шестнадцатая партия, где ты переигран начисто, по всем статьям, очень трудно сразу же прийти в себя. Карпов, однако, не потерял бодрость духа. Это доказала семнадцатая партия, дебют которой складывался в пользу претендента, но серией очень точных ходов чемпион превратил его в миттельшпиль, небезвыгодный для себя, и, может быть, впервые в матче Каспарову белыми пришлось всерьез заниматься стабилизацией своего положения. Это ему удалось, потому что черные в этот момент не были склонны к хирургическому решению проблем.

И в восемнадцатой чемпион мира был настроен весьма решительно: сыграв е4, он выразил готовность продолжить теоретическую дуэль, окончившуюся в шестнадцатой громоподобной победой Каспарова. Претендент, не без оснований полагая, что чемпион приготовил усиление игры белых, воздержался от «гамбита Каспарова», избрав другое продолжение с ходами d6 и а6, приглашая белых на острейшие варианты, от которых Карпов отказался... Все в конце концов окончилось заключением мира, причем, насколько мне известно, впервые за два матча инициатором заключения мира в сложнейшей неясной позиции был Карпов... Что это — дань усталости, какая-то психологическая тяжесть, желание сохранить силы до решающего момента?

Пока любители шахмат ломали головы над этими загадками, наступила девятнадцатая партия, показавшая, что Анатолий Карпов переживает определен-

ный кризис. Игра на грани фола, так блестяще удававшаяся в матче Каспарову, у Карпова в этой партии явно не получилась. Уже на четвертом ходу черные сделали острый маневр конем в защите Нимцовича, не зафиксированный ни в одном справочнике, но, кроме новизны, в этом маневре ничего не было. Как нам в Монпелье показалось, Каспаров очень легко разобрался в создавшихся нюансах и великолепными одиннадцатым и двенадцатым ходами просто, хоть так и не принято говорить о партиях в матчах на первенство мира, опроверг дебютную постановку партнера.

Дело свелось к технической реализации перевеса, причем возникла позиция, которую Карпов великолепно играл бы белыми. Но, увы, на сей раз у него был черный цвет, и главное — ему предстояло отстаивать очень плохую, абсолютно бесперспективную позицию... К тому же — цейтнот, несколько лихорадочных, импульсивных решений, и партия отложена в позиции, доигрывать которую бессмысленно...

И вот за пять партий до конца Каспаров повел в счете два очка (10,5:8,5). Ситуация, когда один из соперников отстает от другого на два очка в такой момент, считается чем-то средним между критической и безнадежной. Но Карпов не был бы Карповым, если бы по инерции проиграл оставшиеся партии, а Каспаров не был бы Каспаровым, если бы завершил матч без приключений.

В двадцатой партии, очень скромно разыграв дебют, уклонившись от теоретических дискуссий, белые (Карпов) получили позицию, в которой, как считали мы в Монпелье (да и, как потом выяснилось, наблюдатели в Москве), нет смысла продолжать борьбу, — кто же борется в позиции «бито» ничейной, она же мертво ничейная? Тем не менее это была игра

на поле Карпова, который эту бито-мертво-ничейную позицию довел в многочасовом доигрывании до позиции с шансами на победу у белых, и Каспарову пришлось мобилизовать все свои защитные ресурсы, потребовалось вести защиту с ювелирной точностью, чтобы спасти эту, казалось бы, безнадежно пресную партию.

В следующей, двадцать первой, партии спасаться пришлось уже чемпиону. Каспаров играл в ней здорово, искусно маневрируя конями. Мы в Монпелье смотрели отложенную позицию с Василием Васильевичем Смысловым, нашли ход b6 и считали, что черные вроде бы ближе к ничьей, чем белые к победе. Доигрывание продолжалось всего три хода, черные сделали ничью, хотя некоторые комментаторы, с нами в Монпелье не ездившие и потому имевшие возможность неотрывно наблюдать за событиями на сцене зала Чайковского, нашли, что Каспаров решающее преимущество выпустил своим неудачным сороковым ходом... А ведь тогда матч практически закончился бы: никакому бойцу не под силу выиграть на самом финише матча на первенство мира три партии подряд.

Очевидно, чувство досады (надо же, выпустить из рук такую близкую победу!) не оставляло Каспарова в те часы, что разделяли двадцать первую и двадцать вторую партии. Дебют в двадцать второй он выбрал не очень удачно. Игра, правда, развивалась в границах равновесия, но микродавление постоянно оказывал Карпов. Не форсируя событий, он все нагнетал и нагнетал давление, Каспаров, испытывая перед контролем недостаток времени, сделал несколько резких, цейтнотных движений, и партия была отложена в эндшпиле, при беглом взгляде на который было ясно — доигрываться она не будет.

Так оно и случилось. Теперь только очко разделяло соперников — 11,5:10,5 в пользу Каспарова. Снова ситуация взвинчена до предела!

В двадцать третьей до определенного момента Каспаров играет превосходно, переигрывая соперника уже на его поле — в спокойной, несколько даже статичной позиции. Но очень уж велика была цена победы в этой партии; не знаю, это ли подействовало на претендента, или он чересчур перевоплотился в своего партнера, только где-то перед контролем он решил подержать позицию, боясь расплескать свой перевес, не предпринял активных действий, не пошел на добивание и позволил черным наладить контригру. Строго говоря, мне и заключительная позиция кажется чуть-чуть привлекательнее для Каспарова, но можно понять Гарри, когда, вконец расстроенный, он не захотел ее играть...

И вот наступает то, о чем только могли мечтать поклонники Хичкока: все решается в последней, двадцать четвертой, партии, причем отстающий в счете играет белыми — воздушный полет под куполом цирка, без лонжей и страховочной сетки, смертельный риск, слабонервных просят не смотреть... Такое было только в матче Ботвинник — Бронштейн, когда Бронштейн при счете 11,5:11,5 играл белыми. Статистика показывала, что выиграть завершающую партию «на заказ» слишком сложно. Тут можно вспомнить тридцатую партию матча Алехина с Эйве, можно вспомнить партии Ботвинника с Бронштейном и со Смысловым. И Гарик просто очень большой молодец, что в этой партии, хотя его вполне устраивала ничья, не играл на удержание.*

---

* Хичкок — английский кинорежиссер, создатель «фильмов ужасов».

Это было и зовом крови, и вместе с тем очень мудрым решением, так как рассчитывать отсидеться было крайне рискованно. А тут с первых же ходов началась военная игра, причем где-то перевес был у белых. Когда же черные перехватили инициативу (это случилось уже после двадцать седьмого хода — Ле7), это уже был гимн сицилианке! В подобных вариантах если белые не дают мат до тридцатого хода, то часто получают его к сороковому. Тут до мата не дошло, но атака черных была неотразимой. А «всего-то» и надо было — заставить себя просто играть в шахматы, не считаясь с тем, что снимается «фильм ужасов» и тебе отведена в нем одна из главных ролей, — фильм ужасов без дублей, полет под куполом — без страховки!

В гораздо более безобидной ситуации (высота «купола» в Монпелье на претендентском турнире, будем объективны, пониже, чем в зале Чайковского), за два тура до завершения турнира в Монпелье я не сумел заставить себя сделать это — «просто играть в шахматы». Начал играть на удержание и был наказан, проиграв партию с американцем Сейраваном (наказан за секундное расслабление: мне вдруг захотелось закончить турнир, и в отличной для себя позиции я предложил ничью, на что Сейраван никак не реагировал, и я, естественно, начал возбуждаться, сделал второсортный ход, пропустил его ответ и уже в ничейной позиции заиграл на выигрыш) и сделав ничью с аутсайдером турнира канадцем Спраггеттом (я просто перепутал коней: на бланке записал ход одним конем — этот ход вел к быстрому выигрышу, — но на доске пожертвовал другого, то есть сделал ход, которого вообще не рассматривал). Конечно, можно все списать на нервы: последний тур, все висит на волоске. Нервы, конечно, расходятся, шалят,

подводят, но еще больше подводит — измена себе самому.

Гарик себе не изменил и был за все вознагражден.

«Шахма́ты — правильная игра, — любит повторять сеньор Мигель. — Правильная в том смысле, что справедливая».

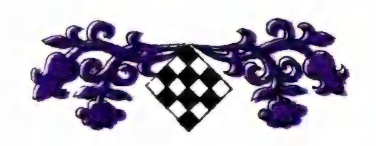
Справедливость шахмат в том, что они вознаграждают человека за отвагу ума, за работу таланта, за неуступчивость характера и самостоятельность мысли и наказывают за отсутствие или ослабленность этих качеств. Нет ни одной человеческой слабости, которая так или иначе не повлияла бы на шахматные результаты. Да и мало найдется человеческих достоинств, которые не пригодились бы в этой игре. В какой еще деятельности существует столь тесная и столь справедливая связь между поведением, образом жизни и результатом, как в шахматах!

За все воздается в шахматах, за все: и за преувеличивание своих достоинств, самомнение, и за самоумаление, за миг сомнения при ударе, за фатализм, за прагматизм, за промедление, что смерти подобно, и за чрезмерное упоение боем — за все, за все... В этом шахматы очень похожи на жизнь, только в жизни воздаяние наступает не так стремительно и не так неотвратимо.

«Шахматы — игра гармоничная и справедливая», — вторит гроссмейстеру Мигелю Найдорфу... кто бы вы думали? — тринадцатый чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров.

Вскоре после завоевания «короны» журналисты спросили бакинца, почему он не играл на ничью двадцать четвертую партию — ведь он сильно рисковал?

И Каспаров ответил: «Шахматы — игра гармоничная и справедливая. Хорошая подготовка и поиск за доской неизбежно приводят к благоприятному результату. Я играл в свою игру — только так, не изменяя себе, надо побеждать в соревнованиях высшего ранга».

Глава третья

СУРОВЫЙ НРАВ БАЛТИКИ

— Послушай, Китти, а в шахматы играть ты умеешь? Не смейся, милая, я тебя серьезно спрашиваю. Когда мы сегодня играли, ты так смотрела на доску, как будто понимала все ходы: а когда я сказала: «Шах!», ты замурлыкала. Ах, Китти, какой это был хороший ход! И я бы, конечно, выиграла, если б не этот противный конь! Как это он подобрался к моим фигурам!

«Здравствуйте, коллега! Можно мне теперь вас так называть?.. Поздравляю, поздравляю!!. Вчера просто не успел, потому что... Вот именно. Спасибо, что не забыли. Должен заметить, что вчера вы играли прилично... О, это немало — играть в шахматы прилично!.. Позвольте поинтересоваться, а что вы заготовили на d4.. Ах, вот как!.. И все же, если бы он сыграл d4?.. Ах, так — даже не рассматривали, были уверены в e4... Ну, ну... Еще раз от всей души поздравляю, коллега!»

Восьмой чемпион мира по шахматам Михаил Таль из своего номера (1323!) на тринадцатом этаже московской гостиницы «Спорт», куда он поселился полчаса назад, поздравлял новоиспеченного, тринадцатого, чемпиона мира Гарри Каспарова, одержавшего вчера, 9 ноября 1985 года, в день рождения

М. Таля, победу в двадцать четвертой партии своего матча с Анатолием Карповым.

День рождения Таль провел в домашнем кругу, в Риге, куда прилетел всего несколько дней назад из Монпелье (разумеется, через Москву; дело было в канун 7 ноября, билетов на Ригу не было, выручили земляки, динамовские хоккеисты, взяли с собой гроссмейстера на одно из мест, закупленных под клюшки и амуницию), но утром 10 ноября снова приземлился в Шереметьево и через всю Москву примчался на Ленинский проспект, в возлюбленный свой «Спорт», и едва разместился, был атакован людьми Тимура (азербайджанское кино), профессором Азером Зейналлы (интервью для бакинских «Шахмат»), международным арбитром Альфредом Дэуэлем (ленинградская газета «Смена»), капитанами второго ранга Борисом Гельманом и Борисом Мельниковым (севастопольская морская газета). Удовлетворив всех желающих, экс-чемпион, не заглядывая в записную книжечку, повращал телефонный диск и поздравил Клару Шагеновну Каспарову с триумфом Гарика. Ну, а потом мама позвала к телефону сына, и Таль поговорил с Каспаровым как коллега с коллегой...

Соавтору М. Таля удалось поговорить с Г. Каспаровым — «как коллега с коллегой» — лишь на следующий день. Этому предшествовала послематчевая пресс-конференция нового шахматного «короля», на которой он предложил журналистам, освещавшим матч, сыграть с ним и его штабом в... футбол.

Редактор-консультант рижского журнала «Шахматы», тренер-консультант чемпиона мира А. Карпова во время его матчей в Багио и Мерано М. Таль, ссылаясь на свой опыт вратаря (университетская эпоха) и опыт общения с шахматным «нападающим» Каспаровым, дал предматчевую консультацию своему

соавтору, вызвавшемуся играть в «голу» сборной журналистов (других претендентов на роль голкипера почему-то не оказалось — только в перерыве после первого тайма, в медпункте футбольно-атлетического комплекса ЦСКА, где вратарю журналистов перебинтовывали левую руку с выбитым пальцем, он понял, почему никто из хорошо информированных московских журналистов не рвался в ворота). Тренер-консультант не советовал сборной журналистов увлекаться персональной опекой центрфорварда команды шахматистов, ибо если уж он сумел высвободиться из пут такого непревзойденного защитника, как Анатолий Евгеньевич, то, надо полагать, с Диего (Дмитрием) Мысяковым из «Комсомолки» как-нибудь разберется. Соавтору-вратарю консультант советовал не суетиться, и если уж не удастся выйти из игры сухим, то не пропускать голы ни от кого, за исключением ослабленного двумя долгими шахматными матчами центрфорварда...

Когда-то, примерно в те же времена, что и Таль, я играл в воротах. В футбольных — и когда по ним били ногами, и когда бросали мяч руками (еще застал гандбол 11×11). Стоял и в гандбольных воротах в залах. В общем, некоторое представление о том, как берут-отбивают мячи, имею. Впрочем, когда это было... Ты еще думаешь, что можешь достать мяч из нижнего угла или броситься в ноги прорвавшемуся к твоим воротам нападающему, но как бы не так... Броситься-то, конечно, бросишься (десятки фото- и кинокамер направлены на тебя, то есть не на тебя, а на героя дня, но рвется-то он к твоим воротам; за ними сам Владимир Перетурин нахваливает атлетические стати, скоростные данные и технику обращения с мячом нового чемпиона, — стало быть, матч снимает Центральное телевидение, глядишь, в «Фут-

больное обозрение» попадем!) — как тут не броситься под ноги неукротимому чемпиону, — предварительно закрыв глаза, защищенные стеклами очков, что, кажется, — соображаешь в последний момент — в данных условиях скорее не защищает, а... Обошлось, однако. И еще раз обошлось: хлесткий удар у центра нападения из Баку; родись он на три десятка лет раньше, имел бы шансы играть в бакинской команде рядом с Алекпером Мамедовым и Юрием Кузнецовым, а потом — прямым ходом, проторенной тропой — за московское «Динамо», за которое мы с соавтором-консультантом болеем с осени сорок пятого, с победоносной для отечественного футбола осенней поездки Хомича, Бескова, Семичастного, Боброва на родину футбола...

Фоторепортеров моя прыть вовсе не воодушевила.

— Коллега, мы вам мысленно аплодируем, но разрешите напомнить, что собрались мы здесь совсем по другому поводу...

И, видя мою растерянность (у бакинских ворот тем временем заслуженный мастер спорта комментатор Гостелерадио Евгений Майоров подавал угловой — корреспондентов за бакинскими воротами совсем не было), мой добрый знакомый севастополец Боря Мельников утешил меня:

— Я щелкнул... Снимки пришлю, ты меня знаешь. Береги палец, смотри, как рука распухла.

Стоило Диего из «Комсомолки», присматривавшему за Каспаровым, забыть о своем подопечном и рвануться на передачу Майорова, как бакинцы перехватили мяч; Александр Никитин, тренер чемпиона, прокинул мяч Каспарову на ход, и он, словно танк средних размеров, словно Эдик Стрельцов в кубковом матче середины пятидесятых с тбилисским «Динамо», газанул по зеленому пластику, нежному

с виду, но обжигающему кожу чище молодой крапивы, и, не доходя до моих ворот метров шесть-семь, засандалил мячишко в сетку со стрельцовской точностью, ибо, как писали в свое время театральные критики, рецензировавшие игру непревзойденного нашего бомбардира: «Мяч, посланный Стрельцовым, имеет глаза».

Второй мяч чемпион тоже забил с игры, не помню уж точно, при каких обстоятельствах...

Третий гол Каспарова (от других бакинцев, помня указания тренера-консультанта, не пропускал, от чемпиона же пропускал, но вовсе не для того, чтобы порадовать фотокорреспондентов и Перетурина) помню хорошо, но предпочитаю, чтобы о нем рассказали другие. Слово — Александру Секретареву, фотокорреспонденту «Комсомольской правды», сделавшему вместе с Евгением Успенским снимок бьющего по мячу Каспарова и прокомментировавшему этот «снимок в номер» в журнале «Журналист»:

«Авторам немного «не повезло» в тот вечер. Хотелось сыграть за сборную журналистов и в то же время необходимо было сделать снимок чемпиона мира, играющего в футбол через день после окончания труднейшего шахматного марафона. Выручила сама игра, кульминационный момент которой наступил, когда время матча уже истекло.

...Заканчивалась последняя минута, когда защитник сборной журналистов Дмитрий Мысяков («Комсомольская правда») сыграл рукой. Судивший встречу Александр Львов («Спортивная Москва») назначил пенальти. По законам игры, он пробивается даже тогда, если время матча истекло. Счет к этому моменту был 3:2 в пользу сборной журналистов. Пока Гарри Каспаров готовился пробить пенальти, было достаточно времени, чтобы отойти за ворота,

приготовить камеру и навести, как у нас говорят, резкостью «по мячу». Вратарь сборной журналистов Алексей Самойлов (журнал «Аврора») в эти секунды пытался решить, в какой угол будет бить чемпион мира. Каспаров разбежался и хлестко пробил. Затвор фотокамеры отработал 1/250 секунды...

Алексей Самойлов угадал угол, в который будет бить чемпион. Но мяча не удержал. Удар был хорош! Таким образом, счет сравнялся, а чемпион сделал хет-трик (провел три гола) в этом матче».

Последующая работа над этим повествованием, прерывавшаяся отъездами соавтора-консультанта на турниры в Тбилиси, Рейкьявик, Брюссель (здесь он встретился за доской с обоими нашими героями), в Суботицу (для Каспарова «тринадцать» — самое счастливое число, чего не скажешь о Тале — в тринадцатом туре межзонального турнира он проиграл едва ли не слабейшему участнику — Прасаду из Индии, — проиграл, получив превосходную позицию; этого очка не хватило ему, чтобы выиграть турнир и войти в число претендентов), сопровождалась, едва речь заходила о колоссальной энергоемкости нового чемпиона, участливо-ехидным вопросом одного соавтора, обращенным к другому: «Кстати, как палец — еще не функционирует?» Случалось мне ломать и руки, и ноги, но через три-четыре месяца все заживало и забывалось, а тут какой-то мизинец, и перелома нет, а ноет и ноет чуть ли не год... Пришлось в очередной приезд в Ригу показать ушибленную чемпионом конечность олимпийской чемпионке по метанию копья Инесе Яунземе, врачу-травматологу, о которой я когда-то написал очерк. Доктор успокоила: ничего серьезного, поболит и перестанет, но болеть будет долго, неприятная травма (что-то она назвала по-латыни), наберитесь терпения...

После того футбола я, кажется, понял, почему во время второго матча с Карповым Каспаров читал сочинение Иоганна Готфрида Гердера «Идеи к философии истории человечества». Понял, почему он, собираясь на очередную партию матча-84, слушал Высоцкого, всегда одну и ту же песню — «Кони привередливые» («...хоть немного еще постою на краю...»).

Разве не Гердер был главным вдохновителем революционного движения в Германии в конце XVIII века «Буря и натиск»? Ну, а с Высоцким... Надо ли объяснять: на краю пропасти Каспаров и был тогда, больше двух месяцев ходил по самому по краю и спасся, уцелел, не разбился — не чудо ли?..

Буря и натиск во всем, всегда... Во всяком случае, в игре. И уж если быть совсем точным — в футболе. За это ручаюсь. На своей шкуре почувствовал. Что же касается шахмат...

Чтобы оценить стиль Каспарова, нужно воспользоваться термином, заимствованным из футбола. Каспаров играет в тотальные шахматы, как голландцы, ведомые Круиффом, играли в тотальный футбол. Помнится, этот несколько расплывчатый термин означал способность команды постоянно поддерживать давление в «паровом котле» игры, предельную активность игроков в ходе матча, умение каждого из них квалифицированно сыграть на любом месте, в любой линии.

Каспаров играет в взрывные, исключительно динамичные шахматы, причем его игра подкреплена колоссальными теоретическими знаниями. Его стиль — сочетание удивительной фантазии, логики и постоян-

ное стремление придать игре привкус динамизма. Приходилось слышать и читать, что Каспаров похож на Алехина и Таля. Мне-то лестно, когда приводят такие параллели, но прежде всего Каспаров похож на Каспарова.

Вы спрашиваете о матче-реванше... (Наш разговор с Михаилом Талем происходил 13 ноября 1985 года все в том же номере гостиницы «Спорт». — *А. С.*) *Думаю, что он состоится, хотя это вопрос к Анатолию Евгеньевичу... Если Карпов воспользуется своим правом на матч-реванш, то, конечно, придет на него не с пустыми руками. Должен предостеречь самого молодого чемпиона мира от заготавливания впрок лавровых венков. Говорю об этом, исходя из своего личного опыта. Гарри Кимович отобрал у меня приятный, но неофициальный титул «самого молодого чемпиона мира по шахматам». Если Каспаров будет считать соперника поверженным, если не будет совершенствоваться в шахматном искусстве, как делал до сих пор, его шансы отнять у меня другое неофициальное, но куда менее приятное звание «самого молодого экс-чемпиона мира», резко возрастут.*

Судя по первым шестнадцати партиям матча-реванша, Каспаров не помышлял отобрать у Таля второй неофициальный титул. И года не царствовал он на шахматном троне, тяжести шапки Мономаха еще не ощутил, — да и какая это тяжесть для сознающего свое право на верховную власть!

Как писал острослов и, кстати, поклонник Каиссы поэт Николай Глазков: «Тяжела ты, шапка Мономаха, но без тебя намного тяжелей...» Вот именно — тяжелей. Догадывался об этом и раньше, но, только примерив, понял, сколь сладостна тяжесть эта, сколь

много значит эта шапка в глазах окружающих, сколь многого позволяет добиться авторитет верховной шахматной власти.

Шахматы — справедливая игра, и кому как не чемпиону, первому в этой игре, добиваться справедливости во всем, что касается шахмат вообще и оспаривания шапки Мономаха в частности. Никто не может прерывать по своему усмотрению матча на первенство мира: ни президент ФИДЕ, ни сам господь бог, как сказал бы Роберт Фишер, у которого с богом были свои сложные, не до конца выясненные отношения (однажды Фишер признался, что их партия с богом скорее всего закончилась бы вничью, хотя, добавил Фишер, он все-таки не знает, чем бы бог мог ответить на его, Фишера, е4...). Многое в шахматах на высшем уровне нуждается в реформах, нельзя допустить, чтобы функционеры, чиновники решали проблемы шахмат без участия ведущих гроссмейстеров мира, возглавляемых, конечно же, чемпионом. Да, надо добиться того, чтобы шахматисты заправляли делами в своем шахматном доме — ФИДЕ...

Возможно, кому-то из чемпионов и была тяжела шапка Мономаха. Долг — он ведь давит, обязывает, взыскует. Себе уже не принадлежишь, как прежде, и должен держать себя в струне (а это не всем удается), и чувствуешь себя пастырем, духовным наставителем, организатором шахматного движения, не имея для этого решительно никаких данных, и мучаешься от невозможности исполнить свой долг, и играешь меж тем все слабее, ибо мучаешься, разрываешься на части... Тяжела ты, шапка Мономаха, доставшаяся слабому (не талантом — духом, волей), неупорядоченному, нецелеустремленному, нечестолюбивому. Им тяжела, а ему — браво Глазков! — без нее намного тяжелей. А раз так, не может быть и речи

о легкомысленном отношении ни к матчу-реваншу, ни к какому другому единоборству с Карповым. Вот и Таль в «Советской России» предостерегает его от заготавливания впрок лавровых венков, напоминает ему печальный опыт ярчайшего, но недолгого своего чемпионства... Как там написала Милунка Лазаревич в белградской «Политике»: «Каспаров много говорит, Фишер — молчит, Таль — богемит...» Не очень-то по-русски — «богемит», но смысл понятен. Но он-то, Каспаров, из другого теста, и, при всем его нежном отношении к Михаилу Нехемьевичу, при всем преклонении перед его удивительным шахматным даром, он свою жизнь строит не по «нарушителю конвенции» Талю, а по строгому ревнителю законов гармонии и логики, в высшей степени разумнейшему Ботвиннику — Ботвиннику, который в матче-реванше, год спустя, и отобрал у Таля титул чемпиона мира. Интересно: а на что намекает Милунка, талантливейшая женщина (мало того, что вполне прилично для гроссмейстера-женщины играла сицилианку и, как говорили, оказалась чуть ли не единственной в пресс-центре, кто после двадцать седьмого хода черных Ле7 предсказала неотразимую атаку черных в двадцать четвертой партии, — мало того, что в шахматах она сведуща, так еще прилично переводит на сербскохорватский Цветаеву и Есенина и сама пишет умно и злоязыко), когда утверждает, что Каспаров много говорит?.. Неужели не понятно, что Каспарову пришлось растолковывать свою точку зрения относительно беспрецедентного решения Кампоманеса и всей бури, что поднялась после того, первого, матча? А если понятно, то зачем же писать с ехидцей? Или просто характер такой?..

Я знаю, как Каспаров относится к президенту ФИДЕ, к Милунке Лазаревич и Сергею Есенину, но

понятия не имею об отношении чемпиона к Николаю Глазкову, его словам о шапке Мономаха и словам Милунки о том, что он, Гарри Каспаров, «много говорит». Тем не менее, полагаясь на филологическое образование и чувство юмора тринадцатого чемпиона, я связал все эти сведения как бы его внутренним монологом — распространенным приемом в беллетристике, однако не вполне законным в документалистике.

Спешу сказать об этом во избежание недоразумений. В конце концов имеет право соавтор нешахматный хоть на какую-то вольность, не задевающую ничьего достоинства, не бросающего тень ни на чью репутацию. Право, совсем уж недомысливая, невозможно писать даже документалистику — иначе получается реестр побед и поражений, сдобренный наблюдениями репортера, неизбежно поверхностными, ибо он видит только то, что доступно глазу.

Ну, конечно, при первой же возможности документировать движение души героев, их настроения, их внутреннее состояние, автор обязан это сделать. Обязан — и делает...

Когда после шестнадцати партий матча-реванша чемпион (вы не забыли, что чемпион — и в мире, и в нашем повествовании — уже не Карпов, а Каспаров?) повел в счете три очка (9,5:6,5), он не мог не сказать себе: «Все. Дело сделано. Матч на этом практически закончен».

Для такого предположения есть веские основания: признания самого Каспарова, естественно, сделанные им после матча. Прежде чем сослаться на них, замечу, что из колеи игрока выбивает не только досадное поражение, но и эффективная победа. Отдача от выстрела, особенно такого оглушительного, как в шест-

надцатой партии, бывает столь велика, что бомбардир не сразу приходит в себя. Иной удачливый пушкарь, флегматик по натуре, перевозбуждается, становится неприлично говорлив и хвастлив, теряет чувство реальности и с треском продувает следующую партию, что, как правило, приводит его в чувство. Другой — торопыга, максималист, вкладывающийся в партию без остатка, самовозбуждающийся до предела от сознания своей талантливости и удачливости, — обмякает, сникает, продолжая в полусонной послепобедной эйфории переживать недавнюю свою вдохновенность, стремительно разряжая вышедшими из-под контроля переживаниями аккумуляторы психической энергии.

Кому-то надо быть особенно бдительным после поражения. Гарри Каспарову — после победы.

— Очень серьезный спад был у меня после шестнадцатой партии, — сказал чемпион по Центральному телевидению 17 ноября 1986 года. — Ведь ясно же, что матч уже закончился.

Месяцем раньше корреспондент «Литературной газеты» Юрий Рост спросил у отстоявшего свой титул чемпиона:

— После шестнадцатой партии вы имели в запасе три выигранных очка, а потом произошел спад. Вам трудно играть после побед?

И чемпион ответил:

— На шестнадцатую партию я действительно потратился серьезно. Кроме того, пришла уверенность, что матч выигран. Даже не по счету, просто игровая тенденция была благоприятная для меня. Я не представлял себе не то, что могу проиграть четыре партии, — одну казалось сдать сопернику невозможным. Когда с таким настроением выходишь на партию, наказание не заставляет себя ждать...

И, словно продолжая это интервью, через месяц скажет по телевидению:

— Я вышел на семнадцатую партию морально опустошенным... Казалось, и одну партию не смогу проиграть, не то что четыре... Возмездие последовало неотвратимо.

Чувствуете, как неумолчно звучит в шахматном повествовании тема рока, судьбы, что следит в королевстве Каиссы за соблюдением справедливости, ибо, согласно Найдорфу и Каспарову, шахматы — правильная игра. Справедливая, но — **игра.**

Не забыть бы всем нам, что, будучи грандиозным изобретением человеческого гения, шахматы все же только игра, и не стоит превращать матч двух самых искусных в мире игроков в некий всемирно-исторический конфликт, а из радостного, яркого праздника, каким по идее должен быть такой матч, делать нечто очень важное, очень серьезное и очень хмурое. Зачем столько крепких молодых людей с красными повязками у всех входов и выходов на лестницах, в фойе, у буфетов, у киосков с сувенирами? Почему достать билет в зал практически невозможно? Почему взрослых людей с фото- и кинокамерами, официально аккредитованных на матче, выдворяют из зала через три минуты после начала партии словно напроказивших детсадников? Правила, правила... Но ведь люди и устанавливают правила, и следят за их соблюдением...

Я уже и не рад был, что уговорил телевизионного режиссера провести своего доброго знакомого, ленинградского писателя, как «почетного гостя» на семнадцатую партию. Уговаривать, честно сказать, режиссера не пришлось: у писателя громкое имя, его читают и почитают в нашей стране, его переводят в Европе, Японии и Америке, его фильмы идут в кинотеатрах и по телевидению, журнальные книжки с его но-

вой повестью нарасхват, — в общем, он достиг такой популярности, при которой, перефразируя ответ Владимира Высоцкого на вопрос одной полушутейной анкеты, всюду пускают... Всюду, но не на шахматный матч-реванш. А когда пустили на матч (все по тому же «неразменному» пропуску-билету, каким пользовался накануне знаменитый тренер), то никак не хотели пускать в пресс-центр, и потребовались дополнительные усилия отечественного пресс-корпуса, чтобы писатель спустился в наши зеркальные апартаменты, где ему был оказан самый радушный прием, потому как сотрудники и обитатели пресс-центра — люди интеллигентные, книжки и толстые журналы читают и готовы всемерно удовлетворить любознательность писателя, естественно (профессиональный долг!), тут же попросив разрешение взять у него интервью...

Так чему же я был не рад, коли все так благополучно обошлось и устроилось? А тому, что мне попало за все просчеты организаторов, за то, что шахматы (вспомните Д. Бронштейна) «утратили доброту», за то, что, оказывается, в шахматы не столько играют, сколько — сражаются; за эти немыслимые и нелепые строгости с пропусками, словно спускаешься не в Зеркальный зал концертного комплекса, а в кладовые Госбанка, где хранятся золотые запасы страны... И даже за то попало мне от писателя, что эти двое молодых людей там, на сцене, все воспринимают столь драматично, столь потрясенно, словно они трагические персонажи, словно речь идет о жизни и смерти, а не о победе и поражении в спортивной игре, ну, хорошо-хорошо, не просто в спортивной, но в игре же, с этим не поспоришь...

Писатель ценил в шахматах элемент интеллектуального вызова, дерзости, риска, о чем я не без некото-

рого удивления узнал из опубликованных в разных изданиях интервью, появившихся после его посещения Концертного зала «Ленинград» в качестве «почетного гостя». Надо же, о стольком мы переговорили, включая и шахматы, но никогда он не признавался, что любит эту игру и, что уж совсем удивительно, предпочитает, оказывается, игру в духе Таля — Каспарова, а не Ботвинника, Смыслова, Карпова... Впрочем, писатель — человек сдержанный, закрытый и меньше всего говорит о себе, еще меньше, пожалуй, чем о новой своей работе, той, что лежит сейчас у него на письменном столе.

Шахматные сюжеты, как понял я из прежних наших встреч еще до матча, очень занимали его, хотя о шахматах он никогда не писал, разве что в первом его романе есть шахматная сцена. Не будучи сколь-нибудь искусным шахматистом, он преклонялся перед пытливым разумом, перед мощью человеческого интеллекта, воплощенного в трудах ученых, героев многих его произведений, и готов был с тем же пиететом отнестись (и относился) к фигурам крупных шахматистов... Близко никого из гроссмейстеров он не знал, судьба подарила ему встречи с выдающимися физиками, биологами; крупный ученый, он убедился в этом, далеко не всегда крупный человек; сильный интеллект прекрасно уживается с далеко не безупречными моральными качествами; высота разума, случается, соседствует с человеческой низостью. Он предполагал, что и среди шахматистов — как части человечества — тоже встречаются особи небезупречные в нравственном отношении, но чего никогда не мог предположить, так того, что заниматься шахматами и достигать в них немалых успехов могут люди, которых при всем желании нельзя назвать очень умными. Это открытие он сделал, прочитав две книги,

написанные известными шахматистами, и удивившись мелочности, честолюбию, сквалыжничеству мемуаристов, предстающих перед читателями не очень-то умными людьми, что вообще-то бывает, что даже простительно кому-то, но только не шахматистам...

Конечно, я был виноват в том, что потчевал писателя шахматными сюжетами задолго до матча, что оставил его на растерзание своим коллегам-интервьюерам в пресс-центре, но не я же, право, устанавливал строжайший билетно-пропускной режим в Концертном зале «Ленинград», не я вводил всевозможные запреты и ограничения для зрителей, журналистов и писателей, не я виноват в подмене жанров в «Ленинграде» — вместо кем-то ожидаемой озорной пантомимы в духе ленинградских «Лицедеев», вместо костюмированного бала-маскарада, вместо веселого действа — трагическое противостояние двух воль, интеллектов, личностей с неумолимым невидимым Роком, вознаграждающим и карающим по справедливости, и безмолвным дисциплинированным хором, в отличие от античного расположившимся не на сцене, а в зале. «Античный хор» писателю как раз понравился: надо же, умилялся он, сколько собралось в одном месте думающих, размышляющих людей...

Во многом готов согласиться с писателем — только вот как прикажете внести веселье и праздничность в атмосферу матча на первенство мира по шахматам? Ну, хорошо, превратим — с помощью оргмероприятий и повышения общего уровня интеллигентности распорядителей и устроителей — режим наименьшего благоприятствования зрителям матча в режим наибольшего благоприятствования. Это, конечно, уже «кое-что», уже — прогресс. Но самим-то гроссмейстерам, ведущим свои, звездные, споры в Зазеркалье, решающим свои, старые как мир, звездные задачи — па-

денье и сгоранье, — им-то, боюсь, концертная сцена никогда не покажется хорошо оборудованной для веселья — ристалищем, лобным местом, но не карнавалом, нет: это для нас там идет игра, а для них — жизнь, судьба...

От семнадцатой партии ничего интересного я не ждал, о чем и сообщил писателю. Потому как — «в с ё». Многие так думали, почти все, за исключением, как выяснилось, Анатолия Карпова. В глубине души я тоже надеялся, что Карпов не сдастся, повоюет еще, но предпочитал об этом помалкивать, как и все люди игры, попросту боясь «сглазить».

С теми, кто на все лады повторял «всё, всё, всё», писатель не согласился. И когда узнал, что я собираюсь исчезнуть из «Ленинграда» сразу после дебюта семнадцатой партии, попенял мне: «Напрасно, напрасно... Сегодня будет результат. Карпов сегодня победит, вот увидите».

Увидеть победу Карпова мне не пришлось: этот вечер я провел в другом Зазеркалье, сотворенном воображением Сухово-Кобылина и Товстоногова на сцене Большого драматического театра, в выморочно-абсурдном и пугающе достоверном мире Варравиных и Тарелкиных, где Тарелкин — Ивченко вел свою партию оборотня дьявольски изощренно, и была в его игре («Игра идет, игра...» — пели на сцене), технически виртуозной, пластически изысканной, та степень обнажения души человеческой, какой давно не видел я на сцене прославленного нашего театра, может быть, со времен Мышкина — Смоктуновского.

Но и шахматное Зазеркалье не отпускало, и в перерыве я спросил у знакомого гитариста из оркестра БДТ, не слышно ли чего с матча.

— Как же, как же! — встрепенулся тот, словно только и ждал этого вопроса. — По «Маяку» несколь-

ко минут назад передали: у черных труба, залетели по дебюту.

И остальные оркестранты закивали головами: ясное дело — труба, все слышали...

После семнадцатой грянула восемнадцатая.

Трагифарс-мюзикл, почище «Смерти Тарелкина», разыгрывался в восемнадцатой партии. Почти до самого контроля в ней командовал парадом Каспаров, но в цейтноте сделал два самоубийственных хода, отложил партию в худшей позиции, — мог, правда, спасти ее при доигрывании, но прошел мимо ничейного варианта...

Доигрывание восемнадцатой партии должно было проходить в субботу. Написав это, я почувствовал, как вздрогнул мой соавтор. Суббота — Суботица, просаженная им Прасаду партия тринадцатого тура. Но тогда до Суботицы было далеко. Тогда соавтор играл в Сочи на Мемориале Чигорина и, сделав накануне ничью с Ваганяном, был свободен от субботнего доигрывания и ждал в своем номере в «Приморской» моего звонка из Ленинграда с последними известиями с матча-реванша.

Ничью в субботу чемпион просто не увидел, ничью в пятницу — не видел в упор, не хотел замечать, с презрением от нее отвернулся. Болельщики чемпиона и некоторые нейтральные эксперты обрушились на молодого гроссмейстера, порицая его за то, что в жесточайшем цейтноте он играл резко на выигрыш, вместо того чтобы форсировать ничью, ведя в счете два очка. «И зачем ему это нужно?» — спрашивали одни, а другие отвечали: «Что вы хотите — молодой, горячий...» И хотя сеньора Мигеля не было в Ленинграде, мне казалось, что и он в своем Буэнос-Айресе качает одуванчиковой головой и вздыхает удивленно: «Мальчик, он все еще мальчик. Зачем на мат играть?

Так неможно... Шахма́ты — правильная игра». И снова упрекали Каспарова в недостаточной осмотрительности, в нехватке благоразумия. «И зачем ему это нужно?» — в устах пылких обожателей бакинского гроссмейстера вопрос был риторическим, ответа не требующим, но если все же попытаться на него ответить?.. И я позвонил в Сочи...

Зачем ему это нужно?

Ему, то есть чемпиону мира, а чемпион мира — категория не только спортивная, но и творческая... Гарри Каспарова интересует не только звание чемпиона мира само по себе, но и репутация чемпиона мира. Никто, думаю, не кинул бы в него камень, если бы при счете 9,5:6,5 он спокойно и благоразумно доигрывал матч, предоставив право рисковать своему сопернику. Никто, повторяю, не кинул бы в него камень за это, только сам чемпион мира такого благоразумия никогда бы себе не простил.

Что касается того, какой стратегии надо придерживаться участнику матча на высшем уровне, оторвавшись от противника на три очка, — об этом с исчерпывающей полнотой сказано у Михаила Моисеевича Ботвинника в его книге «Матч-реванш Смыслов — Ботвинник. 1958». «Перевес в три очка дал мне серьезный козырь, который я не сразу догадался использовать, — возможность придерживаться осторожной тактики; это большое преимущество в матчевой борьбе между равными противниками. В общем я придерживался этой спортивной тактики до конца матча в уверенности, что она приведет к еще большему разрыву в очках, ибо должен был наступить момент, когда мой партнер начнет нервничать и потеряет терпение...»

Убежден, что Гарри прекрасно знал эту мысль своего шахматного наставника. Подозреваю, что в ходе этого матча, когда разрыв составил три очка, он сам вспомнил об этом серьезном козыре. Знал, вспоминал эти слова, но, очевидно, считал для себя неудобным, невозможным следовать на этот раз совету своего учителя.

На игрока действует не сам факт поражения, а характер неудачи. Человеку, которому, по собственному признанию, более всего интересны взрывные моменты в истории, самое неприятное подорваться на собственной мине, почувствовать, что всегдашний фарт любителя «постоять на краю» покинул его, выпустить победу, которую он уже держал за гриву обеими руками.

Послевкусие такой выпущенной победы хинное. И горечь ее не целительна.

Какие приборы-анализаторы способны зафиксировать эту горечь души? Никакие, кроме самой души. Твоей и твоего соперника. По мельчайшим приметам, недоступным постороннему взору, догадываются долгоиграющие матчевые бойцы о состоянии друг друга; у них возникает, по словам одного из шахматных чемпионов, явление своего рода «мозгового резонанса», когда одному сопернику начинает казаться, что другой полностью проник в его мысли и идет его путями, ход в ход, такт в такт, — и другому мерещится то же самое, аж жуть берет.

Им еще играть и играть друг с другом, Каспарову и Карпову, и пока им не разойтись на одной узкой дорожке, мы не узнаем, испытывали они «мозговой резонанс» или нет; ощущали настроение партнера (и если да, то по каким признакам) или без всяких

видимых причин, просто «верхним чутьем»... А когда мы чего-то точно не знаем, мы — предполагаем, включая свое «верхнее чутье», хотя и отдаем себе отчет в его несовершенстве и приблизительности полученных от его применения данных.

Согласно нашему предположению, Каспарова чрезвычайно сильно расстроил исход (именно исход, нелогичный, несправедливый, с его точки зрения, так как игра складывалась для него как нельзя лучше) восемнадцатой партии, и, сверх меры превысив «чашу горечи вчерашней» досадой на себя, тоже чрезмерной, он был не в состоянии собраться на бой в девятнадцатой партии с противником, воспрявшим духом, а впрочем, на мой-то взгляд, никогда духом и не падавшим, греху уныния, тоски и подавленности вообще не подверженном.

После девятнадцатой партии счет сравнялся. А вы говорили — «всё»!

Вы просто плохо знали Карпова! И Карпова, да и Каспарова тоже.

Поскольку доводами разума объяснить все эти игровые метаморфозы (уже вроде бы окончившийся матч, как выяснилось, должен начинаться заново, с нуля) было чрезвычайно сложно, оставалось предположить, что некий Верховный распорядитель Игры, некий Шишок-домовой Зеркального зала и Зазеркалья, проникший на матч с помощью нечистой силы, придал игре — не той, что на шестидесяти четырех клетках, а той, что клубится, роится в Концертном зале «Ленинград», — ярко выраженный иррациональный характер.

Что такое иррациональное в шахматах, надеюсь, вы уже поняли с помощью соавтора-консультанта. Иррациональное же вокруг и около шахмат принципиально не постижимо. Когда земля полнится слу-

хами, чувствуешь, что вместе с Алисой попал в Зазеркалье, откуда выхода на белый свет с его здравым смыслом просто нет...

С-III. Мой брат Жора коллекционирует всевозможные курьезы, анекдоты, байки, записывая их в толстые альбомы; один из них отведен целиком шахматам и содержит таких побасенок шесть тысяч — столько шахматных партий в год обычно просматривает Гарри Каспаров.

На матч-реванш мой брат ходил как на работу — потолкаться в толпе не попавших в концертный зал, вовсе не стремившихся туда попасть и пришедших сюда, как и он, потолкаться, разжиться свежими новостями у случайно оказавшейся на набережной Невы гуляющей публики.

Число слухов на единицу площади, отшлифованной сотнями ног у входа в концертный зал, возросло в геометрической прогрессии после того, как Каспаров проиграл три партии подряд. Слухи густели, достигая консистенции версии. Согласно одной версии, чемпион отравился некачественными продуктами, завезенными в его резиденцию на Каменном острове. Согласно другой версии, помощники чемпиона оказались не теми людьми, за которых себя выдавали, и выдавали его секреты противной стороне, но теперь чемпион всех их прогнал и набрал новый штаб. Согласно третьей версии, в зале появилась женщина-экстрасенс с биополем посильнее, чем у Джуны Давиташвили, и посылает свои лучи на Гарика в момент обдумывания хода, сбивая его мыслительную настройку...

Сначала о тех слухах, которые муссировались и околошахматной публикой, и многими зарубеж-

ными изданиями и были связаны с изменениями в штабе помощников чемпиона мира, о чем он говорил и на послематчевой пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, и в целом ряде телевизионных и газетных интервью. Вот как объяснял он это в беседе с корреспондентом ленинградской молодежной газеты «Смена» Юрием Коршаком: «Подготовку к матчу-реваншу я вел с тем же тренерским составом, с теми, кто мне помогал уже в течение долгого времени: это московский мастер Александр Никитин, международный мастер из Алма-Аты Евгений Владимиров и два гроссмейстера — Геннадий Тимощенко из Новосибирска и Иосиф Дорфман из Львова. Ну, также помогал мне, вел теоретическую работу бакинский мастер Александр Шакаров. Но по ходу матча я понес потери в своем тренерском составе: сначала ушел Тимощенко, потом Владимиров, и команда несколько сократилась, хотя, может быть предчувствуя это, я перед началом матча подготовил определенную замену, и во второй половине мне помогали еще харьковский гроссмейстер Михаил Гуревич и Эльмар Магеррамов из Баку. Закончил матч я с тем же количеством помощников, с каким начал. Я прожил со своими секундантами в шахматах большую жизнь, многое мы видели, многое пережили, прошли большой путь. Могу сказать, что Тимощенко готовился уходить перед матчем, не скрывал этого, такое напряжение не каждому по силам... А после ухода Тимощенко у нас произошел конфликт после девятнадцатой партии. Я бы сказал так: есть вещи, которые невозможно доказать, и доказывать их в общем-то неэтично. К моменту ухода Владимирова — он сделал это самостоятельно после девятнадцатой партии — он вернул мне записи всех переписанных моих дебютов, которые неожиданно оказались у него. Он утвер-

ждает, что сделал это для себя. У меня нет оснований ему не верить, хотя, с другой стороны, у меня нет оснований ему верить, потому что непонятно, зачем надо такие вещи делать в тайне от всей команды».

Момент очень деликатный. Конечно, можно бы обойти, умолчать, сделать вид, что «кадровых» перестановок в штабе чемпиона не было, но подобными умолчаниями мы только плодим слухи и укрепляем малоинформированных любителей шахмат во мнении, что дыма без огня не бывает, что они там, на высшем шахматном уровне, совсем уже не знают никаких моральных табу и пускаются во все тяжкие, чтобы заполучить власть в королевстве Каиссы. Что же прикажете делать? «Самый простой способ борьбы здесь — гласность, — заметил тринадцатый чемпион, отвечая по телефону читателям «Комсомольской правды» вскоре после матча-реванша. — Чем больше будет информации у людей, тем меньше будет домыслов и слухов». Трижды верно. Но как быть с вещами, доказать которые принципиально невозможно? Как вести себя стражам гласности в ситуации, когда у одного человека нет оснований не верить другому человеку и в то же время нет оснований ему верить?

Рискну перевести разговор в другую плоскость. Соглашусь с тем, что некоторые вещи невозможно доказать. Скажу больше: в наших повседневных взаимоотношениях мы не так уж часто руководствуемся принципом презумпции невиновности, полагаясь на свое чувство справедливости, на врожденное и благоприобретенное умение распознавать добро и зло. Стоит только позволить себе взрастить в своей душе «химеру подозрительности» (не суть важно — имеющую основание или беспочвенную), как мир вокруг неизбежно искажается и твое восприятие этого мира,

твои ответы на его вызовы становятся неадекватными. Надо полагать, что химера подозрительности неглубоко проросла в сознании молодого чемпиона и рядом нашлись люди, сумевшие убедить его не сосредоточиваться на этом, не позволить недоверию по отношению к одному из помощников стать навязчивой идеей, как у Виктора Корчного была неотступная мысль о работающем против него психологе-гипнотизере, а позже — экстрасенсе в звании доктора психологии. Как бы то ни было, молодой чемпион, судя по финальной части матча, довольно быстро укротил этого демона и взял себя в руки.

Один из соавторов этого повествования, первым из современных гроссмейстеров попавший под подозрение как гипнотизирующий своих соперников, называет подобные шахматные явления парашахматными, поскольку истолковать их не под силу психологии, а разве что парапсихологии, имеющей дело с сверхчувственным, экстрасенсорным восприятием. В гипнотическом воздействии уже начинают обвинять и Каспарова, а некоторые его доброхоты (сам слышал в фойе зала Чайковского от знакомого московского журналиста, показавшего мне таинственную даму средних лет в темном английском костюме, — «экстрасенс Карпова, мешает думать Каспарову, сидит всегда в девятом ряду»), напротив, обвиняют соперника в том, что он прибегает к услугам парапсихологов высшего класса. Что тут от лукавого, с чем надо считаться всерьез, я до конца не разобрался. Между нами, я тоже экстрасенс не из последних, что, увы, не помогло мне стать чемпионом мира. Впрочем, в шахматном Зазеркалье все возможно. И увидеть, и услышать, и... потребовать.

Давно ли участник матча на звание чемпиона мира требовал, чтобы доктора другого участника от-

садили из первых рядов партера на «камчатку», поскольку из первых рядов его гипнотическо-парапсихологической силы вполне хватает, чтобы загонять противника в цейтнот, а своему подопечному (коего он называл «кентавром») передавать по прямому парапсихологическому каналу сильнейшие ходы...

Строго научных доказательств воздействия парапсихологов на работающий мозг гроссмейстеров пока нет. И все-таки поле — не чудодейственное биополе экстрасенса, а некоторое особое психополе, создаваемое перегревом действующей в запредельных режимах психики, поле, рожденное излучением непрерывно функционирующего мозга, перерабатывающего колоссальные массивы информации в ограниченные промежутки времени, — такое зазеркальное поле Каиссы безусловно существует на матчах за шахматную корону и объясняет многие странные, нелогичные, парадоксальные поступки, жесты, акции находящихся под воздействием этого поля личностей. Это поле рождает и «мозговой резонанс», и голоса, внушающие тебе — в зависимости от матчевого положения, от степени накала боя, от его длительности — то мессианскую уверенность в собственных силах, то фатальную покорность невезению, то настороженность, подозрительность...

Вам не кажется, что наш «сам-третей» уже не вполне подвластен нашей соавторской воле? Вы вполне уверены в корректности такого термина, как придуманное им «психополе», в том, что странности поведения людей надо объяснять особыми законами алогичного и анормального мира Зазеркалья, когда точнее, разумнее было бы говорить о психологических

сбоях как следствиях и спутниках страшной усталости и колоссального нервного напряжения?..

Биополе... Психополе... Парапсихология... Доктора, гипнотизирующие гроссмейстера из четвертого ряда партера... Гроссмейстеры, гипнотизирующие своих визави за шахматным столиком...

Скажите на милость: отчего у людей такая склонность к мистике, отчего иные из них так любят заводить таинственные игры в таинственность, едва речь коснется шахмат?

Сколько мистической чепухи написано хотя бы о гроссмейстере Тале! (Беру пример просто наиболее близкий.) «Дьяволиада» вокруг моего имени сейчас, слава богу, поутихла, шахматным Мефистофелем журналисты меня больше не величают. Последним, кто усмотрел во мне прообраз Князя тьмы, был ленинградский телевизионный режиссер, задумавший многосерийный фильм по мотивам «Мастера и Маргариты» и пригласивший меня на роль мессира Воланда. Но что-то там у режиссера не заладилось, и не удалось мне сыграть таинственного незнакомца, наделавшего как-то дел жарким летом в Москве...

Между тем слухи о моей связи с нечистой силой — прибегнем к помощи Марка Твена — несколько преувеличены. Лично я не подвергался никаким паравоздействиям в ходе игры и не думаю, что на партнера можно повлиять как-то еще, кроме самой игры. Помнится, в 1968 году в Голландии тамошний мастер, сильный шахматный мастер (когда-то у самого Ботвинника выигрывал), психолог по специальности, сказал мне, что у него есть возможность влиять на партнера во время партии. Я ответил, что мало верю в это, и тогда психолог-шахматист предложил сыграть с ним и позволить ему внушать мне всякие сбивающие с толку вещи. Я согласился. Но то ли мой английский

был не очень хорош и я понял не все, что он твердил, то ли еще что, только ничего у голландца не получилось...

А «зухариада» времен Багио, когда Корчной обвинял врача-психолога Карпова доктора Зухаря в парапсихологической обработке?.. Вы уже упомянули об этом, но и я как очевидец хочу сказать свое слово. Тогда перед последней партией восемь медиумов Корчного сидели в первых рядах, шаманили, колдовали, работали в диапазоне парапсихологических волн. Не парапсихология, однако, решила исход последней партии матча в Багио. Претендент выбрал никогда не встречавшийся в его практике дебютный вариант с подмоченной репутацией (я иногда применяю его черными — когда считаю себя обязанным играть резко на победу), и выбор его объясним как раз психологически — парапсихология и прочее шаманство здесь ни при чем. Очевидно, он исходил из того, что чемпион, проигравший на финише три партии из четырех, уже не в состоянии бороться, сломлен морально, и настал самый подходящий момент нанести последний резкий, нокаутирующий удар.

Что касается меня, то свою страсть к таинственному, к магии, нет-нет, не к черной магии, просто к магии как к некоему притягательному, завораживающему началу жизни, содержащему тайну, загадку, я удовлетворяю, когда слушаю божественную итальянскую оперу, Шопена, Листа, когда внимаю волшебному инструменту гениальных пианистов Рихтера и Горовица, открываю душу неповторимому голосу истинно народного поэта Владимира Высоцкого, которого я очень любил, с которым мы дружили, когда читаю Булгакова, Ильфа и Петрова, Марка Твена, Хемингуэя, Айтматова, когда... чуть было не забыл... играю в шахматы.

«Внутри шахматной партии, — заметил Гарри Каспаров, давая одно из первых интервью в новой для себя роли чемпиона мира, — бесчисленное количество тайн. К счастью».

И я, убежденный противник сеансов спиритических (не путать с сеансами шахматными, как и всякий гроссмейстер, ими я не пренебрегаю), тоже в свое время пришел к тому же выводу, что и тринадцатый чемпион. К счастью, и сегодня, в эпоху НТР, в искусстве шахмат нераскрытых тайн еще хватает. И на наш век — это уж точно — хватит. И Анатолию Евгеньевичу с Гарри Кимовичем, находящим в изученных вдоль и поперек позициях совершенно новые продолжения, тоже хватит, и Алеше Широву, моему юному земляку и в какой-то степени — ученику, и Володе Акопяну из школы Ботвинника — Каспарова, чемпиону мира среди «кадетов», и Сереже Тивякову из Краснодара будет что открывать на географической шахматной карте...

Человеческая тяга к тайне, к таинственному, наверное, связана с присущими человеку исследовательским инстинктом и потребностью в игре. С удивления, утверждали древние, начинается любовь к искусству и к философии, а поскольку в шахматах есть и то, и другое, то, стало быть, и к шахматам. И первая удивившая меня тайна шахмат, первая не дававшая мне покоя загадка шахмат: почему взрослые дяди — отец и его друзья — с очень серьезным видом, молча, сосредоточенно смотрят на доску и, словно колдуя, передвигают деревянные фигурки с одной клеточки на другую? Мне в мои пять лет было совершенно непонятно — и эта непонятность, загадочность томила, мучила, требовала разрешения, — почему они сидят как заколдованные, когда можно играть в прятки, пускать бумажного змея, читать толстые книги про зве-

рей с картинками под тонкой папиросной бумагой? Да мало ли на свете интереснейших занятий! Отец показал мне, как ходят фигуры, но шахматист проснулся во мне после того, как я получил детский мат в одной партии. Вот тогда впервые появилась спортивная злость, хотя тогда, конечно, я еще не знал, что это чувство так называется... А позже, очевидно, развил это чувство, и настолько, что не только мифический «сам-третей», но и некоторые вполне реальные коллеги-шахматисты завидуют моему, если угодно, бульдожеству. Я-то себя за доской не вижу, но, говорят, у меня очень суровый, даже свирепый вид... Сознательно, во всяком случае, я себя не разжигаю, не «завожу», в сопернике никогда врага не вижу и если и свирепею, то скорее всего происходит это вполне бессознательно, без участия злой воли.

Бессознательное, таинственный мир подсознания влияет на наши разумные, логичные поступки и решения в гораздо большей мере, чем мы это себе представляем. К шахматам, между прочим, это имеет самое прямое отношение. Безумство шахматной игры, о котором писал комментатор кэрролловских сказок Мартин Гарднер, разве не синоним иррационального в шахматах, не поддающегося точному расчету, прозреваемого с помощью интуиции, проходящей по ведомству бессознательного?

Василий Васильевич однажды сказал, что особенно ценил в Капабланке интуитивное начало, ибо в этом, по его (Смыслова то есть) мнению, выявляется истинный талант шахматиста. У самого Смыслова удивительная интуиция, идущая от глубочайшего понимания шахмат. Великолепная интуиция была и у Тиграна Петросяна, но он, впрочем, как и Смыслов, стремился совсем к иным позициям, нежели Каспаров. К шахматистам чисто интуитивного направления

я бы все-таки нынешнего чемпиона не отнес. Они с самого начала ставят партию на попа, у них сразу же идет какая-то орлянка. А у Гарика нет, у него интуиция основана на информации. Меня поразили в этом плане его партии, сыгранные уже после матча-реванша, в Брюсселе, где он шел на сложнейшие, острейшие позиции, которые его соперники анализировали, но, когда рассеивался дебютный дым, выяснялось, что из дебютного сражения чемпион вышел с колоссальными дивидендами.

Каспаров расправляется со своими партнерами (сейчас речь не о Карпове) в дебюте так, как никто. Тут он преуспел даже больше, чем Фишер! Особенно впечатляет его игра белыми. Известно, что во всех начальных позициях белые имеют какое-то преимущество (перевес белых над черными обычно выражается в соотношении 60:40)... Каспаров выиграл белыми у Карпова в последнем поединке 5:1. После этого на Олимпиаде в Греции набрал белыми 5 из 6, а на турнире в Брюсселе — 4,5 из 5, причем в большом числе партий исход борьбы был предрешен после пятнадцати — двадцати ходов: Каспаров получал позиции, близкие ему по духу и хорошо ему известные.

И хотя сам Каспаров, как мы помним, утверждает, что внутри шахматной партии — бесчисленное количество тайн, он очень интенсивно и последовательно раскрывает тайну за тайной, осваивая шахматы. И хотя тайны в шахматах, к счастью, остаются (как тут не вспомнить мысль гроссмейстера Рихарда Рети: «Для слабого игрока все ясно, а для сильного — все тайна»), все же практика нынешнего чемпиона показывает, что шахматисты, скажем так, в принципе до какой-то степени познаваемы...

Результаты Каспарова черными тоже хороши, но все же не идут в сравнение с достижениями белых.

С другой стороны, шахматист очень высокого класса, по последней табели о рангах — четвертый шахматист мира Артур Юсупов, как это ни парадоксально, черными играет лучше, чем белыми: 8 из 9 набрал он однажды черными в весьма представительном соревновании — невероятный результат! Очевидно, дело в том, что школа Дворецкого, отличного шахматного педагога Марка Дворецкого, тренера Юсупова, принципиально отличается от школы Ботвинника — Каспарова, где акцент в партии делается на все ходы, начиная с первых. У Дворецкого же первые ходы — что-то вроде обязательной программы у фигуристов: ее надо исполнить по возможности хорошо, но самое главное и интересное начинается в произвольной. Она, произвольная программа, то есть миттельшпиль, эндшпиль уже шлифуется со всей тщательностью. Если благополучно проскочить первую часть, то все решается именно там, в произвольной. Правда, соперникам Каспарова, как правило, не удается проскочить начальную стадию...

Сейчас торжествует школа Ботвинника — Каспарова. Возможно, потому, что ее углубленно исследовательский, теоретический подход, расширяющий горизонты познаваемого в шахматах, более ко двору эпохе научно-технической революции. Но скорее всего потому, что главный проводник в жизнь идей этой школы — скажу об этом не в первый раз — обладает удивительным сочетанием ума теоретика, исследователя, ученого и фантазией художника... Не обладающий талантом такого уникального состава, не наделенный такой силой шахматист, овладев принципами этой научной школы, здорово ставил бы дебют и плавал бы в произвольной программе. Ведь получить преимущество по дебюту и выиграть партию — не совсем одно и то же.

Мой соавтор, поддержанный нашим общим другом С-III, кстати относившимся с великолепным пренебрежением щедро обласканного природой игрока к кропотливой и нудноватой работе над дебютом, полагает, что равновеликий по таланту Каспарову и прошедший школу Дворецкого шахматист, наверное, имел бы хорошие шансы проскочить через Сциллу и Харибду в партиях с чемпионом. Ну, я же предупредил, что даю только сеансы одновременной игры в шахматы с особым удовольствием юным шахматистам — в Петрозаводске, Новгороде, Калуге; эти сеансы с часами для гроссмейстера работа серьезная — во Дворцах пионеров у нас народ зубастый... Но в спиритических сеансах, мы же договорились, я не участвую, а предположение о том, проскочил бы возможный конкурент Каспарова через «рифы и мифы», отдает спиритизмом. Что говорить о некоем мифическом претенденте, когда самому Карпову не удавалось проскочить, когда Каспаров играл белыми. 5:1 — куда уж внушительней!

Второго такого дебютчика на высшем шахматном уровне, как Каспаров, еще не было. Я, по крайней мере, не встречал. Но значит ли это, что он в постановке, изучении, разыгрывании начальной стадии партии достиг абсолюта, совершенства, потолка? Конечно же, нет.

Как всегда независимо и оригинально мыслящий, Давид Ионович Бронштейн высказался по интересующему нас вопросу более чем определенно: «...можно подумать, что мы знаем о шахматах все или почти все. В действительности же, накопив богатый архивный капитал чемпионских поединков, ни один шахматист в мире не в силах ответить на самый элементарный вопрос: каким ходом лучше всего начинать партию?»

В общем, что вам рассказать про тайну в шахматах?..

С одной стороны, белый цвет торжествует в руках тринадцатого чемпиона, вроде бы знающего, каким ходом лучше всего начинать партию и какие ходы делать в ее начале, чтобы противник потом не долго мучился... С другой стороны — темна вода во облацех, а в партии — неисчислимое количество тайн...

Я бы сравнил, пожалуй, шахматы с японским садом Рёандзи, где пятнадцатый камень — откуда ни посмотри — всегда не виден, — сравнил бы, если бы это уже не сделал так превосходно играющий черным цветом Артур Юсупов. Его словами и закончим (но, конечно же, не закроем) тему тайны, загадки шахмат: «Шахматы — гениальная загадка неизвестного автора, задача без ответа, вечный поиск истины».

С гениальной загадкой неизвестного автора, можно догадываться, все обстоит очень не просто. Но и загадки известных авторов заставляли и продолжают заставлять (возьмем хотя бы все ту же шестнадцатую партию) экспертов ломать головы.

Что же, спрашивают они себя, все-таки случилось на матче-реванше в промежутке семнадцатая — девятнадцатая партии?

Мне не все ясно с защитой Грюнфельда, сыгравшей большую роль в развернувшихся событиях... Акимов в «Студенческом меридиане» пишет, что у Карпова были с начала матча проблемы с защитой Грюнфельда, что фирменную оборону противника удалось пробить в пятой партии, но команда Каспарова, безусловно, успела залатать вариант, что секундант экс-чемпиона гроссмейстер Игорь Зайцев предложил красивую идею, которую «еще предстояло отполировать до блеска и только тогда выстрелить — чтоб наповал...». Я хочу понять: учитывали они воз-

можность применения защиты Грюнфельда или нет... Зная Толю, могу сказать, что должны были учитывать, так как из систем защит со слоном на боку Грюнфельд наиболее подходит стилю Каспарова именно против стиля Карпова. Но поначалу казалось, что Грюнфельд был для них неожиданностью и туда-сюда шел «морской бой»... Но когда Карпов и его помощники разобрались в Грюнфельде и эта защита стала промокать, то удивляла странная приверженность Каспарова этой защите, упорство, с которым он ее применял, несмотря на пробоины.

Основательно промокла она уже в пятнадцатой партии, а дала течь — в семнадцатой. Первыми тринадцатью ходами соперники повторяют пятнадцатую партию, а на следующем ходу срабатывает мина Карпова. Предложенная им жертва пешки — удивительна по своей глубине. Осязаемых выгод она не дает: фигур на доске немного, слабости в лагере черных не столь уж заметны. Но их конь не имеет абсолютно никаких перспектив. Главное же, по-моему, — на все сто процентов сработал психологический эффект. Возможно, позиция черных была защитима, но для этого нужна была крайне аккуратная, кропотливая и достаточно бесперспективная «штопка». К подобной трансформации Каспаров не был готов. Уже к тридцати ходам все было кончено.

В девятнадцатой снова был Грюнфельд, снова Карпов выступил в необычной для себя роли — зачинщика теоретических дискуссий, снова с тем же результатом...

Идти на защиту Грюнфельда, в которой соперник уже разобрался, имея три очка игрового перевеса, было со стороны Каспарова грубой психологической ошибкой. Это можно было позволить себе, только будучи абсолютно уверенным в победе в матче.

И опять звучит мотив зеркальности: в первом, безлимитном поединке идея 6:0 явно владела Толей, теперь, очень похоже, уже Гарику хотелось одержать шесть побед и досрочно закончить матч (после четвертого выигрыша в шестнадцатой ему оставалось для этого «всего ничего» — две победы)... Особое ожесточение борьбы в матче-реванше я объясняю как раз тем, что по своему психологическому подтексту это был не матч-реванш, а, так сказать, контровой матч, в котором надо было выяснить, кто же в конце концов сильнее — по гамбургскому счету. (Счет результативных партий к началу реванша был у них ничейный: в первом, незакончившемся сражении на две победы больше добыл Карпов, во втором — того же преимущества достиг Каспаров)... До добра, однако, идея шести побед их не довела: оба в погоне за ней проиграли по три партии, причем Карпов лишился при этом и чемпионского звания...*

Психологической ошибкой Каспарова считают многие специалисты и болельщики его решение в восемнадцатой партии уклониться в цейтноте, в очень привлекательной для белых позиции от троекратного повторения ходов, что давало ему ничью. Я же считаю, что Гарри поступил совершенно правильно. Есть звание чемпиона мира. Есть репутация чемпиона. Впрочем, мы, кажется, обсуждали эту тему по ходу матча? У нас в Сочи тогда палило солнце, и я не пошел на пляж: не выношу жары...

---

* Понятие «гамбургский счет» ввел в литературный обиход блестящий писатель, теоретик литературы Виктор Шкловский; оттуда оно перекочевало и в другие сферы культуры. «Гамбургский счет» — показатель истинного класса творца, его настоящей силы.

А у нас в Ленинграде шел осенний дождь, октябрьский ветер срывал мыльные гребешки с рифленой, как стиральная доска, Невы, катившей свои воды в Финский залив, пока — в Финский залив, потому что в это время года сильные западные ветры, случалось, поворачивали Неву вспять, и она вспухала, загустевшая темная осенняя вода, как тесто из квашни, выползала из природой приуготовленного ложа на набережные, улицы, площади Петрополя...

Мои зарубежные коллеги, съехавшиеся на шахматный бал, ежеутренне поглядывали из окон гостиницы «Ленинград» на набухающую Неву и спрашивали нас, ленинградских репортеров: «Наводнение, да? Дело пахнет наводнением, так?.. Это опасно, нет?..» Ратко, югославский фотокорреспондент, снимавший землетрясения у себя на родине и в Японии, ураганы в Южной Азии, сели в каких-то очень далеких горах, как истый репортер, боялся не наводнения — боялся пропустить наводнение и прикидывал заранее, как вплести сие незапланированное стихийное явление природы в шахматный сюжет, — в его богатой фототеке еще не было снимка чемпиона и экс-чемпиона, бредущих по залитой водой улице к входу в Концертный зал «Ленинград» в рыбацких резиновых сапогах.

Его земляк, шахматный мастер и журналист, передававший отчеты с матча не только в родной Загреб, но и в Италию, во Францию и еще в несколько ближних и дальних стран, воспользовавшись неожиданно взятым Карповым тайм-аутом и наступившим вследствие этого временным затишьем на матче, поехал на студию документальных фильмов, отсмотрел ленты о Карпове, заказал их по соответствующим каналам для своего очередного шахматного киносериала. («Там у вас богатый киноархив использован: «живые

шахматы» на Дворцовой площади, коронация всех советских чемпионов, Толя в детстве, Гарик, дающий интервью о Толе, Гарик, еще не подозревающий, что скоро им с Толей играть, и так долго, — это все надо покупать, и мы будем это покупать!»)

Когда Карпов воспользовался своим правом на перерыв, в стане его почитателей возникло легкое замешательство. Добыть три очка подряд — и взять тайм-аут?! Да что же это — сверхмудрость или, простите... просчет? Как же так, недоумевали недоумевающие, не развить инициативу, не обрушиться на противника, если и не надломленного тремя нулями подряд, но наверняка переживающего сейчас не лучшие свои дни, — самому, самолично дать ему передышку?..

Я, признаться, не удивился, более того, был уверен, что Анатолий непременно так поступит. Хотя бы потому, что все, включая Каспарова, меньше всего ждут от него тайм-аута. Хотя бы потому, что победа — целых три! — потрясает организм побеждающего (о чем уже было сказано в применении к Каспарову) ничуть не меньше — а по выбросу энергии и больше, — чем проигрывающего.

Если потребуются доказательства того, что прогноз сделан не задним числом, я могу сослаться не только на Диму-грека, но и на двух севастопольских морских офицеров (одного — аккредитованного как корреспондента севастопольской газеты, другого — проводящего в «Ленинграде» свой отпуск), на трех ответственных работников пресс-центра, одного академика и одного писателя, наконец, на архивы «Бюллетеня Ленинградского шахматного клуба имени М. И. Чигорина», хранящиеся в редакции «Спортивной недели Ленинграда», сотрудники которой и выпускали этот бюллетень. В его двенадцатом выпуске и была

напечатана наша с соавтором беседа, увы, не в полном виде.

Надо признать, что в тот субботний жарко-ненастный сочинско-ленинградский осенний полдень мы как прогнозисты были на коне (на конях?). Ничего немыслимого в нашем прогнозе не было. Чем мы руководствовались, делая его, уже не припомню, только выглядел он так:

восемнадцатую и девятнадцатую партии выиграет Карпов (вы не забыли, что мы разговаривали в день доигрывания восемнадцатой?);

затем Карпов возьмет тайм-аут («Только если захочет, чтобы наш окончательный прогноз сбылся», — немедленно отозвался абонент на сочинском конце провода);

затем Каспаров белыми приложит все силы, чтобы не полезть на рожон и сделает ничью;

затем — уже в двадцать первой — Карпов попытается сыграть на победу, но не сумеет это сделать;

затем — в двадцать второй — Каспаров возьмет очко, решающее очко, а двадцать третья и двадцать четвертая ленинградские партии, в отличие от московских, на судьбу матча никак не повлияют...

Соавтор назовет мои доводы мистическими, сам он, как футуролог, исходил, очевидно, из шахматной оценки шахматных событий всех девятнадцати партий, но, двигаясь разными путями, мы пришли к одним выводам.

Расскажу о своих ощущениях, на которые я опирался, делая прогноз.

Карпова времен его «штурма и натиска» я не узнавал. Не игру его — судить об этом на абсолютно любительском уровне было бы абсолютным легкомыслием. Не игру — его самого. Эллипсообразные выпуклые, как абрикосовая косточка, глаза — карие, с жел-

тым расплавом обжигают и морозят одновременно: гейзер, бьющий кипятком из-подо льда. Крутой кипяток. И лед. Так было еще совсем недавно. Но теперь что-то изменилось, подтаяло, потеплело. Не закипает, как вода в кастрюльке, не прикрытой крышкой, на маломощной электроплитке. Не то напряжение, не та пронзительность взгляда и жеста. Всегда остроугольный, сабельный, незаметно он округлился, стал более вальяжным, научился безупречно носить безупречно сшитые костюмы. Раньше не заботился столь тщательно о том, как выглядит, какое впечатление производит. Теперь решительность его несколько нарочита, чуть аффектированна, как, впрочем, и у партнера; но для того некая чрезмерность внешнего проявления естественна, а Карпову соприродна потаенность душевных движений, закрытость, сдержанность. Глаза не блестят, желтый, рысий расплав потускнел. Во взгляде-луче нет прежней гипнотической силы, прежней сконденсированной энергии. И немудрено: третий изнурительный марафон за три года — Фишеру хватило одного, чтобы уйти из шахмат. Утомление, хроническое перенапряжение — да, и у соперника тоже, но он моложе на целых двенадцать лет, и чем дальше, тем резче сказывается эта вынужденная фора в дюжину лет.

И прежней веры в себя — безоглядной и абсолютной, — сдается мне, уже нет. Она не испарилась, не истаяла, но, столкнувшись с монолитом не меньшей крепости, дала трещину; а вера с трещиной уже не вполне вера и заставляет мозг работать больше и нещаднее, перепроверяя варианты, раньше перепроверке не подлежащие. И когда затевается на доске игра острая, с обоюдными шансами (тут я полагаюсь на своего консультанта и других объективных экспертов), преимущество — у соперника; его же собствен-

ные победы в двух Грюнфельдах раздавить соперника, подавить его морально, не могут, ибо выиграны практически по дебюту; противник наказан за строптивость и упрямство в применении подмоченного варианта, но усомниться в своих силах, допустить в сознание предательскую мысль об очевидном игровом превосходстве победителя побежденный в таких партиях таким оружием не может. Неприятно, досадно, но не смертельно. О победе в восемнадцатой и говорить не приходится: вдохновение в тот вечер гостило не на поле Карпова, что тем более делает честь его мужеству, воле, характеру.

Словом, поразившего меня в свое время молодого человека с лазерным взглядом, чьей нормой была не замечаемая им и оттого особенно поражающая стремительность, на сцене ало-золотого ленинградского концертного зала не было. Прежнего Карпова ситуация сложившегося на финише равновесия, когда требовалось собраться практически для одного-единственного выстрела, — прежнего Карпова это только подстегнуло бы, от присущей ему в безмятежную пору флегмы не осталось бы и следа, и, уж будьте уверены, он сумел бы вложиться в удар.

Нынешний Карпов, по моим наблюдениям, на которые я опираюсь в своих предположениях, собраться, вложиться, выстрелить был не в состоянии.

Близкий Анатолию человек, не расстающийся с ним со времен Багио, уверял меня, что дело совсем не в утомлении и на пятом часу партии он в состоянии считать далеко и безошибочно, его энергетический потенциал все еще очень высок...

Может быть, может быть, но как тогда истолковать участившиеся цейтноты, как объяснить, что в двадцать первой партии (реальной, а не прогнозно-гипотетической), где у него предпоследний раз в мат-

че было право «выступки» и, значит, право и обязанность играть резко на выигрыш, он этим правом не воспользовался. Не захотел? Не решился? Не смог?..

Моя версия: залповый выброс энергии в трех победных партиях опустошил его, аккумуляторы сели, для подзарядки требовалось время, а его не было. Он попал в цейтнот — не в партии, в матче. Он жил на падающем флажке. Жить так он не привык. И играть, ощущая более сильное, менее разряженное психополе, тоже не привык. Это требовало серьезной психологической ломки, мобилизации внутренних ресурсов, за ненадобностью до сих пор не потреволенных, не востребованных. Но не на падающем же флажке заниматься перестройкой. Можно было бы, правда, не воспользоваться своим правом на матч-реванш, провести ревизию своего шахматного хозяйства, подзарядить севшие аккумуляторы энергией и выйти на бой в очередном цикле обновленным, готовым выложиться по максимуму и способным на это. Но поступить так для Карпова значило бы изменить себе, уклониться от исполнения своего долга, признать, наконец, закономерность случившегося. Карпов, каким мы его знаем, не мог уклониться от немедленного реванша. Впрочем, может быть, прав мой соавтор-консультант, и не столько желание отреваншироваться владело им, сколько острейшее стремление выяснить, кто из них в конце концов сильнее по гамбургскому счету.

Как все-таки в шахматах (да и во всякой иной человеческой деятельности, где результат добывается в узаконенном правилами или традициями прямом противоборстве личностей) поиск истины нерасторжимо связан с утверждением себя как искателя этой истины, бескорыстие взыскующего истины для всех

творца с прагматизмом стремящегося к личному успеху игрока! В науке слишком явная связь такого рода подозрительна в нравственном плане. Истины, открываемые наукой, объективны, они не могут быть не открыты, и в идеале, в принципе (в жизни, увы, по разным причинам — не всегда и не везде) ученому не надо никого из своих коллег подавлять, стирать в порошок, побеждать в личном поединке, чтобы утвердить открытую им истину. Человеку, выше всего ставящему суверенность человеческой личности, свободу ее волеизъявления, независимость от любого нажима, шахматы как спорт, как интеллектуальное соперничество характеров могут показаться (если забыть об их игровой природе) достаточно бесцеремонным вмешательством одного субъекта в намерения и дела другого субъекта, нетерпимое для свободного мыслящего существа. Недаром же высоко ценивший разносторонние дарования философа и математика Эммануила Ласкера, второго в истории шахматного чемпиона мира, Альберт Эйнштейн в предисловии к его книге написал, что ему, Эйнштейну, чужды присущие этой игре формы подавления интеллекта и дух конкурентности.

Но ведь и подавление интеллекта, и утверждение себя как атрибут утверждения открытой тобой истины не в реальной жизни происходит, а в игре. Игра, конечно, — часть нашей жизни и крашена тем же цветом, что и текущее мимо наших берегов время. Но не будем бояться химер нашего воображения, восторгаясь и проклиная, будем помнить, что они там, в Зазеркалье, всего лишь играют. Очень высоки, правда, ставки в этой игре, но не выше, чем честь, достоинство, свобода, справедливость.

Со стороны трудно судить об энергетике игрока, проще говоря — о его самочувствии, состоянии здоровья, запасе сил. Более определенно об этом могли бы поведать Анатолий Евгеньевич и Михаил Лазаревич. Нам же остается только строить предположения. Вы объясняете недостаточную активность Карпова в последних пяти партиях нехваткой «горючего», я же думаю, что дело не в дефиците энергии. Вспомните матч восемьдесят пятого года, когда Толя сквитал счет, перехватил игровую инициативу и... остановился, вместо того чтобы ковать железо в разогретом состоянии. Вот и в Ленинграде — рецидив прошлого матча. Он выиграл три партии подряд и, вместо того чтобы объявить: «Иду на Вы!», начал как бы приглашать противника в гости: «Ну, давай-давай, иди сюда...» Дело не в том, что он взял тайм-аут и этим якобы спугнул пойманную им игру, дело не в том, почему он взял тайм-аут (в конце концов, может, у него живот заболел). А вот то, что в двадцать первой партии, предпоследней из тех, что Карпов имел белый цвет, он не сыграл е4, — очень меня удивляет. И хоть Карпов считает, что в один из моментов в этой партии он сыграл нерешительно, я не нахожу, что все его действия в ней можно назвать решительными. На победу так не играют, а ведь ясно было, что именно в двадцать первой (еще один белый цвет остается в запасе — на самый крайний случай) можно и нужно было играть принципиально, с вызовом.*

В известной степени доказательством, пусть и косвенным, того, что е4 могло привести к успеху в пар-

---

* М. Л. Гершанович — доктор медицинских наук, врач А. Е. Карпова во время его матчей в Багио, Мерано, Москве, Лондоне, Ленинграде.

тии с Каспаровым, служит единственная проигранная чемпионом в Брюсселе партия с англичанином Шортом: тот сыграл е4, была сицилианка, была драка... И тут, естественно, пошла бы драка, — возможно, Каспаров был великолепно подготовлен к этому, но, право, ходом е7—е5 черные еще не выигрывали партию. Но возникала позиция, которая в тот момент объективно была на руку Карпову: все-таки три «баранки» подряд должны были давить на Каспарова и могли вывести его из душевного равновесия, так необходимого при обмене ударами в ближнем бою.

А что мы увидели в партии? Началась локальная игра, в ходе которой белые ставят перед собой четкую задачу — с помощью достаточно активных средств удержать позицию. Но Каспаров в этой ситуации совершенно не был расположен черными играть на победу. Случись в их партии сицилианка (для этого как минимум белые должны были начать ходом е4), допускаю, что вероятность ничейного исхода исчислялась бы двадцатью процентами, в то время как победа одного из соперников оценивалась бы сорока процентами. Разыгранный же на доске вариант гарантировал (подсчеты, разумеется, условны и приблизительны) белым победу лишь с двадцатипроцентной вероятностью, а на семьдесят процентов был обречен на ничью.

Наконец Балтика проявила свой суровый нрав. Откуда-то с запада, из Атлантики, через Скандинавию, проник глубокий циклон. Он вызвал шквалистый ветер, мощная нагонная морская волна повернула вспять течение Невы, и она стремительно начала приближаться к подошвам гуляющих по набережным

людей; пролеты мостов с той же стремительностью стали опускаться к воде, нити дождя притягивали хлябь небесную к хляби земной...

Ратко и его коллеги извели огромное количество превосходной пленки, чтобы запечатлеть это в общем-то ординарное для наших топких мшистых низких мест наводнение, двести шестьдесят шестое по счету, — всего-то и поднялась вода на сто восемьдесят сантиметров выше ординара, выше Кронштадтского футштока.

Об этом известили ленинградские и центральные газеты. На последней полосе «Правды» от 5 октября 1986 года информация «Суровый нрав Балтики» была помещена рядом с отчетом о двадцать второй партии шахматного матча-реванша «Атака и оборона».

Так оно и было — и на газетной полосе, и в жизни — рядом. По левую руку от шахматного Зазеркалья, по левую, если встать лицом к суровой Балтике, — взбаламученная Нева. Двести шестьдесят шестое наводнение аккомпанировало двадцать второй партии, напряжение в которой поднималось постепенно выше ординара, хотя шахматные синоптики долго не предполагали, что вода выйдет из берегов...

Человек, подключенный к энергии Зазеркалья, воспринимал в те дни все происходившее вокруг как аккомпанемент шахматной игре...

И наводнение — не указание ли это на близость исхода, не знак ли, что сегодня произойдет нечто решающее?

И редакционное совещание: двадцать три полосы перебора в номере журнала, надо сокращать, но за счет какого отдела, надо бы подать голос в защиту доверенной тебе прозы, но молчишь, пораженный числом «двадцать три», — значит, все решится в двадцать третьей партии, а как же наш прогноз?..

И звонок с Сахалина, откуда журнальная экспедиция вернулась месяц назад, о том же: кто — Карпов или Каспаров — и когда — в двадцать второй или двадцать третьей (последнюю почему-то никто в счет не берет)?

И знакомый рок-дилетант, угощая новой записью какой-то группы с подводным или кофейным названием, расспрашивает, где и как можно достать шахматный компьютер, потому что до вчерашнего дня он не знал счастья, а вчера узнал, сыграв в Москве с американским шахматным компьютером, — удовольствие неслыханное, куда более острое и чистое, чем играть с живым партнером: нет привкуса личного, нет психологических загадок всякого рода (страсть к их решению рок-дилетант утоляет писанием романов и повестей с зазеркальными мотивами).

И грузинский театр, замечательный театр имени Котэ Марджанишвили, гастролируя на самых шахматных подмостках Ленинграда, во Дворце культуры имени Первой пятилетки (эта сцена видела юного Толю Карпова, студента экономического факультета Ленинградского университета, играющего в чемпионате СССР, и Михаила Моисеевича Ботвинника, рассказывающего битком набитому залу о драме Рейкьявика), показал «Отелло» в постановке Темура Чхеидзе, где Отелло — Отар Мегвинетухуцеси, чистый душой интеллигент, жертва опасного талантливого демагога Яго — Нодара Мгалоблишвили, задумчиво и отрешенно передвигал шахматные фигуры; белый мавр играл и белыми, и черными — сам с собой или, как Фишер, со своим *«alter ego»*, со своим, вспомнив имя его антагониста, альтер Яго...

Темур Чхеидзе привел почти всю труппу в редакцию «Авроры» на наш «круглый стол»; мы выставили свою команду — любящих Грузию и театр — и го-

ворили о том «припеке», который прибавляет спектаклю каждый день очищения, обновления общества; о том, как бороться с «обоснованным», имеющим свою логику злом; вспоминали пушкинскую мысль о том, что не каждый человек наделен нравственным чувством; спорили о том, как противостоять многоликой силе укорененного хамства, об удивительной способности современных Яго приспосабливаться, спекулируя на чувстве социальной справедливости, выхолащивая из него человечность как меру всего сущего в отношениях между людьми... Говорили, спорили о многом другом и шахматы вспомнили, благо Отелло — Отар, венецианский полководец, благородный и наивный, как абраг Дата Туташхиа, принесший грузинскому актеру всесоюзную известность благодаря телевизионному сериалу, — Отелло — Отар в спектакле тбилисцев играет в шахматы; благо мой сосед по столу, артист этого театра, талантливый спортивный комментатор Котэ Махарадзе любит шахматы и моего соавтора-консультанта; благо на противоположном берегу Невы через два часа должно было состояться доигрывание двадцать второй партии, и Котэ (Константин Иванович) время от времени нагибался ко мне и спрашивал: «В каком положении отложена?.. Ничья?.. Кто говорит?.. Так... А что Бронштейн?.. А Тайманов? А Миша?» — и я, чтобы круглый редакционно-театральный стол окончательно не превратился в шахматный, клятвенно пообещал ему сразу по окончании театрального симпозиума позвонить Мише в Ригу и узнать его прогноз.

Вчера казалось: ничья.

Слово это в Зеркальном зале произносилось на разные лады. Только натренированный, изощренный слух ошивающегося здесь все вечера репортера мог по интонации гроссмейстера, торопливо допивающего

чашку кофе в пресс-баре, спешащего к телефону передать свои сто строк в свою редакцию и бросающего на ходу коллегам негроссмейстерам на их всегдашнее: «Ну, как?» торопливое: «Ничья», только тертые, многоопытные, записные шахматные репортеры, акустики Зеркального зала, по модуляции голоса, по скорости произнесения, а также не по акустическим параметрам, как то: по задумчивости на челе гроссмейстера, по тревоге или радостному оживлению во взоре — могли определить степень вероятности ничейного исхода... Ничья в отложенной двадцать второй была обещана почти всеми носителями высшего шахматного звания, а также близкими к ним по силе международными и национальными мастерами. Но не было этакой судейской убежденности в звуковом одеянии короткого двухсложного слова, не воспринималось оно как приговор, не подлежащий обжалованию, и привычной снисходительности носителей недоступной простым смертным премудрости тоже не было в этих двух слогах. Ничья-то ничья, скорее всего — ничья, судя по всему — ничья, как ни крути — ничья... ничья, если не найдется какого-то этюдного выигрывающего продолжения... ничья — выигрыша вроде не видно — так расшифровывали шумы Зеркалья и Зазеркалья акустики-репортеры.

Между тем чемпион мира, продумав семнадцать минут, записал на бланке сорок первый ход, обвел его для верности шариковой ручкой, и закрытый конверт с бланком взял на хранение главный арбитр Лотар Шмидт.

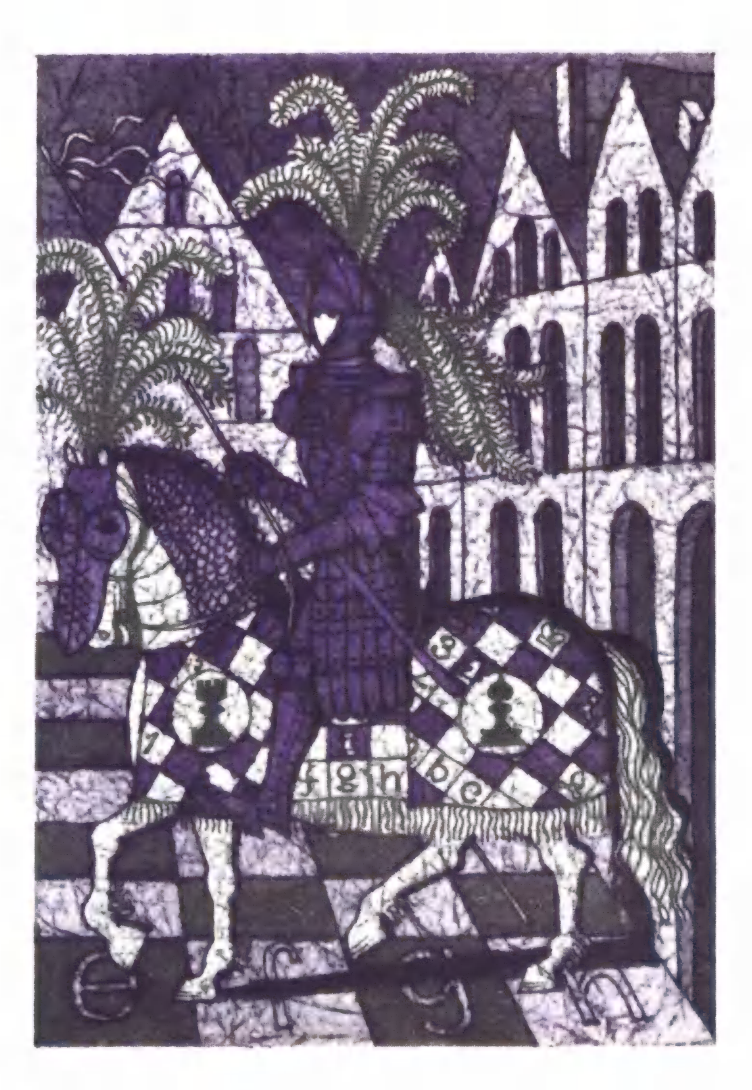
Мы не знали тогда, что он обвел свой ход ручкой и, естественно, не знали самого хода. Всматривались в застывшую в полунаклоне-полуполете фигуру обдумывающего «секретный» ход чемпиона, пытались

считать хоть какую-то информацию с его лица (нашел? не нашел? есть там что искать?..), но куда там — не в первом матче, где он дергал воротник рубашки, словно задыхаясь, внезапно обнаруживая упущенную победу, или бросал в зал, туда, где сидела его делегация, ликующие взгляды (нашел, нашел!) — к третьему их матчу он научился управлять собой не хуже партнера, и ничего, кроме предельной собранности, максимального напряжения, не выражало его лицо... В залах с зеркальными стенами и зеркальными потолками отражались склоненные над столиками, приросшие к мониторам и демонстрационным доскам головы. Головы погрузились в размышления. По Зеркальному шелестело задумчивое, неокончательное, неединственное: «Ничья... ничья...»

Скорее всего — ничья. Вроде бы — ничья.

Нева за стенами ало-золотого амфитеатра главного шахматного зала вела себя куда беспокойнее, чем шахматисты. Никаких иррациональных качелей, как в шестнадцатой, ничего подобного трагифарсу восемнадцатой, где преследователь и жертва внезапно поменялись местами, восемнадцатой, где очень сложную игру гроссмейстерам пришлось вести в условиях очень ограниченного времени: погоня... по самому по краю... коней своих нагайкою стегаю... Восхищение и ужас — видеть такую борьбу, как в восемнадцатой. Это уже за пределами игры; смотреть на это, не сострадая борющимся, невозможно. Подобное чувство испытываешь к артисту, сжигающему себя на сцене, выворачивающему нутро, обнажающему душу: знаешь, что это театр, условное искусство, но ведь это уже не искусство — тут не печенку из себя достают, как поэт, кормящий голодного щена, а — душу... Кто-то посмеивался над экспансивным белоснежным хозяином Зеркального зала, восклицающим: «Играют

a
b
c
d

f g h
b c

два гения, которые сегодня вынуждены стать гладиаторами!» — но гроссмейстер, глава пресс-центра, прав: если там, в Зазеркалье, они не могут быть милосердны друг к другу, то будем хоть мы, свидетели, очевидцы, соучастники, не только болеть за своего и жаждать крови чужого, а сострадать им обоим. Болеть, понимать (по мере возможности) и сострадать. Школу милосердия, о которой так печется известный писатель, кстати болеющий в матче только за проигрывающего гроссмейстера, можно проходить и во время отчаянного бескомпромиссного сражения.

Тогда, начав страшную атаку, Каспаров снял пиджак, остался в голубой рубашке и закачался над доской.

Хозяин Зеркального поднялся на «хоры», где заседал мозговой штаб пресс-центра, усиленный рижским гроссмейстером, тренером-секундантом в последние годы соавтора-консультанта, и на своем арго они начали в рабочем порядке обсуждение партии:

— Играют на «самовар»...

— Впечатление, что он не видел...

— Дубовый ход...

— Фе3? Во играют! Лучший ход!

— Не лучший, Эдик, зато интересно!

— Конь с5, Володя, не лучший ход, чище был конь е5...

— Обалденная партия, не пойму только, кто кого пáрит?

— Этим, Сашенька, ты и отличаешься от тех двух...

Югославский журналист, почтеннейший и респектабельный, к которому даже нигилист Ратко испытывает уважение, спрашивает кипучего руководителя шахматной прессы:

— Эдик, какая оценка позиции?

— Ужас, ужас! — мотает головой Эдик. — Гладиаторы, гении, гладиаторы, гении...

— И все-таки: как пресс-центр оценивает позицию?

— Ну какая тут оценка, Божидар? Море крови! Надо срочно мерить давление!

— Им? — Божидар показывает пальцем на монитор, где партнер в темном костюме сидит напротив партнера в голубой рубашке.

— Почему им? Мне!

Тогда партия была отложена, но оценивалась по преимуществу в пользу черных (Карпова), хотя гроссмейстер Карен Григорян и показал хозяину пресс-центра вариант, дающий белым спасение.

В двадцать второй никто не вспоминал ни о гениях, ни о гладиаторах. Двадцать вторая до поры до времени текла мирно, словно Нева тихой белой ночью. Текла, как и положено, в Финский залив. Продолжая аналогию, белые, как в общем-то и положено, имели позиционный перевес (черные, случается, поворачивают течение вспять, но выбранный Карповым дебют не давал оснований рассчитывать на такой поворот событий). После тридцать второго хода белых мастер, двойник Бориса Гребенщикова, несмотря на молодость прослывший толковым аналитиком, возвестил, что у белых на восемь ходов осталось тридцать, а у черных — пятнадцать минут и что у белых по-прежнему позиционный перевес, поскольку их конь безусловно сильнее слона черных, но никаких реальных опасностей для черных не видно...

И все-таки у держащих сторону Карпова было неспокойно на душе. Мне признался в этом его врач, Михаил Лазаревич, и, чтобы успокоиться, стал подсчитывать, сколько они с Толей партий уже сыграли (играл Толя с другими, но доктор так говорил:

«Мы сыграли...»). Выходило, что сто шестьдесят восемь; представляете, спрашивал доктор, что это такое, и прижимал руки к сердцу, и под глазами у него были темные полукружья; неизвестно еще, кому тяжелее приходится: его подопечному, вовлеченному в игру и отвлеченному игрой, или доктору, переживающему за Толю, отвечающему за его состояние, страдающему с ним...

«Сто шестьдесят восьмая партия — вы представляете?..»

Я киваю головой, пытаясь представить, но это получается плохо, потому что хоть я и сочувствую всей душой Михаилу Лазаревичу, и симпатизирую ему с первых дней знакомства, но думаю сейчас о коне белых, что значительно сильнее слона черных, — впрочем, ни о каком коне, конечно, я не думаю, потому что «ход конем — в короли» (лучший, на мой вкус, заголовок в этом матче дал Юрий Рост своему итоговому репортажу в «Литературке») еще не сделан, и, стало быть, я думаю о том, сбудется ли наш прогноз, или опять все, как и год назад, решится под самый занавес, в двадцать четвертой...

Какая набившая оскомину метафора — «ход конем»! Сколько раз назывались так книги, статьи, репортажи, сколько трибунных филиппик изготовлено с помощью этой стилистической фигуры! «Ход конем» — чего уж шаблонней, затасканней, обветшалей... Ход конем — как он, оказывается, может быть красив, смел, нов!

Гроссмейстер К. нашел ход конем e5 — d7 и затем ход ладьей (Лb4), дающие белым форсированный выигрыш, за семнадцать минут. (Сам он потом скажет, что увидел его сразу — осенило! — но перепроверять себя будет ровно семнадцать минут.) Гроссмейстер Т. за несколько часов домашнего ночного анализа уви-

дел: от хода конем защиты у черных нет, увидел и позвонил знакомому журналисту. Увы, этим журналистом был не автор этих строк, а гроссмейстер Т. — не его соавтор. Те, кто следили за комментариями матча со страниц «Ленинградской правды», знают, что гроссмейстера Т. зовут Марк Евгеньевич. Постоянный шахматный обозреватель газеты «Ленинградская правда» международный гроссмейстер Марк Евгеньевич Тайманов. В субботу днем нашла победный план за белых и международный гроссмейстер Ирина Левитина. Что касается рижского гроссмейстера Т., которому я позвонил после вопроса Котэ Махарадзе: «А Миша?», он, увы, разделял мнение большинства шахматно-журналистского корпуса, хотя и сопроводил свой ответ двумя как бы оговорками: «Скорее всего — все-таки ничья».

Попрощавшись с гостями из Тбилиси, я вышел из редакции и не спеша двинулся через Кировский мост, намереваясь застать сражение за ничью, гарантированную моим консультантом, в самом разгаре.

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Торчать в Зеркалье дни и часы и пропустить решающую минуту — так жестоко судьба не смеялась надо мной! Не утешало и то, что не я один оказался в дураках, опоздав на доигрывание всего на двадцать минут. Все, оказывается, было кончено за пять минут. Во всех деталях аккредитованные журналисты сцену вскрытия конверта Лотаром Шмидтом, реакции соперника чемпиона и зала на ход конем и победную комбинацию так и не увидели: из нашей ложи в самом конце зала рассмотреть ее крупным планом можно было только в подзорную трубу или морской бинокль...

Повторить мгновение, причем в оптически улучшенном виде, приблизив его к нашим глазам, было

под силу только одному человеку в этом зеркально-зазеркальном мире — ленинградскому телевизионному режиссеру, тому самому потрошителю и лучшему другу спортивных и иных знаменитостей, благодаря которому ленинградцы все-таки имели представление о том, что происходит в «Ленинграде». Вместе со своим юным коллегой-комментатором режиссер дневал и ночевал в «Ленинграде», успевая готовить нестандартные, яркие выпуски местной студии, подпирая плечом старшего брата — Центральное телевидение, помогая зарубежным телевизионным компаниям... Видя кислые физиономии опоздавших или толком не рассмотревших решающий эпизод матча своих коллег, своих друзей, режиссер королевским жестом пригласил аккредитованных корреспондентов «Литературной газеты» (всё тот же Рост), журналов «Юность» (Юрий Зерчанинов) и «Аврора» (в моем лице) в телевизионный автобус и на мониторе прокрутил для нас сделанную операторами Ленинградского телевидения запись доигрывания двадцать второй партии.

Каспаров пришел за несколько минут до пяти часов, поздоровался с главным судьей, сел за столик, посмотрел в зал, поглядел на демонстрационную доску и стал ждать партнера. Карпов опоздал на две с половиной минуты... Аплодисменты вспыхнули дважды: когда судья вскрыл конверт и был сделан ход конем, когда Карпов остановил часы и на демонстрационную доску повесили табличку: «Белые выиграли».

Еще с минуту после партии они о чем-то очень мирно разговаривали. О чем?.. Режиссер развел руками: увы, и он не всемогущ, они только снимали, звук не записывали...

На меня колоссальное впечатление произвела легкость найденной чемпионом при откладывании победной комбинации в сложнейшей ситуации. По своему опыту знаю, что после пяти часов напряженной умственной работы очень непросто записать такой неочевидный ход, как ход Kd7, связанный с контржертвой пешки и ведущий к форсированному выигрышу. Его соперник после матча скажет: «Ход 41. Kd7 требовал колоссального расчета, соответствующего психического состояния. К счастью для Каспарова, контроль прошел, он успокоился и записал единственный выигрывающий ход». Что ж, может быть, в цейтноте, если бы это был сороковой, а не сорок первый ход, он и не нашел бы его. Хотя постойте, постойте... Не исключаю того, что и в цейтноте нашел бы: рука могла бы поставить коня на поле d7, а уж потом выяснилось бы, что это — гениальный ход. Когда осеняет, так бывает. И чаще, чем принято считать.

Ничья в двадцать первой партии полностью вернула Каспарову уверенность в своих силах, а Карпова, не сумевшего белыми навязать своей игры, заставила усомниться в возможности взять реванш. Дебютное откровение Карпова в двадцать второй (в ферзевом гамбите) оказалось недостаточным для уравнения шансов. И хотя защищался он очень аккуратно, почувствовавший надлом соперника Каспаров играл энергично и вдохновенно, следствием чего и было озарение в финале этой партии.

Новый зигзаг в матче предельно усложнил задачу Карпова. Для возвращения звания чемпиона мира ему нужно было выиграть обе оставшиеся партии. Казалось бы, обстановка требует решительных мер, если хотите — замены вратаря полевым игроком. Но больше чем двух ничьих, Карпов не добился.

С-III. Чувствуете, как заговорили: «два гения, два шахматных гладиатора», «гениальный ход»...

По моим наблюдениям, никто из людей так называемых творческих специальностей так часто, так охотно, так безоглядно щедро не пользуется в обиходе словом «гений» и его производными, как шахматисты. Разве что лирические поэты...

По наблюдениям людей более сведущих, чем я, выдающиеся творческие потенции человека (в пределе — гениальные) впрямую связаны с его повышенной жизненной активностью, и исключительно сильным энергетическим потенциалом.

Энергию, помнится из школьного курса физики и биологии, мы, как и все живое на земле, получаем от Солнца, из космоса. Увы, в разном количестве: зависит от многих обстоятельств — условий жизни, наследственности и так далее. (Используем полученный заряд все мы тоже очень по-разному, но сейчас не об этом речь.) Уникумы энергетического потенциала, заряженные, как шаровая молния, вызывают сложный спектр чувств — от восхищения, граничащего с преклонением, до зависти, переходящей в подозрительность. Об одном из таких уникумов — поэте, объехавшем семьдесят шесть или семьдесят девять стран (он сам точно не помнит) и выпустившем примерно столько же книг лирики, поэм, прозы, публицистики, эссеистики, литературной критики (точное число томов и жанров, в которых работает поэт, знают только в Книжной палате СССР), — его коллега, прозаик, совершивший семь путешествий по своей стране и написавший примерно столько же книг, сказал, что поэт, наверное, помимо отпущенной ему, как и всякому землянину, энергии из строго фондируемых космических запасов, научился эту самую энергию получать незаконно, левым путем, поставив «жучок» из

проволочки, какой ставят ловчилы на электрический счетчик...

Идея счетчика («жучок» оставим в покое) творческой энергии, если мне не изменяет память, была высказана — в применении к интересующему нас предмету — известным специалистом в области электротехники М. М. Ботвинником. Он, правда, о счетчике не упоминал, да и вообще речь шла не об электричестве, а о шахматах, в которых имя доктора технических наук М. М. Ботвинника тоже любимо и почитаемо. Так вот, глубокоуважаемый Михаил Моисеевич однажды высказал поразившую меня мысль о конечности наших творческих способностей, об измеренности нашего жребия. Поразила меня не столько сама мысль (о чем-то подобном я догадывался, но представлял это себе расплывчато, абстрактно, так сказать, из общих гуманитарных соображений), сколько научно-технический, беспощадно математический, количественный подход. Каждому шахматисту (а я воспарял мечтой высоко-высоко, далеко-далеко и видел себя сражающимся с Талем, Петросяном, Спасским, Фишером), утверждал Ботвинник, отпущено в своей жизни сыграть определенное количество полноценных партий, как каждому оперному певцу исполнить свои партии энное число раз. По-моему, и сама мысль посетила нашего шахматного патриарха по прочтении мемуаров кого-то из великих итальянских певцов — Карузо или Тито Гоби, сейчас уж не припомню.

Допустим, что эта гипотеза истинна и надо смириться со своей творческой конечностью, как и с конечностью своего земного срока. Но даже и в этом случае особого повода для сверхуныния нет. «Ты мог быть вовсе не рожден, — написал поэт Вадим Шефнер, — и это было б хуже». Никому ведь неизве-

стно, сколько лет отпущено ему, как неизвестно и сколько отпущено сделать, свершить. И сидя сиднем на печи, на конторском стуле, медленно поспешая по жизни, рискуешь отпущенную тебе по счетчику энергию израсходовать не на вращение турбины своих способностей, а на бесплодное орошение песка времени. Между тем жизнь великих, наставительно замечал американский поэт Генри Лонгфелло, напоминает всем нам, что и мы можем оставить свои следы на песке времени. А великие (они же — гении) отличаются от всех прочих, как установила современная генетика, обязательной повышенной активностью, сверхвысоким уровнем возбуждения, без чего талант не может проявиться во всей своей полноте.

Советский генетик В. П. Эфроимсон, раскрывший биологические основы высших форм творческой активности, выдвинул в начале 70-х годов гипотезу о «внутреннем допинге» как необходимом генетическом свойстве, которое приводит к стимуляции жизненной и творческой энергии. Признаться, мое гуманитарное образование и неискушенность в сложнейшей современной генетике не позволили мне разобраться как следует в книге «Биосоциальные факторы повышения умственной активности», где изложена теория Эфроимсона, и мне пришлось прибегнуть к помощи доктора биологических наук М. Голубовского, опубликовавшего для таких, как я, неискушенных, но тянущихся к свету знания, статью об этом в журнале «Знание — сила».

Повышение активности, как установил видный генетик, имеет энергетическую биохимическую подоснову. Известные нам гении (за время существования нашей цивилизации почти единогласно признается гениями не более пятисот человек) наделены

биостимуляторами в большей степени, чем остальные люди. Повышение активности бывает сопряжено чаще всего с какой-либо из следующих физиолого-генетических особенностей: 1) повышенный уровень мочевой кислоты в крови; 2) повышенный уровень некоторых гормонов; 3) циклотимия — пульсация жизненного тонуса, чередование его резкого усиления с падением. Кстати сказать, уже после рождения этой гипотезы биохимики сделали замечательное открытие, установив, что клетки гипофиза производят особые белки (нейропектионы), которые способны стимулировать мозг и нервную систему и в определенном смысле могут быть названы внутренним допингом.

Иногда мне кажется, разный уровень этого самого внутреннего допинга, обуславливающий выход, выбросы жизненной и творческой энергии, объясняет непонятное, почти гипнотическое воздействие очень сильного, энергонасыщенного шахматиста на его партнеров. Мощный внутренний допинг, стимулируя энергию талантливого индивида, как бы подавляет, снижает активность его соперника, вызывая его беспокойство, заставляя прибегать к крайним, экстравагантным средствам защиты (от темных очков американского гроссмейстера Бенко, будто бы оберегающих от будто бы гипнотизирующего взгляда Таля, до жалоб на парапсихолога противника и обращения за содействием к «своим» парапсихологам)... А колоссальная энергия Фишера, излучаемая им за доской, — казалось, она разрушает уверенность его визави сама по себе, помимо его шахматных ходов... А Каспаров? Встречавшиеся с ним за шахматной доской поражены концентрированной, конденсированной приливной энергией нынешнего чемпиона. Артур Юсупов на встрече в редакции «64 — Шахматное обозрение»,

сразу по возвращении из Монпелье, сказал, что большую энергию противника он ощущает буквально физически, как, скажем, когда играешь с Каспаровым. Выразительно передал свои ощущения от поединков с Каспаровым англичанин Э. Майлс: «Каспаров вкладывает в каждый свой ход такую энергию, что, встречаясь с ним за доской, вы испытываете чувство, будто даете сеанс одновременной игры сразу трем сильнейшим гроссмейстерам».

Ко всем этим энергетическим вещам в плане влияния на партнера я отношусь скептически. Могу выразиться еще определеннее: подобное влияние на шахматного партнера отрицаю. Что же касается самого энергетического потенциала, запаса энергии, — что ж тут спорить, они реально существуют. Первый человек, который дал почувствовать это осязаемо в шахматах, — Фишер.

Сейчас много говорят о схожем влиянии на партнера со стороны тринадцатого чемпиона мира. На меня энергия Каспарова так, как, скажем, на Майлса, не действует. Да, с Каспаровым очень трудно играть, очень интересно играть (это — в первую очередь). Я немножко все-таки проникал в то, чего он хочет; мы в общем-то разговариваем с ним на похожих языках; я даже чувствовал, где он зациклится, а он, вероятно, чувствовал, где зациклюсь я, и поэтому, анализируя сыгранные партии, мы начинали вариант и уже знали, чем все закончится, говорили: «Так... ясно... переходим к следующему».

Большая энергия (а у Гарика она очень большая — кстати, как палец у вратаря, еще болит?) не подавляет партнера. Впрочем, не возьмусь обобщать, может, кого-то и подавляет. Меня же она возбуждает;

сильный «внутренний допинг» партнера меня только стимулирует. Когда ты чувствуешь, что твой партнер заряжен энергией, то заряд автоматически передается тебе, между вами словно проскакивает электрический разряд. А вот против слабо заряженных мне играть трудно. Скажем, мне тяжело играть с Артуром Юсуповым: энергия от него прямо не исходит, в шахматном плане он флегматик, но ужасно вязкий. Конечно же, и у него большой запас энергии, но потенциальной, не разбуженной, не возбужденной, а у Гарика — кинетическая, переливающаяся через край... С Гариком мне играть проще.

У Толи Карпова тоже колоссальная энергия, но по преимуществу потенциальная, хотя она выплескивается чаще, чем у Юсупова.

В «Ленинграде» бурный выплеск энергии у Карпова произошел в районе семнадцатой — девятнадцатой партий. Его хватило, чтобы сравнять счет. Колебания приливов и отливов энергии у талантливых людей, согласно гипотезе «внутреннего допинга», носят циклический характер. И за фазой прилива с ее особой быстротой мышления, бурной фантазией, необычайной работоспособностью следует фаза отлива, сопровождающаяся упадком сил. Трудно сказать, повлиял ли отлив, пришедшийся на концовку матча, или просто у Каспарова запас энергии оказался больше, но нового выплеска энергии от Карпова его болельщики не дождались.

А может, все дело не в величине энергии, а в размере таланта и более крупный талант в конце концов неизбежно берет верх?

К счастью или к сожалению (как взглянуть), но измерительного инструмента для определения вели-

чины таланта еще не существует — ни в науке, ни в искусстве, ни в шахматах. Шахматы, правда, в силу своей принадлежности к спорту заставляют свои таланты мериться силами в различных отборочных соревнованиях: силой, мастерством, талантом, — но можно ли сказать, что побеждает неизменно самый чистый, самый самородный, самый крупный талант? Разве мы не знаем примеров того, когда обладающий (если воспользоваться характеристикой гроссмейстера начала нашего века Карла Шлехтера, которую дал ему чемпион мира Эмануил Ласкер), «быть может, достаточным для борьбы за мировое первенство дарованием, но слишком ценит спокойную жизнь, не наделен достаточным темпераментом и, по-видимому, не способен к решительному усилию воли, чтобы вырвать из рук другого мировое первенство»? А Решевский, Бронштейн, Керес? Разве не играли они на уровне, достойном чемпиона мира, разве не были наделены шахматным даром колоссального масштаба, но чемпионами мира — по разным причинам — так и не стали.

Мне пришлось слышать именно эти имена от Василия Васильевича Смыслова. Вот интересное дело: большие шахматисты обычно говорят, что ничьи таланты сравнивать не берутся, что это — темное дело, но сами то и дело, особенно в неофициальной обстановке, в тесном дружеском кругу, эту тему поднимают. Помню, что Спасский из шахматистов послевоенного времени самым крупным по природному таланту шахматистом мира называл как раз Смыслова. Сам Смыслов — Капабланку, Ботвинник — тоже Капабланку, а из гроссмейстеров нового времени высоко ценил дар Смыслова и Спасского, причем последнего ставил в этом отношении даже выше Фишера.

Морфи, Капабланка, Алехин давно закреплены в сознании любителей шахмат как гении. Обычно это неофициальное высшее звание в духовной табели о рангах присваивается человеку уже после его смерти. Но шахматы — исключение из правил. Здесь гениями спешат назвать наиболее ярких, непохожих, загадочных. Так, большую часть своей жизни прописан как гений в королевстве Каиссы Михаил Таль. При жизни был назван гением и Роберт Фишер... Да и о двух героях этой современной шахматной истории тоже говорят и пишут как о шахматных гениях.

Показателен в этом отношении диалог между писателем Игорем Акимовым и экс-чемпионом мира Анатолием Карповым. Как поведал в своем очерке в журнале «Студенческий меридиан» И. Акимов, этот диалог произошел ночью в особняке на Каменном острове, после выигранной у Каспарова семнадцатой партии матча-реванша.

«Карпов понял, что я имею в виду первый матч.

— Конечно. Тот Каспаров был еще претендентом. Тот после тридцати партий мне безнадежно проигрывал и мечтал хотя бы об одной победе. А этот — чемпион мира. Для него любое поражение — нонсенс. Нет статьи, в которой бы его не ставили рядом с великим Алехиным. А почитай комментарии в газетах к нашим партиям: в каждой найдешь дифирамбы его гению. Так и пишут — черным по белому: гениальный ход! гениальная партия! гениальная импровизация!..

— Но ведь и ты, оценивая Каспарова, признавал его гений.

— И сейчас признаю. В ряду таких шахматных великанов последних десятилетий, как Ботвинник, Таль, Спасский, Фишер, у него достойное место. Ты

понимаешь? — в ряду. Хотя, например, одаренность Таля и Фишера я ставлю выше: они были органичней. Они брали не столько школой, сколько естеством. В особенности Таль».

Тут я прерываю цитату, оставляя на совести автора очерка все его дальнейшие рассуждения о прежнем и нынешнем Тале, и передаю слово самому Талю...

...от которого «остались только фамилия и маска?...», как пишет о вашем покорном слуге Акимов?..

Ну, хоть что-то осталось, и то ладно.

Знаете, меня не в первый раз хоронят... Лет пятнадцать назад, когда я был в возрасте Анатолия Евгеньевича времен его матча-реванша, один из тогдашних руководителей союзного Спорткомитета сказал мне: «Миша, но вы же понимаете, конечно, что шахматист вы уже бесперспективный... Вы занимайтесь, может быть, у вас что-нибудь еще и получится». Мне эта фраза настолько понравилась, что я после этого не проиграл восемьдесят восемь партий подряд. Это оказалось таким великолепным допингом, что я потом все молился, чтобы мне кто-нибудь еще что-нибудь такое сказал. Молился и домолился: сказали, и не с глазу на глаз, а во всесоюзном многотиражном журнале. То ли подобные откровения не рассчитаны на слишком широкую аудиторию, то ли первое лицо все-таки было облечено полномочиями, а тут — мастер художественного жанра, и его дружеские пожелания не столь действенны, только на этот раз такой длинной победной серии не получилось.

Знаю, что шахматистов моего возраста (под пятьдесят и за пятьдесят) шахматисты возраста Андрея Соколова (одногодка Каспарова) называют меж собой «динозаврами». Лично я не в претензии, за

остальных «динозавров» не поручусь. Конечно, у молодых энергии побольше, чем у старшего поколения, и на длительной турнирной или матчевой дистанции это сказывается, как и естественно, что шахматисты новой волны теснят постепенно «динозавров», захватывают командные высоты в королевстве Каиссы: время — единственный противник, у которого нельзя выиграть.

Все это понимаю и принимаю, правда, без особого энтузиазма, но вот деления шахматистов по возрастному признаку не понимаю. Василий Васильевич Смыслов, разменявший седьмой десяток, и Гарри Каспаров, моложе его на сорок лет, находятся на разных возрастных полюсах, но своей игрой доказывают, что в шахматах полюса сходятся. Не всегда я был столь широк и терпим, не всегда... Вечность тому назад (точнее — в 1959 году), будучи в соколовско-каспаровских упоительных летах, я приехал в Югославию на турнир претендентов и с почтительным трепетом, но и с громадным удивлением глядел на своих соперников: я просто не понимал, как эти старики (додуматься до «динозавров», наверное, помешал почтительный трепет) еще могут играть в шахматы. Одному из стариков — Паулю Петровичу Кересу — было тогда сорок три, а Василию Васильевичу — тридцать восемь... Вспоминать об этом и стыдно, и смешно.

Как вы знаете, осень 1986 года была окрашена для меня в юбилейные тона.

Признаться, сам я своих пятидесяти пока не чувствую. Почему-то принято считать, что человек, так сказать, творческого склада до пятидесяти идет в гору, а после — начинает спуск в долину... Но почему обязательно под гору? У меня, представьте, ощущение эверестовское... Конечно же, я понимаю, что воз-

раст, где мера уже — производное от века, немалый, но очень не хотелось бы с этим соглашаться. Тем более что у меня всегда были сопутствующие (они же — тормозящие) обстоятельства. «В здоровом Тале — здоровый дух» — было придумано про молодость Таля, а про старого еще никаких афоризмов вроде не сочинено... Очень важно было для меня, как сложится первый мой после полувекового перевала турнир. Он проходил за Кавказским хребтом, в любимом мною Тбилиси и сложился для меня удачно — и по результату (я поделил первое место), и по качеству игры.

В общем, своих пятидесяти пока не чувствую, но про них знаю, — это, может, еще хуже. С симпатией отношусь к своему поколению — «нашим людям», но не могу сказать, что питаю антипатию к «последышам». О предшественниках уж не говорю — их остается все меньше и меньше, — и все больше и больше наша благодарность им — и ушедшим, и живущим...

С точки зрения шахматного динозавра, поколение последышей, новую шахматную волну отличают бьющая через край энергия и колоссальная целеустремленность. Хотя они совершенно разные — те же Каспаров, Соколов, Юсупов. Поразительная целеустремленность и заряженность. Ни тот, ни другой, ни третий практически не знают, что такое усталость, вернее, что такое чувство усталости. Кстати, есть молодые, и очень талантливые, шахматисты, которым чувство усталости вполне знакомо. Так что у каспаровско-соколовского круга это связано скорее не с молодостью, а с зарядом, жизненным и творческим. Очень у них большой запас энергии; ощущение такое, что до самых глубоких пластов в себе они еще не дошли, не докопались. Правда, если быть до конца искренним, у меня нет ощущения, что эта сверхзаря-

женная энергией молодежь (сюда надо добавить и нескольких молодых советских шахматистов, и некоторых их сверстников из Англии, Венгрии, Югославии, Исландии) приблизилась к тому уровню игры, какого достигли в их возрасте Фишер, Спасский, Карпов. За одним, естественно, исключением — Каспаров.

Если говорить не только о красивых двадцатидвухлетних, а объединить их с предшествующей волной тридцатилетних, то всех их я назвал бы шахматными реалистами. При всем разнообразии своего шахматного почерка они прагматики в лучшем смысле этого слова. (Открывает это поколение Фишер, хотя по возрасту он ближе к нам, пятидесятилетним.) В шахматах для них во главу угла поставлен спорт. При всем обилии истинных шедевров шахматного искусства, которое уже создал Каспаров (не говорю уж о Фишере и Карпове — у них для этого было значительно больше времени), все-таки спортивный элемент играет в его практике превалирующую роль. Каспаров, по-моему, поставил перед собой цель — побить все рекорды Фишера. У Карпова — другой склад, другой характер: он тратит ровно столько энергии, сколько нужно, чтобы занять первое место. А вот Фишер и Каспаров — жуткие максималисты: им непременно нужно на дистанции всего в десять туров опередить ближайшего конкурента на два, а то и на три очка!

Тут дело не только в том, что они так сильно играют, — они выкладываются в каждой партии на полную катушку. А мы... мы не забывали, что шахматы — это и искусство, и игра, позволяющая на какое-то время и расслабиться. А эти ребята не знают, что такое расслабиться. Возможно, кто-то из нас слишком сильно любил жизнь во всех ее проявлениях и рас-

слаблялся чаще и сильнее, чем может позволить себе шахматный мастер, претендующий на место у трона и на троне, а если уж расслабляются, то совершенно сознательно. Поколение акселератов. Выросшие (или не очень выросшие) акселераты.

Когда-то — сейчас я уже говорю не о шахматах, а о человеческих отличиях нашего и их поколения — мне казалось, что все дело в различном устройстве нашей душевной оптики: они все видят в фокусе, четко, ясно, без иллюзий и романтического флера; мы — более размыто, «позволяя себе» всяческие грезы, не всегда отделяя главное от случайного, второстепенного (помните, у Набокова, в его «шахматном» романе чудесно сказано, что память не могла найти фокуса и разобраться в том, что ценно, а что сор, — это и о нас сказано).*

Сейчас думаю, что и они — да, реалисты правоверные, да, рационалисты-прагматики — не лишены романтических черт. Ни Каспаров. Ни Карпов. Не будь Каспаров в душе романтиком, он преспокойно довел бы до конца матч-реванш, имея плюс три, а не лез бы на рожон. Да и Карпов, которого, кажется, в романтизме никто еще не заподозрил, без особых хлопот сохранил бы звание чемпиона мира в первом безлимитном матче, если бы думал только об этом, если бы в нем не был так силен азарт игрока, если бы был совсем лишен романтического начала... Не это начало в них преобладает, даже Каспарова относить безоговорочно к романтикам, как делают иные его поклонники, я бы не решился. Если это и романтизм, то — рискну процитировать себя — на очень рациональной, реалистической основе.

Оба они — сложные, неоднозначные, как все

---

* «Защита Лужина».

истинно творческие люди. Их и упрекают в излишне деловом подходе к жизни, к шахматам. И ими, их фантазией, мощью их игры, мастерством восхищаются. Восхищаются — и это совершенно справедливо — куда чаще и больше, чем упрекают.

В свое время Виктор Шкловский назвал истинным, неотъемлемым свойством настоящего художника то, что он не устает расти.

Оба героя этой шахматной истории не знают усталости за шахматной доской и не устают расти как мастера. Не перестают нас удивлять. Вот в последнем столкновении, именуемом матчем-реваншем, они предстали в новом качестве. Можно даже говорить о зеркальном эффекте: они стали в чем-то похожи друг на друга, а ведь еще вчера были по игре чуть ли не антиподами. Каспаров в нескольких партиях играл «по Карпову», переводил борьбу на технические рельсы, весьма преуспев за прошедшие два года в сложном лавировании. А ведь технике выучиться в домашних условиях очень трудно, почти невозможно. Технике на высшем шахматном уровне. В какой-то степени это врожденное качество. У Карпова, скажем, техника всегда была в кончиках пальцев, у Каспарова же — в сравнении с Карповым — находилась чуть дальше. Проделав огромную подготовительную работу перед матчем (чемпион писал об этом во втором номере бакинских «Шахмат» за 1987 год), Каспаров чувствовал, что выходит «на качественно новый уровень понимания шахматных проблем». И все-таки как на таком уровне заниматься чисто техникой, я себе просто не представляю.

Эксперты явно были не готовы увидеть соперников в новых ролях. И ваш покорный слуга — тоже, за что ему досталось от строгого комментатора Гарри Кимовича Каспарова. Сейчас найду это место из то-

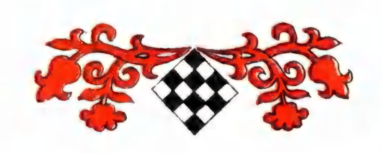
го же азербайджанского издания. Вот оно, в примечаниях ко второй партии: «...так и поступил в своем радиорепортаже экс-чемпион мира М. Таль (я предсказал, исходя из характера позиции, чисто технической, совсем не каспаровской, — быструю ничью в этой партии, она так и закончилась, но после очень сложной затяжной борьбы, причем чемпион полностью переиграл своего искушенного соперника и был очень близок к победе)... Но никоим образом нельзя упрекнуть столь искушенного в матчевых тонкостях шахматного бойца, так как тогда нельзя было предположить, что матч принесет нам немало сюрпризов, которые изменят представление о характере наших поединков... А все началось с безжизненной, на первый взгляд, позиции, в которой Карпов не проявил присущей ему точности, а я оказался несвойственно мне настойчивым в выжимании минимальных шансов... Впрочем, дальнейший ход матча показал, что такое развитие событий было неслучайным».

Словом, в этом матче Каспаров показал себя исключительно разносторонним мастером, в совершенстве освоившим и те разделы шахматного многоборья, которые еще недавно считались его «ахиллесовой пятой».

Сюрпризы преподносили обе стороны. После второго поединка Анатолия Карпова критиковали за игру в дебюте, где он явно уступал Каспарову. И что же? Берега Темзы и Невы увидели Карпова — застрельщика теоретических дискуссий, весьма успешно действовавшего на поле крупнейшего дебютного специалиста, каким всеми признан Каспаров. Все четыре победы Карповым были одержаны в партиях, где острый конфликт начинался уже в дебюте. Теоретические новинки, примененные экс-чемпионом мира, дают новую оценку вариантам испанской партии, защиты

Грюнфельда и других дебютов. Похоже, и Карпов вышел на качественно новый уровень понимания шахматных проблем.

Все это сулит нам новые, еще более захватывающие в зрелищном отношении, еще более содержательные, динамичные, острые, если это можно себе представить, матчи этих двух соперников, чем два их двадцатичетырехраундовых боя.

Глава четвертая

КОНЬ ЧЕРНЫЙ, КОНЬ БЕЛЫЙ...

— Биться будем по всем правилам, конечно? — спросил Белый Рыцарь и тоже надел шлем.
— Я всегда бьюсь только так, — ответил Черный Рыцарь. И они скрестили дубинки с такой силой, что Алиса в страхе спряталась за дерево.
«Интересно, — подумала она, робко выглядывая из своего убежища, — какие у них правила?»

Карпову потребовалось десять лет, чтобы стать трехкратным чемпионом мира. У Каспарова ушло на это три года.

Время такое сверхплотное, суперскоростное. Время перестройки. Время перемен.

Когда внутренний импульс человека и зов времени совпадают, кажется, что человек сам, сознательно, по собственной воле выбрал время родиться и жить. Он выбрал Время или Время выбрало его?

Шахматный чемпион эпохи восьмидесятых одержим идеей все переменить и в отечественном шахматном доме, и в мировом шахматном королевстве. «Перемены, которые начались в шахматном мире, его организационной структуре, уже необратимы, — говорит он корреспонденту газеты «Советская культу-

ра» летом 1987 года. — Они стали возможны благодаря перестройке, происходящей в жизни советского общества, непосредственно связаны с ней. Радует ли меня сложившаяся ситуация? Лишний вопрос. И за шахматной доской, и вне ее я всегда активно выступал и продолжаю выступать против тех порочных методов, которые использовались некоторыми для достижения личных целей. При этом ничего не стремился сделать для себя, а лишь утверждал свои принципы».

Размышляющие о гарантиях необратимости перестройки, о развитии демократии, что и ведет к таким гарантиям, призывают для начала «усвоить как самоочевидное: критическое отношение к себе — нормальное состояние и человека, и общества. Нормальное, а не чрезвычайное. Нормального человека и нормального общества».

В свое время, в год XX съезда партии, мы восприняли эту истину как откровение. Для поколения Каспарова, родившегося через семь лет после XX съезда, она относится к разряду самоочевидных. Оно было готово, как, впрочем, и поколение «шестидесятников», немедленно начать (а «шестидесятники» — продолжить) расчищать поле жизни и творчества от камней и сорняков, годами наваливаемых и взращиваемых бюрократами, чиновниками-охранителями Административной Системы. Настоятельной необходимости и потребности (тут уже я оставляю «шестидесятников» в покое) в самокритике, в покаянии у них не было, да, наверное, и быть не могло, и весь свой критический запал, все нетерпение жаждущего справедливости молодого горячего сердца они обратили на несовершенство устройства той части общественного механизма, которая касалась их непосредственно, с которой они сталкивались повседневно на практике.

ЕМПИОН
МИРА

В случае Каспарова это была жизнь шахматная, жизнь спортивная. Новый чемпион стал не только острым и хорошо информированным критиком теневых сторон этой жизни, но и обнаружил в себе задатки реформатора, выдвинув несколько плодотворных «дебютных» идей ее реорганизации в духе и русле времени и — что самое удивительное и ценное — добившись в ряде случаев их реального осуществления.

Возглавив Международную ассоциацию гроссмейстеров, тринадцатый шахматный король дал ясно понять всему миру, что собирается не только царствовать, но и управлять.

Идея создания ассоциации ведущих гроссмейстеров мира — в рамках и под эгидой существующей ФИДЕ — Международной шахматной федерации, но в то же время автономного, самостоятельного объединения творцов, без которого чиновники-управленцы ФИДЕ не могли бы принять ни одного решения, затрагивающего интересы творцов, в частности не имели бы права изменять по своему велению и хотению систему розыгрыша звания чемпиона мира, — эта идея носилась в воздухе очень давно. Наставник нынешнего чемпиона М. Ботвинник высказывался в адрес руководителей ФИДЕ, пожалуй, не менее резко, чем его ученик и продолжатель.

М. Таль припомнил, что в свое время его коллеги вынашивали идею создания такой ассоциации и в качестве ее первого главы видели только Пауля Петровича Кереса, с его безупречным нравственным авторитетом. Еще один экс-чемпион мира, Б. Спасский, соглашаясь с тем, что лучшего президента ассоциации, чем «Петрович», не найдешь, в то же время сомневался в целесообразности объединения в рамках одного союза всей мировой шахматной элиты, поскольку, по его мнению, все ведущие гроссмейсте-

ры — отчаянные индивидуалисты и лучшей формой их организации является... анархия.

Так что это за сообщество — Международная ассоциация гроссмейстеров?

В октябре 1986 года в Ленинграде завершился матч-реванш, а 13 ноября тринадцатый чемпион мира вместе с двенадцатым и другими сильнейшими советскими гроссмейстерами стартовал в новом соревновании — шахматной Олимпиаде в Дубае, входящем в ближневосточное государство Объединенные Арабские Эмираты. Там же, в Дубае, на конгрессе ФИДЕ чемпион мира, поддержанный ведущими шахматистами мира, и предложил создать «Ассоциацию гроссмейстеров» и проводить новое соревнование «Гран при» — турнирный Кубок мира.

Послушаем самого Каспарова: «Ведущие гроссмейстеры мира, практически все, кто был в Дубае, дружно подписали письмо в ФИДЕ. В письме объявляется не о рождении «совета гроссмейстеров» — этого мертворожденного «дитя» Кампоманеса, совета, который не имел прав, — а об «Ассоциации гроссмейстеров», которая не просит, а требует у ФИДЕ прав в решении всех вопросов, связанных с матчем на первенство мира, с регламентами игры и правилами соревнований и с квалификационными вопросами тоже. Мы хотим сами решать свою судьбу...

Мы предлагаем реконструировать цикл розыгрыша первенства мира, введя при этом новое соревнование, которое будет называться «Гран при» — турнирный Кубок мира. Цикл мирового первенства трехлетний, как это было прежде, Кубок мира разыгрывается в течение двух лет, между матчами. В Кубке мира 6 турниров; каждый из 24 гроссмейстеров, которые будут отобраны туда, может сыграть 4 турнира, из коих 3 лучших результата идут в зачет.

В матчах на первенство мира мы предлагаем оставить только короткие матчи — систему «нокаутов». Матчи, так только матчи, — из 6, 8,10, 12 и из 24 партий. Система квалификации по первенству и Кубку мира должна быть общей — отбираются участники и туда, и туда... Цикл кончается в 1989 году, в 1990-м играется матч на первенство мира, и начинается новая система отбора...»

В ассоциацию гроссмейстеров входят все шахматисты мира с рейтингом Эло не менее 2501. Право голоса в ассоциации будут иметь только двадцать четыре участника соревнований на Кубок мира (число советских гроссмейстеров составляет, не считая чемпиона мира, — восемь человек, кстати, один из них — М. Таль). Руководит ассоциацией совет из семи игроков: президент — Каспаров; вице-президенты — Карпов и Тимман; члены совета — Любоевич, Портиш, Сейраван и Нанн. Раз в три года состав переизбирается. Для проведения Кубка мира Ассоциация собирает призовой фонд в 2400 тысяч долларов, десять процентов которого выделяется на популяризацию и развитие шахмат.

Окажутся ли творцы умелыми администраторами? Найдут ли они общий язык с опытными администраторами ФИДЕ? Уживутся ли турниры Кубка мира с их «нокаутирующими» призами и короткие матчи-нокауты на первенство мира?.. Не приведет ли конфронтация двух международных объединений — федерации и ассоциации — к необъявленной войне?

Человеку бурного общественного темперамента, с тягой властно вмешиваться в ход событий без шапки Мономаха было бы намного тяжелее осуществлять перемены, заниматься капитальной перестройкой. В отличие от шапки-невидимки шапка Мономаха

укрупняет, высвечивает фигуру ее носителя так, что его нельзя не увидеть, нельзя не услышать.

И Каспаров был услышан всеми, когда заявил, что внешнее благополучие в советских шахматах, обладание большинством высших званий и титулов оставляет в тени многие проблемы развития шахматного движения. Мы любим повторять, говорил он, что у нас самая шахматная страна, но за разговорами о массовости забыли, что утратили лидирующее положение в пропаганде шахмат, как в области теории, так и в периодике; по числу шахматных книг всех опережает Англия, а лучший теоретический журнал выходит в Голландии. Что касается массовости, то мы привыкли к цифре четыре миллиона организованных шахматистов. Но даже это не столь уж много для страны с населением более чем 280 миллионов. Да и откуда взялись эти четыре миллиона? Загадка! Может быть, в СССР один миллион шахматистов, а может быть, десять? Нет членских билетов, нет взносов...

И чемпион, поддержанный своими коллегами-гроссмейстерами, заговорил о необходимости создания творческого союза шахматистов, ее профессиональной организации — ассоциации советских гроссмейстеров. «Создание ассоциации не противодействие федерации, — разъяснял он свою позицию, — а попытка воспрепятствовать такому процессу, когда несколько чиновников могут определять пути развития шахмат. Федерация пусть занимается массовыми шахматами. Ассоциацию же должны волновать профессиональные вопросы, вопросы самоокупаемости, шахматного издательства».

Ломать (и критиковать) — не строить. Идеи, даже самые плодотворные, кто-то должен материализовать... Что из того, что они носятся в воздухе? Не будучи воплощенными, они воздух только сотрясают.

Кто-то, стало быть, должен и руки приложить. Кто, если не ты сам?..

Международная ассоциация гроссмейстеров, творческий союз советских шахматистов — только этих хлопот (не считая борьбы за «корону») хватило бы целому специализированному учреждению. С распростертыми объятиями короля-администратора короли-администраторы — и международные, и отечественные — не встречают. «И мы уже имеем печальный опыт того, — сетует чемпион, — что любая общественная программа неизбежно сталкивается с огромным противодействием бюрократизма».

Из всех общественных дел шахматная школа, пожалуй, самое сокровенное. Не будь этой школы — школы М. Ботвинника, не было бы и тринадцатого чемпиона. Так что, с одной стороны, заниматься с юными дарованиями для Гарри — «именины сердца», а с другой — возвращение долга.

Теперь это — школа Ботвинника и Каспарова. «Работа нашей школы, — рассказывает М. Ботвинник, — носит своеобразный характер. Мы избегаем традиционности: разбора партий, лекций о миттельшпиле и эндшпиле — словом, ситуаций, когда тренеры зачастую даже не интересуются, кто их слушатели. Мы стараемся проникнуть в душу каждого ученика, понять его сильные и слабые стороны и только после того даем советы, как сильные стороны развить, а слабые устранить. Решения в шахматах нужно принимать быстро и самостоятельно. Вот мы и учим этой самостоятельности, исследовательской работе».

Два раза в году, на зимних и летних каникулах, наиболее одаренные дети-шахматисты приезжают на сессии этой уникальной школы. Оба нынешних непримиримых соперника вышли из этой школы. По-

прежнему за ее «партой» чемпион мира среди юношей ереванец Володя Акопян. И хотя летом восемьдесят седьмого Каспаров чуть опоздал на занятия школы в литовский город Друскининкай (летал с Карповым в Севилью, осматривал поле будущего сражения), все же приехал и с головой ушел в ее проблемы, между тем как его голова, по мнению его родных, тренеров и болельщиков, должна была быть занята совсем другим — близким, ближе некуда, матчем с Карповым.

Кроме школы, на попечении чемпиона детский компьютерный клуб в Москве. Без компьютеров в наши дни не обойдешься. Не умеющий пользоваться компьютером человек не сможет жить в мире сложной техники. Но не хватает персональных компьютеров, мало энтузиастов, которые помогли бы ребятам разобраться в микропроцессорах, дисплеях, перфолентах, программах и других атрибутах электронной цивилизации. Откуда у Гарри Каспарова эта компьютерная страсть? От Ботвинника, пытающегося создать «электронного гроссмейстера»? От желания научить всех думать быстро и самостоятельно, от стремления ускорить процесс развития интеллекта, что невозможно по нынешним и тем более будущим временам без партнерства с электронно-вычислительной техникой?

Отделения клуба «Компьютер» открываются в Тбилиси, Новосибирске, Баку, Таллинне. Персональные ЭВМ для московского клуба его президент приобрел в ФРГ, одна из фирм которой с разрешения чемпиона, в рекламных целях воспользовалась его именем и стала выпускать компьютеры «Каспаров».

К началу матча в Севилье клуб существовал полтора года. Его президенту приходилось не только доставать электронную технику и учить ребят управ-

ляться с ней, но и заниматься куда более прозаическими делами, например организовывать ремонт крыши дома, где размещается «Компьютер» и дорогостоящие компьютеры. Удивленный тем, как распыляется перед ответственнейшим испытанием чемпион, спортивный журналист и сценарист Евгений Богатырев спросил у Каспарова, стоит ли так растрачивать себя перед матчем с Карповым, и услышал в ответ:

«Шахматист, как стайер, обязан уметь распределять силы по всей дистанции жизни. Что же касается моей общественной деятельности, то я руководствуюсь здесь одним принципом: если начал какое-то дело, постараться довести его до конца. Поэтому даже в такое напряженное время я стараюсь выкроить часы для моих подшефных ребят — и из клуба «Компьютер», и из шахматной школы, которую мы ведем вместе с Михаилом Моисеевичем Ботвинником».

Когда прирожденный спринтер начинает рассуждать об искусстве стайера... Впрочем, стайером он вынужден был стать. Только вот распределять силы... Казалось, их невероятно много, их хватит на все — и на ассоциации, и на Кубок мира, и на компьютерный клуб, и на школу, и на книги, и на турниры, и на подготовку с ее анализами и футболом. Что же касается Севильи, то перед этим матчем для самого себя он решил окончательно, что играет лучше Карпова... Он скажет об этом на следующий день после окончания матча в Севилье корреспондентам Гостелерадио СССР и, на мой взгляд, объяснит тем самым отчасти свою несобранность, с какой он, вопреки всем предположениям, вышел на матч.

Карпов (тоже вовсе не стайер по натуре) научился, однако, совершенно по-стайерски распределять силы на дистанции жизни.

За время своего чемпионства Анатолий Карпов сделал очень много для пропаганды и популяризации шахмат. Во время поездок на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, на Украину, в Краснодарский край он читал лекции, давал сеансы, открывал и — главное — способствовал открытию дворцов шахмат и шахматных школ. Рос авторитет и журнала «64», главным редактором которого стал Карпов. В 1982 году Анатолия Евгеньевича Карпова избрали председателем правления Советского фонда мира. У него было много поручений, нагрузок, его избирали в самые различные советы, коллегии, и, разумеется, до всего у него не доходили руки — ведь прежде всего он был и оставался играющим чемпионом, утверждавшим свои принципы, свое творческое кредо не широковещательными заявлениями, а игрой, творчеством.

«Я завидую людям, которые умеют ничего не делать. Я так не могу. Но чем больше ворочаешь дел, тем больше их наваливается. И если вначале ими занимаешься с удовольствием, то вскоре появляется досада, когда однажды утром вдруг сознаешь, что всей этой круговерти могло бы и не быть. Но как научиться отказывать людям в том, что ты можешь? И что станет с душой, если этому действительно научишься. Вот и делаешь все, что можешь».

Может быть, для тех, кто знает Карпова ближе и глубже меня, в этих его признаниях, сделанных накануне Севильи, и не было ничего нового, для меня же они прозвучали откровением. И о том, как растрачивается на суету душа, и о том, что на общение с сыном почти не остается ни времени, ни сил, и жену видишь мельком, вполглаза, и друзья уже не обижаются — только сочувствуют, и о том, что, оказывается, самая большая мечта — заниматься только тем, к че-

му сердце лежит... Вот, оказывается, сколько в нем накопилось горечи, как мается и казнится он, слывущий разумником-рационалистом с расчисленной душой. «И вот теперь все чаще задумываюсь: неужто эта каторжная жизнь — единственно возможная плата за любовь к шахматам, за преданность им? Конечно, за все нужно платить. Но разве плата непременно должна быть столь высока?..»

Сетования великих чемпионов на свою судьбу, на высокую плату, которую надо платить за вынужденно урезанную, ограниченную требованиями борьбы жизнь, я не стал бы брать под сомнение, как делают болельщики из другого лагеря или просто завистники: и чего им неймется, раскатывают по заграницам, заколачивают бешеные деньги и еще причитают, клянут разнесчастную свою долю... Но и спешить к ним с утешениями тоже не стал бы. И не потому, что они люди сильные и в утешениях-соболезнованиях не нуждаются. Они знали, на что шли, когда выбирали свою долю, отчаянно, изо всех сил борясь за свой выбор. Возможно, иные из них, становясь старше, мудрее, идеи милосердия, чести ставят выше, чем достижение самой развысокой победы (отсюда и горечь, и смятение даже у тех, кто останавливается, оглядывается и подводит предварительные итоги), но пока они выполняют свое предназначение, свою программу, цель которой — победа над всеми, они не могут жить иначе как этой самой каторжной жизнью, не могут не расплачиваться своей душой по векселям своего дара.

Карпову шел тридцать седьмой год, когда он сел за доску в Севилье. Это был его седьмой матч на первенство мира. Седьмой за двенадцать лет. Чтобы не вы-

слушивать соболезнований (по его же признанию), Карпов сразу после ленинградской неудачи поехал на турнир в Тилбург, потом на Олимпиаду в Дубай. Те, кто не успел со своими соболезнованиями сразу после матча-реванша, в ближайший год были лишены этой возможности. Кому соболезновать? Победителю суперфинального матча с Андреем Соколовым? Победителю турниров в Голландии, в Испании? Обладателю абсолютного шахматного рекорда: турнир в Бильбао был шестьдесят восьмым, в котором Анатолий одержал победу с тех пор, как стал мастером спорта? (Прежнее достижение принадлежало самому Александру Алехину — шестьдесят шесть победоносных турниров.)

«Для меня практическая форма имеет решающее значение, — говорил перед Севильей Карпов. — Ее невозможно набрать или сохранить, скажем, лишь изучая сыгранные партии. Другое дело — участие в турнирах должно сочетаться с постоянной исследовательской работой. Конечно, одному шахматисту нужно играть сто партий в году, другому достаточно восьмидесяти, а третий вообще может сидеть на голодном пайке. Ботвиннику, например, достаточно было играть немного. Спасский, будучи чемпионом мира, тоже ограничивал свое участие в турнирах. А скажем, Таль готов был играть сколько угодно. Моя же ежегодная норма — семьдесят—восемьдесят партий. Речь, естественно, идет об официальных соревнованиях. Дело тут вот в чем. Одни умеют играть тренировочные партии, а другие — нет. Я отношусь к категории последних. Мне трудно серьезно настроиться, если борьба не всамделишная. И все же перед матчем на первенство мира перерыв в два-три месяца, мне кажется, необходим, иначе получается суета какая-то».

Ему удалось настроиться на всамделишную борьбу. И наиграться всласть, и заняться исследованиями, и отдохнуть от гонки-суеты, и окрепнуть, плавая в бассейне и сражаясь на теннисном корте.

С-III. Вокруг шахматной игры на Западе всегда идет своя игра. Хочешь заработать — ставишь на того партнера, в победу которого веришь. Поставишь десять франков, а выиграешь сотню или, наоборот, раскошелишься, выложишь тысячу долларов, а останешься с носом. Так вот, на биржах, в букмекерских конторах, где принимали ставки, шансы чемпиона мира котировались выше. Финансовые дельцы, разумеется, не на кофейной гуще гадали, а закладывали в компьютеры всевозможные данные — и возраст, и последние достижения участников, и их рейтинг, и, конечно же, мнения авторитетов.

Если бы шахматного чемпиона мира выбирали голосованием, как директора завода, на общем собрании коллектива гроссмейстеров, то шансов у Каспарова было бы больше. Так, все участники турнира в голландском городе Тилбурге отдали предпочтение в новом поединке Каспарову. Они не объясняли мотивов голосования, но, по-моему, двенадцать лет разницы между конкурентами заставили их предпочесть более молодого. Молодость — это энергия, и разве не естественно предположить, что после трех изнурительных матчей, после девяноста шести партий, принесших одному из них микропреимущество всего в одно очко, быстрее и полнее восстановится более молодой?

Назвав Каспарова и Карпова двумя колоссальными шахматистами, двумя гениями, которые так много дали шахматам, экс-чемпион мира Борис Спасский

предсказал, что осенью в Испании выиграет Каспаров, потому что у него больше энергии. Сменивший Спасского на троне Роберт Фишер, по просочившимся в печать сведениям, заявил, что лучше играет Карпов, но победит (причин он не назвал) Каспаров. Но я не стал бы доверять этим сведениям: давно уже все, связанное с Фишером, покрыто мраком тайны. Вот и на этот раз прогноз американского гроссмейстера появился сразу в двух редакциях — с одной вы уже знакомы, другая выглядит несколько иначе: «Карпов будет играть лучше, но победит Каспаров».

Конечно же, эксперты (не мифические, а реальные) прекрасно отдавали себе отчет в том, что в споре равных многое, если не все, зависит от того, кто и как сумел подготовиться к матчу. Тот же Спасский в парижской газете «Монд», не отказываясь от своего прежнего прогноза, заметил: «Гарри слишком бурно окунулся в различные нешахматные и околошахматные виды деятельности. Хлопоты, связанные с ассоциацией гроссмейстеров, с написанием и изданием «Автобиографии» — все это очень хорошо, но только не перед самым матчем с Карповым, который отнюдь не намерен складывать оружия и преисполнен решимости вернуть утраченный титул. А Каспарову словно недостаточно всех его прочих нагрузок: в канун поединка он заключил пари с одним испанским журналистом, утверждая, что способен преодолеть сто метров быстрее чем за 12 секунд, и действительно пробежал стометровку за 11,8».

Давид Бронштейн отдал предпочтение в севильском поединке Карпову потому, что тот, во-первых, усидчивее, во-вторых, лучше подготовился. Бронштейн, один из лучших шахматистов послевоенного мира, отметил, что сейчас борьба за высшее шахмат-

ное звание стала необычайно жесткой (помните его же мысль об утрате шахматами частицы доброты?), спортивный элемент берет верх над творческим; колоссальное значение придается дебютной части партии; «в условиях, когда на участников матча работают целые бригады тренеров, перевес может быть достигнут за счет домашней подготовки, знаний, памяти, и, кажется, на второй план отходят интуиция, фантазия шахматиста, что особенно ценилось в наше время».

И во времена Таля и Спасского эти качества ценились не менее высоко. «Шахматы стали более атлетичными главным образом за счет того, что сейчас игроки хотят получить преимущество уже в дебюте, — разъясняет свое понимание эволюции шахматного искусства десятый чемпион мира. — ...А в мое время — это, значит, приблизительно пятнадцать лет назад — люди больше играли талантом, больше рассчитывали на то, что они получили от бога, от природы».

Шахматы становятся все более научными, все сильнее в них элементы спорта, все больше они опираются на теорию. Значит ли это, что можно запланировать появление чемпиона мира в той или иной национальной федерации, в той или другой стране? «Знаете ли, чемпионы мира не планируются, — ответил однажды софийскому журналисту Спасский. — Они рождаются... Тут бессильны любые теории».

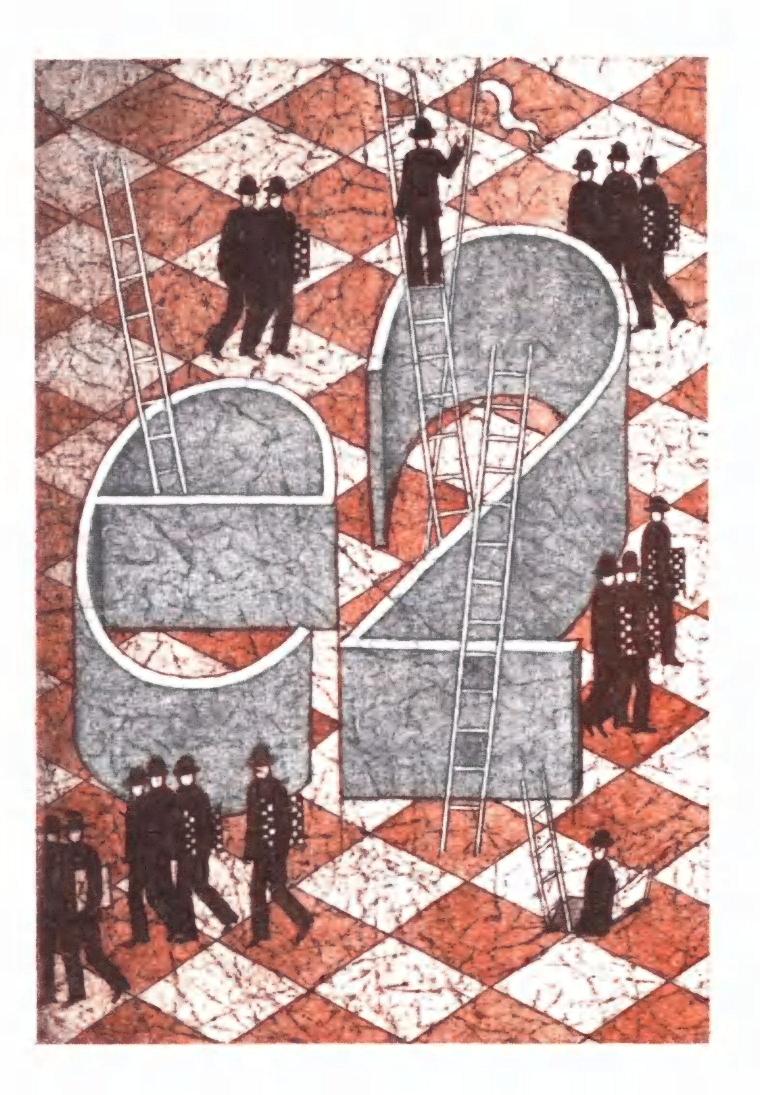
Так стоит ли настаивать на том, что интуиция и фантазия отодвинуты и задвинуты далеко-далеко? Без озарения и в наши компьютерно-дебютные времена в чемпионы не выйдешь. Другое дело, что прежде фантазия, интуиция и все другие составные таланта тянули и, случалось, дотягивали состав до станции назначения (вернее — предназначения), а теперь тя-

нущим состав локомотивом стали концентрированное усилие характера, подъемная сила воли, напор личности. И во все времена без них нельзя было обойтись, но в эру атлетичных шахмат эти силовые элементы стали преобладать. Ну, может, и не преобладать, однако тянули и вытягивали именно они. Но кого вытягивали на самую вершину? Озаренных, осененных — без этой верховной печати, на одной силе и памяти, на голой механике далеко ли уедешь?

Отдавая должное феерической талантливости Каспарова и Карпова, я тем не менее подозревал, что пропасть между ними и остальным шахматным миром, о которой так любят толковать, отражает не столько превосходство их природных талантов над способностями ближайших конкурентов, сколько... Но, знаете, предпочитал помалкивать, еще сочтут, что я завидую; раньше зависть в нашем шахматном кругу делили на «черную» и «белую», а теперь, с открытием кооперативов у нас дома и резким увеличением гонораров в матчах на первенство мира появился еще один вид зависти — социальный, когда лишаются сна оттого, что соседи по дому или коллеги по работе зарабатывают много, много больше, чем ты... И не стал бы распространяться на эту деликатную тему, если бы на помощь мне не пришел... Анатолий Карпов. «По пониманию шахмат, по технике игры, — сказал он перед самым отъездом в Севилью, — еще несколько гроссмейстеров в мире стоят близко к нам с Каспаровым. Но у других нет целостности характера, умения собраться в решающий момент борьбы, выплеснуться. Поэтому наши небольшие шахматные преимущества выливаются в большие спортивные».

Что касается лично моих прогнозов относительно исхода севильского матча, я решил взять на вооружение формулу Михаила Таля, отбивавшего атаки ар-

гентинских журналистов (накануне открытия севильского матча он играл на турнире в Аргентине) встречной атакой: «В данном случае я больше ваш коллега, чем гроссмейстер, и сам хотел бы знать, кто там, в Севилье, победит».

Попытки мои как связующего между посюсторонним миром и Зазеркальем прибегнуть для выяснения этого вопроса к помощи черной магии успехом не увенчались. Крупнейший испанский маг и ясновидящий Диего Арасиэль отказался посвятить и меня и кого бы то ни было в тайну, ибо, с его точки зрения, было бы неэтично по отношению к организаторам матча лишать их зрителей и тем самым причинять им материальный ущерб.

Ассоциации с Зазеркальем заставили меня вспомнить Алису из «страны чудес» и белого кролика с красными глазами и часами в жилетном кармане, юркнувшего в нору под изгородью, а уж за ним юркнула и Алиса, и начались все ее чудесные приключения... Ну, а от кролика до Каспарова — рукой подать: он родился в «год кролика», по восточному календарю. И до Карпова от кролика — не дальше: он тоже увидел свет в «год кролика». А родившиеся в «год кролика», по поверью, хитры, скоры на каверзы (впрочем, не злые) и очень смышлены. И естественно, удача должна благоприятствовать «кроликам» в их год, а 1987-й, если еще не забыли, как раз и был «годом кролика». Почему-то никто из экспертов — ни ясновидящие маги, ни маги-гроссмейстеры — не обратили внимания на это решающее — для окончательного счета матча — обстоятельство... Ну, скажите на милость, могли ли два кролика в «год кролика» сыграть иначе, чем они сыграли?!

Четвертый матч ждал их в Севилье, а они никак не могли забыть своего первого матча — безлимитного, прерванного шахматным президентом на самом интересном месте. Где бы они ни выступали в эти годы, с какими бы аудиториями ни встречались, их снова и снова просили прояснить конфликтные ситуации того первого поединка, да и некоторые напряженные моменты двух других. Ни в чем не желавшие уступать друг другу за доской, они и тут были непримиримы, настаивая на своем.

Пожалуй, никогда прежде в их взаимоотношениях полемика не принимала такой резкий, такой личный характер. Если, думалось, перед матчем стороны настроены столь непримиримо, что же произойдет, когда они сойдутся в Севилье с глазу на глаз?

И они сошлись, наконец, под андалусскими небесами в восхитительно теплом, напрочь исключающем даже возможность простуды испанском октябре — даже не сошлись, а (как сказано у Набокова в его описании матча Капабланка — Алехин) «по-настоящему сшиблись» в Севилье.

Они сшиблись в Севилье в равном споре, абсолютно равном. Это разогревало борьбу за доской до белого каления, но это же абсолютное равенство спорящих позволяло им — воспользуюсь мыслью замечательного филолога и культуролога Сергея Сергеевича Аверинцева — «чувствовать себя не только разъединенными, но и объединенными ситуацией спора как занятия человеческого». Объединяла их, как ни парадоксально, шахматная доска, поле их непримиримого сражения. В глубине души, в подсознании, где хранят творцы свои мерки-эталоны, они признавали громадность чужой силы, возможно, даже свое равенство, возможно, даже абсолютное равенство, с чем никогда не могла примириться их гордыня.

И потому один повсеместно утверждал, что он играет сильнее другого, даже когда он не в форме и играет не лучшим образом, а другой не упускал случая пройтись насчет того, что соперник его боится.

Да и не только в гордыне дело.

Психологическая война как накануне шахматного сражения, так и в ходе его изобретена давным-давно. Просто раньше об этом писали лишь тогда, когда один из партнеров по шахматному матчу был наш, а другой — не наш, а когда оба были наши, то, конечно, ни о какой психологической войне никто и не вспоминал, разве что о боях местного значения. Да и то сказать: раньше так — не за доской — не схлестывались, не сшибались, раньше лично-е (помните, как Карпов выделил это словцо в «Студенческом меридиане»?) так остро, в таком объеме не выносилось на общий суд.

Обозреватель популярного журнала, выходящего у нас раз в неделю, не преминул так написать о кипении страстей: «...Сложилось так, что еще накануне состязания сами партнеры в полемическом задоре обострили напряженность взаимоотношений и недвусмысленно обозначили неспокойный психологический фон, усложняющий и без того многообразные проблемы творческого единоборства. В их предматчевых интервью для прессы прозвучали не только оправданные в подобных случаях слова оптимизма и гордого самоутверждения, но и менее привычные взаимные претензии, связанные с выходом в свет исповедальной автобиографической книги Г. Каспарова «Дитя перемен» и затрагивающие конфликтные ситуации прошлых поединков...»

Обозреватель другого популярного издания — еженедельника обрисовал ситуацию сходным образом: «По высказываниям соперников перед матчем,

по некоторым их репликам во время пресс-конференции (а они проводятся после каждой партии) можно догадаться, что отношения между чемпионом и претендентом не безоблачные. Откровенно говоря, ничего удивительного я в этом не вижу. Было бы ханжеством утверждать, что яростная борьба, не имеющая даже отдаленных аналогов в столетней истории борьбы за чемпионский титул, может способствовать возникновению дружеских чувств».

А известный драматург (и известный поклонник Каиссы), выступая в дни севильского матча в Останкинской телестудии, сказал: «Сколько ни вздыхай о том, что шахматы ужесточились, не видеть этого нельзя. Ставки стали непомерно высоки — я имею в виду не только материальное вознаграждение».

(Кстати, о материальном вознаграждении. Мой соавтор, будучи в Испании на матче, давая интервью Владимиру Верникову, собкору «Известий» в Мадриде, и сравнивая севильский матч со своими поединками с М. Ботвинником в начале шестидесятых, увидел только одно сходство: «И тогда, и сейчас победителя увенчают лавровым венком. В остальном — от дебютов до гонораров — все иное». О дебютах соавтор еще выскажется поподробнее, что же до гонораров, то, как пелось в нашей студенческой песне времен первой газетной практики: «Гонорары — о-го-го!» Точнее если — призовой фонд матча составляет 2 миллиона 800 тысяч швейцарских франков, или около двух миллионов долларов, что в десять раз больше, чем в матче 1972 года Спасский — Фишер, и почти в сто раз — в сопоставимых ценах — выше, чем шестьдесят лет назад в единоборстве Капабланка — Алехин.)

Рискуя быть обвиненным в ханжестве, рискуя показаться несовременным прекраснодушным идеали-

стом, позволю себе, однако, повздыхать об ужесточении шахмат и сердец... Вздохи эти, конечно, эфемерны и не стоят ни франка, ни доллара, ни гроша ломаного, но если не вздыхать, не печалиться, не сокрушаться по поводу того, что согласия человеческого, солидарности людской убывает, они и в самом деле убудут невосполнимо, невосстановимо.

Но вернемся к спору равных. К спору, а не к ссоре, ибо, как заметил толкователь кэрролловских сказок, знаток человеческого Зазеркалья Честертон: «Я ненавижу ссору, потому что она портит удовольствие от спора». И слава богу, что грозившая затянуться ссора была отменена начавшимся спором, не только разделяющим, но и объединяющим людей.

Вы помните, конечно, Мохаммеда Али и Джо Фрэзера?.. Прежде чем обменяться ударами, они обменивались репликами — и задолго до очередного боя, в печати и с телевизионных экранов, и непосредственно на ринге. Али-Клей был натурой художественной и выкрикивал в микрофон нечто стихотворное, если не ошибаюсь: «Я порхаю, как бабочка, и жалю, как оса...» Ну и само собой оса обещала ужалить противника в другом углу ринга так, что он окривеет на оба глаза и будет искать после боя пятый угол... Фрэзер, лишенный поэтических способностей конкурента, но обладавший динамитными кулаками, обещал само собой бабочку прихлопнуть, а у осы вырвать жало — и все это грубой прозой, без намеков и экиво-*

---

* Мохаммед Али (он же Кассиус Клей) и Джо Фрэзер — сильнейшие американские профессиональные боксеры, оспаривавшие в 70-е годы в поединках между собой звание чемпиона мира среди боксеров тяжелого веса.

ков... И знаете, иная полемика партнеров перед шахматными матчами на высшем уровне напоминает мне перепалку Али и Фрэзера. Не сразу и разберешь, чего тут больше: попытки вывести противника из равновесия и самому завестись, искреннего неприятия каких-то черт человеческого облика партнера, необходимости разжечь интерес публики, элементов некоего развлекательного шоу... Наверное, всего хватает. В общем, в шахматах это было и раньше — достаточно вспомнить соперничество Капабланки и Алехина или некоторые матчи нового времени. В этом смысле Каспаров с Карповым ничего нового не изобрели. И не надо считать, что перед Севильей они впервые пошли на такую резкую и личную полемику. Было это и перед их предыдущими матчами, просто мы раньше об этом совсем не упоминали. И сейчас про это очень мало говорим, но говорим спокойнее.

И в общем-то ничего не естественного в такой вот схватке перед боем нет. (Это, разумеется, не означает, что эта «естественность» мне по нутру.) Но не сам по себе обмен, непосредственно перед Севильей, взаимными претензиями и обидами, пусть даже в резкой, некорректной форме, а очень сложные шахматные и человеческие отношения, возникшие за годы их все более ужесточающейся борьбы, обострили их соперничество в четвертом матче... Было, правда, и в их «непримиримом сотрудничестве» перемирие — в Дубае, — тогда это было нужно в интересах команды... Ну да, и в интересах ассоциации гроссмейстеров само собой... В Севилье же они были не в одной команде, хотя и приехали из одной страны. Это, кстати, позволило писателю Аркадию Арканову опубликовать в разделе «светской хроники» специального бюллетеня шахматного фестиваля «Россия» в Сочи — в разгар испанского поединка — прогноз, на который по-

чему-то не обратил внимания наш дотошный архивариус «сам-третей». Вот он, под обязывающим заголовком «Чемпион мира — наш» в пятом выпуске бюллетеня: «Независимо от исхода матча на первенство мира по шахматам между Г. Каспаровым и А. Карповым чемпион мира остается в нашей стране».

Все шло своим чередом — и полемика, о которой отечественные любители почти ничего не знали, и подготовка, о которой все мы знали еще меньше.

Подготовка к матчу — дело сугубо индивидуальное, вещь очень сложная, тем более когда соперники готовятся к матчу между собой уже в четвертый раз...

Как у них это выглядело раньше? Карпов все время был на виду — где-то там выступал, в каких-то соревнованиях играл, — Каспаров пребывал в тени. Появлялись, правда, прокомментированные им партии, сообщения о том, что он побеждает западногерманские шахматные компьютеры и советских пионеров в турнире «Белая ладья», но в гроссмейстерских турнирах за несколько месяцев перед матчем он уже не участвовал. И перед четвертым поединком с Карповым в шахматном плане чемпиона не было видно: последним турниром, в котором он сыграл — хорошо, но не блестяще, — был турнир в Брюсселе, задолго до Севильи. Но имя чемпиона было на слуху у всех — начиная от любителей КВН (Г. Каспаров входил в жюри возрожденного на Центральном телевидении Клуба веселых и находчивых. — *А. С.) до членов новорожденной ассоциации гроссмейстеров (можно назвать и в обратном порядке).*

Каспаров по складу своего характера органически не способен халтурить, отбывать номер, если уж берется за что-то, и всем этим делам отдавал много энергии и скорее всего много времени. На другое време-

ни не оставалось или оставалось мало, хотя, бесспорно, оба соперника занимались перед матчем шахматами и, в частности, дебютной подготовкой. Однако в севильском матче дебютных откровений Каспарова, которыми он блистал во всех предыдущих поединках, острых блюд страшной кухни загульбинской фирмы не было. Да и выбор дебютного репертуара это подтверждает. Снова защита Грюнфельда — там, конечно, что-то было найдено, что-то уточнено, в принципе Каспарову удалось отстоять этот дебют, реабилитировать его (его репутация была основательно подмочена на финише матча-реванша). Один раз чемпион сыграл староиндийскую (сколько помню, последний раз в матчах на первенство мира она встречалась в матче Спасский — Петросян), но теоретической дуэли не получилось... Ну и снова мы увидали на сцене тот самый вечнозеленый — не в лучшем смысле слова — ферзевый гамбит. Это — черными.

Белыми было сделано больше. Ход c4 раньше в арсенал бакинца не входил или был явно подсобным оружием. А сейчас из восьми результативных партий шесть было сыграно схемами английского начала.

Надо признать, что и в этом матче было сыграно немало теоретически интересного, но застрельщиком дискуссий в ряде случаев выступал Карпов. Но в общем соперники настолько все перелопатили, перепахали в дни и месяцы подготовки к предыдущим сражениям, что поднимать целину становилось все труднее.

Похоже, что к четвертому матчу Каспаров пришел менее собранным, чем, скажем, ко второму и третьему.

Думаю, это гораздо серьезнее отразилось на его игре, чем одна или две неоткрытые дебютные Америки.

Можно сделать совершенно определенный вывод: психологически к жесткой, я бы сказал — жутко жесткой — борьбе чемпион мира оказался не вполне готов.

По накалу борьбы московский и лондонско-ленинградские поединки, пожалуй, не уступали севильскому: везде были сыграны все намеченные по регламенту двадцать четыре партии, но по жесткости — не по накалу, а именно по жесткости — борьбы подобного матча еще не было. Как раньше? Кардиограмма их матчей всегда была рваной: один впереди, другой впереди, разрыв увеличивается на два очка — ничего страшного, страшно сказать — на три, ничего, и это поправимо... А здесь больше чем на одно очко соперники не отрывались. Мне кажется, создать и поддерживать в матче постоянно действующее спортивное напряжение было целью, которую ставил перед собой в Севилье Карпов и которой он почти достиг.

Карпов в своих интервью в ходе матча подчеркивал, что он чувствует себя физически как никогда великолепно. И действительно, если раньше во второй половине соревнования сказывалась усталость старшего по возрасту (это можно было заметить невооруженным глазом), то сейчас, находясь в Севилье на отрезке с пятнадцатой по восемнадцатую партию, никаких признаков утомления, усталости у экс-чемпиона я не почувствовал. И в шахматном отношении — это мое глубокое убеждение — Карпов в Севилье выглядел ничуть не слабее своего конкурента. Сам-то он считает (тут Таль вынул из кипы газет, советских и испанских, номер «Правды» с беседой ее мадридского корреспондента с А. Карповым. — *А. С.), что, к сожалению, оказался впереди Каспарова по числу ошибок и упущенных возможностей, а это и предопределило окончательный итог. Ну что тут скажешь?*

Такова наша природа: все найденное нами — это трудовые доходы, все найденное партнером — нетрудовые.

Обратимся, наконец, к развитию событий непосредственно в матче. Несобранность, скованность, нервозность Каспарова, истоки которых трудно объяснить, дали себя знать с первых же партий, где он начал спотыкаться на ровном месте. Ему здорово досталось от многих комментаторов за то, что над одним из ходов во второй партии он продумал почти полтора часа! Я не склонен порицать его за это; более того, нельзя утверждать категорически, что, истратив на один из ходов полтора часа и, соответственно, оставив всего час на остальные тридцать девять, ты обрекаешь себя на поражение. Но в экстремальную ситуацию ты попадаешь неизбежно...

Допускаю, что там было над чем подумать. И он не напрасно думал: придумал великолепный план, здорово сыграл — казалось, еще немного терпения, и штанга будет поднята. Но какое там — чемпион доигрался до того, что забыл переключить часы, чего в его практике никогда не было и, думаю, не будет. А ведь у белых в какой-то момент был чистый перевес (напомню, что во всех четных партиях в Севилье белые фигуры у чемпиона мира. — *А. С.*), *а потом создалась исключительно острая позиция с колоссальными возможностями интереснейшего перебора вариантов. И что же? Из всех продолжений Гарри останавливает свой выбор на самом беззубом и в один ход передает инициативу сопернику. А его странная забывчивость (забыть переключить часы!) — это уже реакция на все предыдущее...*

В пятой партии, имея превосходную, а главное — свою позицию (инициатива без пешки), он начинает творить нечто невообразимое: делает нейтральные

ходы, попадает в цейтнот и в довершение ко всему зевает элементарную вещь: Ф:d6...

Здесь уже и сам Каспаров почувствовал, что у него что-то не в порядке и надо переключаться на другую игру. И он переключился на более жесткую игру.

Психологическая неподготовленность чемпиона проявилась особенно наглядно в том, как он распоряжался белым цветом. Надо ли напоминать, что играть белыми всегда было для него удовольствием, а для его партнеров — мучением. Сейчас же этого превосходства не ощущалось, а такие партии, скажем, как четырнадцатую и двадцать вторую, я просто не могу понять. В нескольких партиях белыми у него даже видимости игры не было. Он словно решил послушаться тех критиков, которые упрекали его в чрезмерном максимализме.

Очевидно, стоит остановиться на узловых партиях, предопределивших настроение участников и повлиявших на течение событий. После проигранной им пятой партии последовала шестая, одна из самых невыразительных партий Каспарова в этом поединке. Получив блестящую позицию, он быстро расплескал преимущество, играя в совершенно несвойственные ему индифферентные шахматы. И если после пятой он не хотел брать тайм-аут, то после шестой понял, что это необходимо.

В седьмой — вдруг подул обратный ветер. На доске стояла ничейная позиция, Каспаров где-то ошибся (в этом матче он очень неуверенно действовал на отрезке от тридцатого до сорокового хода), и Карпов мог воспользоваться появившимися у него шансами на победу еще до откладывания. Да и путь, избранный Каспаровым при доигрывании, не внушает доверия. В его штабе, как потом выяснилось, рассматривали за Карпова страшной силы ход, который он мог

записать, но Толя сыграл по-другому, позволяя королю черных выскользнуть из опасной зоны... О такой позиции можно было накануне только мечтать. Однако Гарри действовал не лучшим образом, и Толя в результате все же мог победить, но дважды прошел мимо выигрыша.

Надо ли говорить, в каком состоянии пришел не забивший гол с линии вратарской площадки Карпов (и в каком — чудом спасшийся Каспаров) на следующую партию! Восьмая должна быть отнесена к самым невыразительным карповским партиям. Каспаров провел ее без блеска, но четко. Это была его вторая победа. Первую, в четвертой партии, он одержал чисто, в духе раннего Ботвинника.

Карпов быстро оправился, и уже в девятой партии у него были очень хорошие шансы на победу, причем на победу прямой атакой на короля. Затем позиция уравновесилась, и тут вдруг ни с того ни с сего Каспаров заиграл на победу. Много было непонятного, обычной логике не поддающегося, зазеркального в ведении борьбы чемпионом мира в театре «Лопе де Вега»: белыми, когда нужно, он на победу не играет, черными, когда совсем не нужно, — играет... Карпов в результате резких действий партнера получает возможность взять очко, но при доигрывании Каспаров спасается.

Одиннадцатая партия. Магия чисел. Злополучный для двенадцатого чемпиона мира порядковый номер «11». В Москве, во втором матче проиграл практически в равной позиции в один ход, сейчас совершил непостижимый промах тоже в равной позиции, имея двумя ходами раньше все шансы на выигрыш. Просмотр невероятно обидный, ведь все шло к тому, что вперед в матче выйдет экс-чемпион, а повел в счете после злополучной одиннадцатой — 6:5 — чемпион.

Дальнейший ход событий чуть-чуть напомнил мне ситуацию нашего первого матча с Ботвинником. У меня был тогда перевес в два очка, и вот с двенадцатой по шестнадцатую партию мы делали ничьи. В Севилье до настоящей драки не доходило в промежутке с двенадцатой по четырнадцатую партию.

Пятнадцатую я имел возможность наблюдать воочию уже в Севилье, куда организаторы матча пригласили меня прокомментировать для испанских зрителей несколько партий матча на первенство мира. Собственно, я видел не саму партию, а ее доигрывание. Да и, если быть скрупулезно точным, доигрывания как такового не было, хотя оба соперника и зрители, среди них и ваш покорный слуга, в театр явились... Такого, скажу откровенно, мне в жизни видеть не приходилось!

Вместе с гроссмейстерами Юрием Авербахом и Львом Полугаевским прилетели мы из Москвы в Мадрид, где посмотрели отложенную пятнадцатую, отдали должное обоим партнерам, сыгравшим одну из самых содержательных партий севильского цикла, и, признаться, не поняли, что тут можно доигрывать... Перелетели из Мадрида в Севилью, устроились в отеле; Лева стал рассказывать, как надо реорганизовать розыгрыш звания чемпиона мира (он этим занимается по поручению руководства ФИДЕ), я немного послушал, а потом решил все же съездить в театр — любопытство одолело. Приезжаю в театр задолго до назначенного по регламенту часа доигрывания, встречаю главного арбитра Геурга Гийсена, спрашиваю: «Не было звонка?» (Обычно в таких случаях гроссмейстер предлагает ничью партнеру через главного судью по телефону.) «Нет, — отвечает голландский судья, — никто не звонил». Поехал я обратно в гостиницу, но тут мне позвонил один из наших шахмати-

стов, находившийся в Севилье с самого начала: «Миша, приезжай, будет игра». Какая игра?! Что можно найти в этой бито-ничейной позиции?

Доигрывание начиналось обычно — в 16.30. Я вошел в зал в 16.32. На сцене стоял столик. Кроме главного арбитра и его заместителя Лембита Вахесаара из Таллинна, никого не было. Минут через пятнадцать на сцене появился Карпов, к нему подошел арбитр, что-то ему сказал, он выслушал, расписался — и ушел. Каспаров, как выяснилось позднее, все это время находился в своей комнате за сценой.

Что же произошло?

Один из соперников потом утверждал (все это я знаю со слов Вахесаара), что у них со времен «Ленинграда» было джентльменское соглашение: предлагать ничью в день доигрывания до часу дня, другой соперник же это отрицает. В общем получилось так: в начале второго часа дня представитель делегации Карпова позвонил главному судье и предложил, как и положено, сопернику ничью. «Хорошо, — сказал арбитр, — я доведу ваше предложение до сведения чемпиона мира». Позвонил судья в резиденцию чемпиона, попросил позвать его к телефону, ему ответили, что чемпион мира гуляет, будет через двадцать минут. Снова позвонил судья, ему ответили, что чемпион мира спит. В три часа дня наконец судья дозвонился до чемпиона мира, и тот согласился на предложенную соперником ничью. Судья тут же перезвонил Карпову и услышал: «Мы снимаем свое предложение». Тут международный арбитр «повесил уши» — такого в его многолетней практике еще не бывало. А экс-чемпион мира продолжает: «Да и вообще ничью предлагал (тут он назвал фамилию одного из членов своей делегации. — М. Т.), а он не уполномочен это делать». Судья, однако, знал, видел подпись этого

представителя, скажем, когда Карпов брал тайм-аут и в некоторых других случаях. В общем, когда Толя приехал на доигрывание (а Гарик сидел в своей комнате за сценой), судья ему сказал, что партия уже закончилась. А вечером я смотрел местное телевидение и слышал, как Толя говорил: «Я просто хотел поучить чемпиона мира правилам культуры».

Шестнадцатая партия. И снова магия чисел: шестнадцатые на редкость удавались Каспарову, и он, очевидно, уверовал, что так будет всегда... Дебют прошел под его знаком, затем он где-то упустил перевес, возникла примерно равная позиция, мы сидим в пресс-центре — Марк Тайманов, Лев Полугаевский, я, — двигаем фигуры и видим, что позиция черных вполне защитима, но тут английский мастер Ходжсон предлагает нам посмотреть за белых атакующий выпад — f4 — f5. И знаете, что мы сказали? «Это же смешно». Он подумал немного и согласился с нами. Минут через десять сообщили: чемпион сыграл f5! Англичанин возгордился, но ненадолго. Теперь уже Карпов мог сыграть реально на победу, но он сыграл аккуратно, а Каспаров вдруг пошел ферзем на e2. Непостижимый ход, что он «зевнул» — об этом может рассказать только сам чемпион. Еще через ход выяснилось, что белые еще сохраняют приличные шансы на ничью, правда, их ждет эндшпиль без пешки... Последние ходы его совсем уже непонятны, партия откладывается, но очевидно, что доигрывания не будет. Гарик интеллигентно сдался, не знаю только точно, в каком часу он позвонил арбитру, кажется, в полдень.

И снова в матче наступило равновесие.

В семнадцатой партии до поры до времени оба играли хорошо, шла напряженная борьба, и возникло равное окончание. Однако опять на заключительном

отрезке партии, после тридцатого хода Каспаров действовал не лучшим образом и несколько раз проходил мимо абсолютной ничьей. Отложили. У белых получше, но в общем-то и для черных ничего страшного. Мы идем на доигрывание, встречаю Ульфика, начинаем с ним разбирать, и выясняется, что может возникнуть очень смешной ферзевый эндшпиль. Выигрыш или ничья — не известно... Народ собирается, а Гарик опаздывает, минут на двадцать задержался. Выяснилось, что они лишь за полтора часа до отъезда обнаружили, что все не так ясно в отложенной позиции, как всем казалось. Ко мне подошла жена Карпова, поинтересовалась, как позиция, я ответил: «Думал, что ничья, но оказывается, все не так просто».*

Я комментировал эту партию в фойе на демонстрационной доске для зрителей. Когда партия заканчивается, ребята обычно уходят сразу же, а тут сидят за столиком, и Гарик очень темпераментно показывает Толе какие-то варианты. Я глазам своим не поверил: совместно анализирующими Карпова и Каспарова я не видел с их первого матча. Оказывается, Гарик считал поначалу свою позицию проигранной, считал или делал вид, что так считает, затрудняюсь сказать определенно. В общем, после партии Каспаров сказал по испанскому телевидению, что он просто счастлив, что так благополучно для него все обошлось. Ну что ж, действительно, проблем у черных могло бы быть больше, сыграй Карпов по-другому. Но выигрыша все-таки, как выяснилось впоследствии, там не было. Этот эпизод вызвал разноречивые толкования. Одни считали, что все дело в импульсивности

---

* Ульф Андерссон — шведский гроссмейстер.

Каспарова, — не сдержался, мол, и начал выяснять у соперника, почему тот не сыграл иначе, гораздо опаснее. Другие усмотрели в этом импульсивном акте совсем другой подтекст: неспроста чемпион показывал сопернику упущенные им, соперником, возможности — надо ли говорить, что это не улучшает настроение тому, кто эти возможности упустил. Помнится, сразу после шестнадцатой партии первого матча Карпов показал Каспарову, как тот без особых затруднений мог выиграть.

Восемнадцатая, девятнадцатая, двадцатая партии — снова ферзевый гамбит, а в этом варианте за все сто двадцать партий у них сплошные ничьи. Все три раза у белых было получше, но для победы явно недостаточно.

Восемнадцатую я еще комментировал в Севилье, девятнадцатую и двадцатую смотрел в Мадриде, а к двадцать первой вернулся домой. И по двадцать первой стало ясно, что прогноз Карпова относительно того, что исход матча решит грубая ошибка одного из противников, в общем-то оправдан. Можно было добавить: последняя грубая ошибка.

Двадцать первая была столь же интересной, сколь и небезошибочной. Снова принципиальный дебютный спор: по сравнению с пятнадцатой партией белые усилили игру. Алик Рошаль где-то написал, что никто в севильском пресс-центре не видел ход черных конь d3... В Риге этот прыжок коня мы предвидели. Как пропустил такой контрудар Карпов?.. Очевидно, сказались колоссальное напряжение, невероятная усталость. И сразу же позиция белых из лучшей стала худшей, а возможно, и проигранной. Но тут пришел черед ошибаться Каспарову, он явно поспешил, двинув вперед пешку по линии «f», открывая своего короля. У белых нашлась жертва качества, после чего

уже черным надо было беспокоиться, и они пошли на троекратное повторение ходов. Черные должны были повторять ходы, они очень испортили свое положение, да и психологически гораздо лучше чувствовал теперь себя противник... А вот должны ли были это делать белые, зависело от показаний их часов. Утверждают, что у Карпова был в этот момент сильнейший цейтнот. Объективно же говоря, соглашаться на ничью в сложной позиции в тот момент, когда в резерве остаются две черные партии, а счет в матче равный, что претендента никак устроить не может, — это, конечно, крайний шаг.

Мне приходилось слышать и читать, что в севильском матче было как никогда много ошибок. Но ошибки были и в других матчах на первенство мира, и в трех первых поединках этих соперников. Нет, на этот раз у них не ошибок было больше, а хороших ходов было меньше, чем раньше. Исход партий в Севилье определялся зачастую не хорошей игрой одного, а неудачной игрой другого. Да и какой безошибочной игры можно ждать от шахматистов, вынужденных играть вторую сотню партий за сравнительно короткий отрезок времени.

Двадцать вторую партию я понять не могу. Не саму партию, а намерения чемпиона мира. Был взят тайм-аут, что-то, очевидно, искали, усиливали, но ничего этого мы на доске не увидели. Такое у него бывало в первом матче, когда ему надо было приходить в себя.

Перед двадцать третьей я выступал на одном московском предприятии и высказал предположение, что матч закончится 12:12. Мне казалось, что у соперников не хватит энергии бороться и они сделают две ничьи. Но, к счастью для шахмат, я ошибся. Амуниция, правда, к этому времени уже пообносилась, но

зато амбиции у обоих оказалось достаточно, и партии получились самые что ни на есть кубковые...

То ли на чемпиона подействовало сказанное накануне Карповым: «Каспаров меня боится», то ли что-то другое, аналогичное, вывело его из себя, только он «завелся» и в двадцать третьей партии, вместо того чтобы сыграть очень просто, спокойно Cb7, что вело к чуть худшей, но вполне терпимой позиции, вдруг затеял какую-то пляску своими фигурами. Пошла их обычная игра: Гарик что-то там затевает, шипит, Толя его сдерживает, аккуратно держит на дистанции. Но в районе тридцать третьего — тридцать седьмого хода уже Карпов промедлил, и у Каспарова появилась приличная контригра. Объективно дела черных похуже, но у них появилась динамичная позиция. Доигрывание оказалось абсолютно непредсказуемым. В очень сложной позиции, когда у Карпова оставалось десять секунд на четыре хода (а у Каспарова было в запасе целых пять минут), чемпион делает ход ладья f3, на вид кажущийся страшным, но третий ход белых сразу же проясняет обстановку — атакован ферзь белых, но под ударом и ферзь черных, и им, это совершенно очевидно, надо сдаваться...

А еще через час, разбирая эту позицию, многие специалисты, и я в том числе, обнаружили, что черные могли не просто держаться, но и, сделав ход a5, резко переломить судьбу партии. Мне трудно себе представить, чтобы даже Карпов с его феноменальной реакцией мог в этой ситуации сделать за десять секунд четыре хода.

Я жил в это время в Москве, комментировал ход матча по Центральному телевидению. Очень много писем туда приходило — примерно в половине из них меня ругали болельщики Каспарова за явное предпочтение, которое я отдаю Карпову, другая половина

была убеждена в обратном, о чем тоже доводила до моего сведения без обиняков. Перед последней партией, когда Карпов повел в счете и от звания чемпиона мира его отделял лишь один шаг, телефон в моем гостиничном номере не знал ни минуты покоя. «Ну что, — кричали радостно, — теперь-то наш не отдаст?!» И тут же, едва я вешал трубку, снова звонок, и полный вселенской скорби голос вопрошал: «Это безнадежно, Миша, не так ли?»

Действительно, выигрывать по заказу последнюю, двадцать четвертую, партию в матче на первенство мира — дело архитрудное, почти безнадежное. Но уж если пытаться, так надо вынимать из ножен что-то одноразовое, специально для такого экстремального случая припасенное... Но нет, начинается очень спокойная, даже несколько заунывная игра, словно это не решающая, а девятая, десятая партии. И все время равновесие, равновесие и все время напряжение, напряжение. Фигур не так много, но напряжение поддерживается. А наверное, держаться под напряжением труднее, чем играть. И очень любопытная концовка получилась. Нервы, напряжение плюс цейтнот — хороший такой наборчик. После своего тридцатого хода Фb1 белые выигрывали ходом Сh5. Но они избрали другое продолжение, сыграв Фd1. У Карпова появилась возможность разом избавиться от всех неприятностей; для этого он должен был поставить одного из своих коней на поле с5 и, конечно, тогда бы с гарантией не проиграл. Но на грубую ошибку белых черные ответили своей грубой ошибкой: другой их конь переместился на е7. Нервы, напряжение плюс цейтнот...

В отложенной позиции, как сообщили радио- и телевизионные комментаторы, у белых лишняя пешка и лучшая позиция, а черным предстоит борьба за ничью.

В номере у меня шахмат не было — сапожник без сапог, — на этаже тоже не было, лег я в постель, а сам все кручу и кручу позицию... И убеждаюсь, что если черные стоят, только стоят, то рано или поздно белые победят. Все статические признаки за них: лишняя пешка, слон сильнее коня... Но утром, проснувшись и опять прокрутив в уме варианты, я пришел к заключению, что после хода черных g5 я не вижу, как белым выигрывать в этой вроде бы выигранной для них позиции. Решил проверить эти умозаключения, звоню своему хорошему приятелю, шахматному мастеру и журналисту, у которого к тому же дома были шахматы. Он, конечно, сразу спросил: «Ну как?», я ответил, что вроде бы выиграно у белых, но вот после g5... он не выдержал, перебил меня: «Удивительное дело! Только что я разговаривал с Михаилом Моисеевичем, и он мне сказал, что не видит, как выигрывать белыми после g5...» По-моему, столь единодушны в оценках мы с Ботвинником не были со времени наших матчей.

Соперники не проиграли друг другу, но их четвертый матч в зрелищном отношении проиграл двум предыдущим. Элемент искусства отступил здесь явно на второй план. Преобладало спортивное начало, жесткая, даже жестокая, борьба. Но потенциал обоих советских гроссмейстеров велик, и я уверен, что оба они в ближайших же соревнованиях реабилитируют себя в творческом отношении и подарят миру истинные шедевры.

Думаю, что оба должны быть благодарны судьбе за то, что она развела их на три года. Ну, а остальное — во власти Анатолия Евгеньевича. Не исключено, что в 1990 году мы станем свидетелями их пятого матча на звание чемпиона мира.

Какую тугоплавкую нервную систему, какую выносливую душу надо иметь, чтобы выдержать то, что они выдержали за четыре, а фактически за пять матчей (ведь первый вместил два «нормальных», по двадцать четыре партии каждый), сыграв за три с небольшим года сто двадцать партий, которые при обычном стечении обстоятельств — один матч в три года — должны были растянуться на пятнадцать лет!

Какой ценой? Кто знает... Кто знает, в каком состоянии после таких «мозговых атак» находятся четырнадцать миллиардов нейроклеток одного великолепно организованного мозга и четырнадцать миллиардов клеток другого, не менее великолепного? Кто знает, отмирают ли клетки ожесточившейся души или она способна очнуться, как после глубокого обморока?.. Кто знает...

Надо полагать, у современной фармакопеи есть средства, способные помочь утомленным нейроклеткам. И современная психология позволяет людям избавиться от издержек сверхмобилизованности организма, настроенного на действия в условиях конфликта, от злости, стыдливо именуемой спортивной, от неприязни к сопернику, от ожесточения души. Психогигиена, прикладная психопрофилактика необходимы для выведения тела и души из состояния долгого бескомпромиссного боя с его супервысоким «атмосферным» давлением так же, как необходимо поднимать водолаза с большой глубины, постепенно понижая давление во избежание кессонной болезни. Прикладная психопрофилактика, возможно, позволит чемпиону и претенденту прийти к новому, грядущему испытанию посвежевшими, обновленными, усилившими особые, профессиональные качества и навыки. Но гарантирует ли она от кессонной болезни души, обеспечивает ли воспроизводство человеческого в человеке,

приведение в порядок его душевного хозяйства, о чем так беспокоился Николай Васильевич Гоголь: «Если даже тебе случится рассердиться на кого бы то ни было, рассердись в то же время и на себя самого, хотя за то, что сумел рассердиться на другого»!

А уж о том, что наши герои рассердились друг на друга не на шутку, никаких сомнений не остается. Через три недели после завершения севильской шахматной дуэли писатель Леонид Зорин в еженедельнике «Московские новости», что называется, открытым текстом поведал граду и миру о том, как борьба гроссмейстеров перешла в войну: «Два гениальных шахматиста не в силах ограничить свой спор шестьюдесятью четырьмя полями, они встают из-за столика, спешат навстречу журналистам и операторам, дают интервью и пишут статьи, пропитанные ядом и желчью, предпринимают различные акции, направленные друг против друга».

Зорин немало писал о шахматах, по его сценарию снят фильм «Гроссмейстер». Со времен, кажется, еще первого матча Петросян — Спасский помнится мне зоринский афоризм: «Победа показывает, что ты можешь, а поражение, чего ты стоишь». Что ж, в севильском споре фактически никто не потерпел поражение: он закончился вничью — 12:12... А в ссоре кумиров, мешающей нам наслаждаться их спортом, их творчеством, победителей не бывает...

Одной психопрофилактикой окалину жестокосердия не снять, душу ожесточившуюся не смягчить, не выправить никакими психорегулирующими упражнениями. Нужно «обратить глаза зрачками в душу», в свою собственную душу, и дать ей возможность оглядеть самое себя без спешки, без пропусков и произвести необходимое самоочищение. В широком смысле это тоже психопрофилактика, психогигиена:

выдавливая по капле раба, избавляешься от комплекса неполноценности, а выдавливая «победы спесь» (выражение поэта Владимира Корнилова), избавляешься от комплекса полноценности, от чемпионского суперменства... И не менее необходима самостоятельная духовная работа, проделываемая непрерывно и со смирением, когда (опять вспомним Гоголя) постигаешь «всю чудную сладость быть учеником», когда «весь мир... учитель» и нельзя ни на миг возомнить, что ученье кончено.

Пожалуй, далековато увело меня от шахмат: да и разве только шахматистам можно переадресовать бессмертные советы русского классика, разве все это не современно сейчас, на исходе века двадцатого, разве не чувствуем мы, что справедливое обличение пороков застойного времени, критика несовершенств подняли со дна наших душ не только свободное, гордое, но и злое, неправедное, нетерпимое?.. Не хотелось бы считать это неизбежными издержками всякой борьбы, любого человеческого конфликта, противостояния. Самую острую и непримиримую борьбу можно вести, не теряя лица, уважая личное достоинство — и свое, и чужое.

Борьбе нужны бойцы. И еще долго будут нужны, скорее всего всегда, потому что совершенствование общества и личности будет продолжаться, пока жив на земле человек. И бойцовские качества нам в себе, спору нет, надо воспитывать. Но и личная смелость, и гражданское мужество, и неуступчивая принципиальность, свойственные человеку-бойцу, не исказят высоких целей борьбы лишь тогда, когда она будет вестись по законам гуманности, а ведущие ее, помимо отменных бойцовских качеств, будут терпимы, великодушны, благородны и доброжелательны. Скажете — так не бывает, чтобы в одном человеке все это

сошлось? Почему же? Михаил Таль, вспоминая недавно в связи с выходом книги «Четыре четверти пути» ее автора, несгибаемого бойца со злом, Владимира Высоцкого, сказал, что его доминантой была колоссальная доброжелательность.

Оба наших героя, по свидетельству Таля, перед матчами и во время их, слушали пластинки и смотрели видеоленты с записями Высоцкого.

«Я коней своих нагайкою стегаю...»

Доминанта души — доброжелательность. Как у Высоцкого. Как у Таля. Как у... Впрочем, у каждого из нас свой перечень людей с такой доминантой. И у каждого из нас (это уже не по Высоцкому, а по Платону, величайшему древнегреческому мыслителю) душа представляет собой соединенную силу пары крылатых коней и возничего. Один конь — белой масти, стройный, прекрасных стáтей, с высокой шеей — тянет душу в высоту; другой — черной масти, тучный, полнокровный, причастный злу, — всей тяжестью тянет к земле, вниз, отчего душа испытывает муки и напряжение. И каждому от века назначено управляться со своими конями самому. И с черным, и с белым.

Рвется в небеса белый конь, и слышится в вышине глас: «Мирись с соперником твоим скорее...»

И вторят ему: «Слабые никогда не прощают. Умение прощать — свойство сильных».

Конь белый, конь черный...

С-III. А меж тем на земле Зазеркалья битва Белого Рыцаря и Черного Рыцаря кончилась тем, что оба они ударились о землю головами, полежали немного рядышком, потом поднялись и пожали друг другу руки. Черный Рыцарь уселся в седло и ускакал.

«— Блестящая победа, правда? — спросил, подъезжая к Алисе, Белый Рыцарь и перевел дыхание.

— Не знаю, — отвечала с сомнением Алиса».

* * *

Участники московского международного турнира еще выясняли отношения между собой, а Михаил Таль, сделавший быструю ничью, прошел в зрительный зал поздороваться со старым приятелем. Вместе с собирателями автографов к гроссмейстеру пробилась маленькая серьезная девочка, представилась: «Я Жужа из Будапешта» и попросила сыграть с ней «блиц».

В комнате отдыха участников турнира сели за доску. У Таля было уже значительно лучше, когда он увидел, что у Жужи есть форсированная комбинация, ведущая к ничьей. Очень красивая комбинация, жаль, подумал Таль, не будет исполнена, сколько лет этому очаровательному созданию — одиннадцать, двенадцать?.. Жужа увидела все, на это у нее ушло секунд десять. Итак, одна ничья и две победы, — правда, для этого экс-чемпиону пришлось мобилизовать все силы.

Через два с половиной года, накануне открытия первого матча, Карпов — Каспаров, М. Таль сделал такой прогноз: «В недалеком будущем чемпион мира будет отстаивать свое звание в матче с гроссмейстером-женщиной. Рискну даже назвать имя шахматистки, которой это, возможно, удастся. Ее зовут Жужа Полгар».

Время вносит поправки в наши прогнозы. Прошло всего пять лет, и уже я рискну поправить своего соавтора-консультанта. Соперником чемпиона мира по шахматам рано или поздно, возможно, будет Полгар. Но не Жужа, а Юдит, самая младшая из трех сестер.

Есть еще Жофи, средняя. Жуже сейчас девятнадцать, Жофи — четырнадцать, Юдит двенадцать лет. На Всемирной шахматной олимпиаде в Салониках сестры Полгар в составе сборной Венгрии завоевали звание чемпионок мира в командном первенстве.

Юдит Полгар показывает совершенно феноменальные результаты: она стала международным мастером среди мужчин в двенадцать лет (Фишеру это удалось только в четырнадцать). Ей присужден «Оскар» по итогам 1988 года. У мужчин этого почетного приза удостоен Каспаров. И хотя Юдит получила «Оскар» как лучшая среди шахматисток, были, разумеется, учтены ее успехи в мужских турнирах. Юдит стала чемпионом мира среди... мальчиков. Впервые в истории ФИДЕ «мужской» чемпионский титул достался шахматистке. Чудеса да и только!

Психолог Ласло Полгар, отец Жужи, Жофи, Юдит, и их мать Клара, педагог, верят в то, что все дети от трех до шести лет гениальны, ну, а дальнейшее зависит от того, как родители будут развивать их способности. Что касается чудес, то Полгары-старшие согласны с немецким мыслителем Лессингом: «Среди всех чудес самое удивительное то, что подлинные чудеса могут и даже должны происходить в действительности».

Если чудеса могут и должны происходить, почему бы не предположить, что в первом матче на первенство мира в двадцать первом веке, нет, не матче, а, пожалуй, матче-турнире встретятся Гарри Каспаров, Анатолий Карпов, Юдит Полгар и Каисса-2001, шахматный компьютер, в котором японские ученые смоделировали мышление восьмого чемпиона мира Михаила Таля.

«Таль, простите, Каисса-2001 чересчур рискованно разыграла королевский гамбит в партии против Юдит

Полгар, — сообщит с одного из островов Кермадек, что поблизости от Новой Зеландии, спецкор «Советского спорта» Михаил Таль. — Еще более остро протекала партия между Каспаровым и Карповым, сумевшими в конце прошлого столетия использовать свою энергию в мирных целях и после пятилетнего перерыва в их очных поединках снова сесть за доску лицом к лицу. Это была, кстати, их юбилейная, 500-я, партия».

Так ли все будет на самом деле?..

* * *

Так ли все было на самом деле, как у нас описано?

В шахматном Зазеркалье все было так на самом деле — авторы ничего не выдумали, кроме фигуры С-III — гроссмейстера-журналиста, ничего не выдумали, разве кое-что за своих героев додумали.

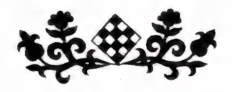
А вот как было в действительности, мы, к великому нашему огорчению, не знаем. Возможно, что «в действительности все выглядит иначе, чем на самом деле».

Этой мыслью, достойной самого Льюиса Кэрролла, но принадлежащей другому замечательному «абсурдисту» — польскому сатирику Станиславу Ежи Лецу, мы и заканчиваем эту современную шахматную историю.

На бумаге она и в самом деле закончилась, а в действительности...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дорогие читатели!

Автор, художник и редакция
ждут ваших отзывов
о содержании и оформлении
этой книги.
Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу:

191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги
издательства «Детская литература».

Литературно-художественное издание

Для старшего школьного возраста

Самойлов Алексей Петрович

КАИССА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Ответственный редактор О. В. Москалева
Художественный редактор И. Н. Косарева
Технический редактор Т. С. Тихомирова
Корректор Н. Н. Жукова

ИБ 11628

Сдано в набор 16.02.89. Подписано к печати 28.09.89. М-19734. Формат $70 \times 100^1/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Шрифт обыкновенный новый. Усл. печ. л. 12,35. Усл. кр.-отт. 25,34. Уч.-изд. л. 12,26. Тираж 100 000 экз. Заказ № 490. Цена 85 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Самойлов А. П.

С 17 Каисса в Зазеркалье: Шахматная история/ Художник В. Мишин. — Л.: Дет. лит., 1989.— 302 с., ил.

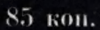
ISBN 5—08—000159—3

В документальной повести, написанной автором при участии экс-чемпиона мира Михаила Таля, рассказывается о противоборстве сильнейших шахматистов современности — Гарри Каспарова и Анатолия Карпова, поднимаются проблемы ответственности таланта перед обществом, воспитания гармоничной личности.

С $\frac{4803010201-176}{М101(03)-89}$ 35—89 **ББК 75.581**

CHAMPION
FIDE
LONDON'S
SAVE
PRO

SHIP
PERGA
PRES
'86
E &
SPE

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Алексей Самойлов
КАИССА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ